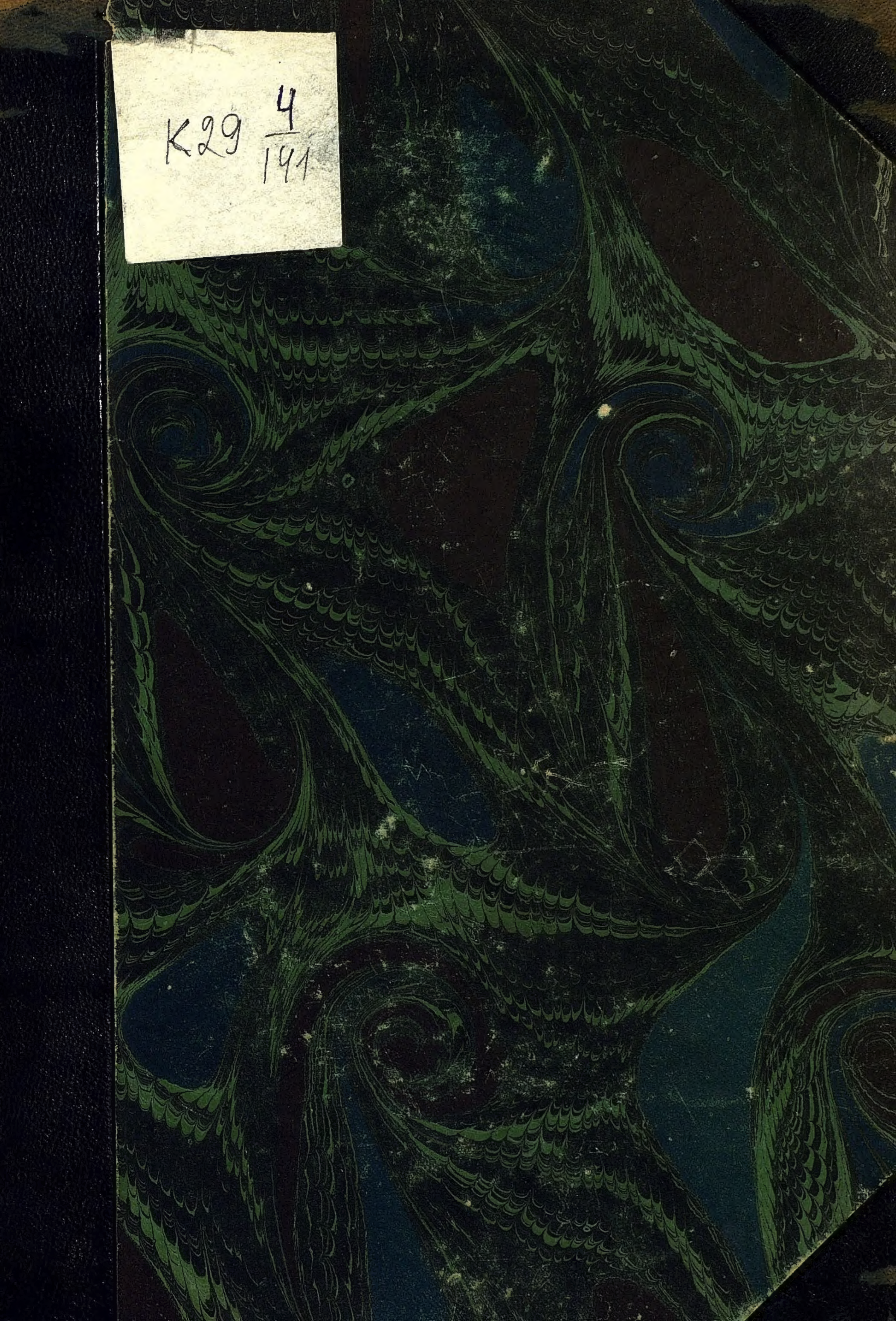
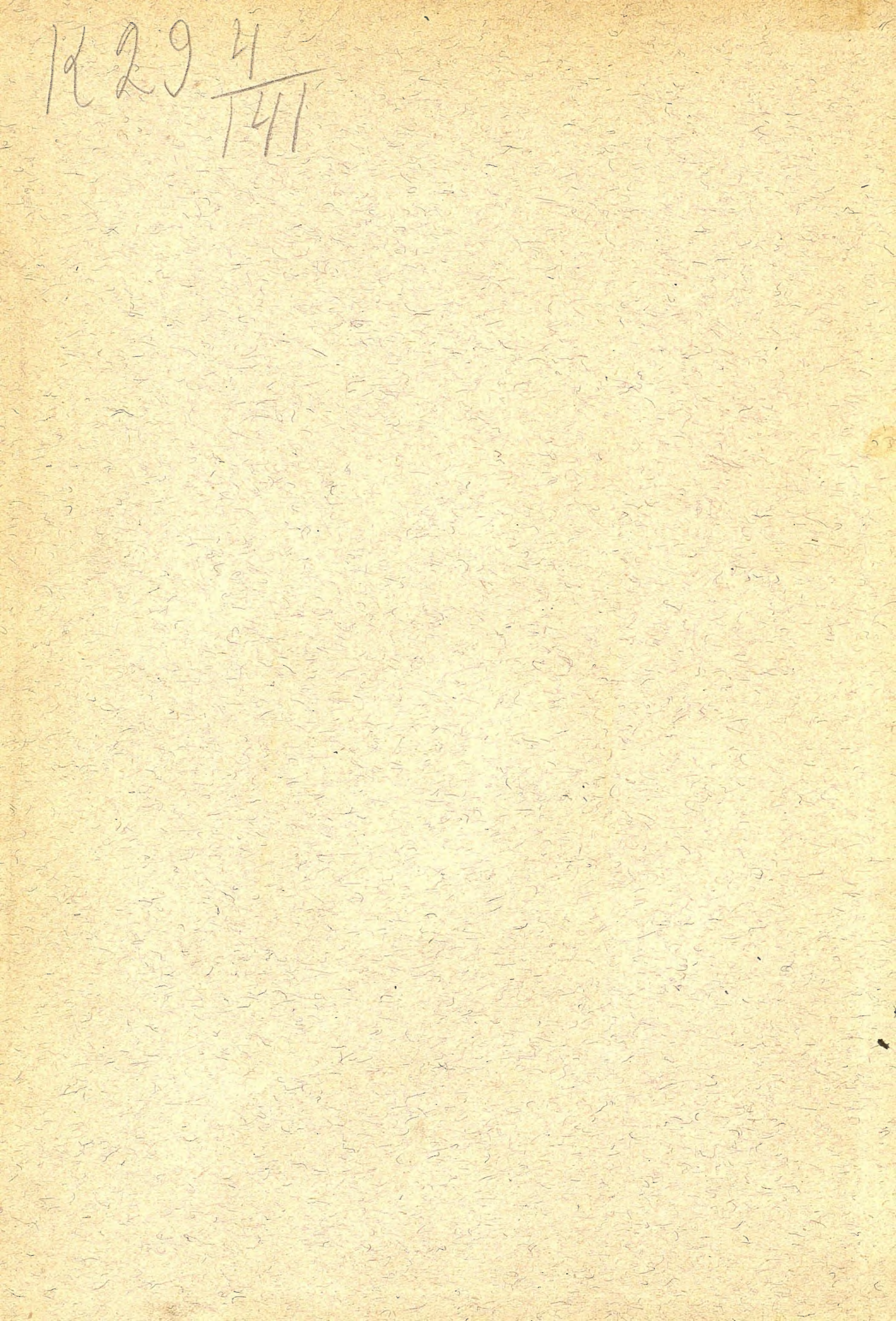

К29 4/141

Глубокоуважаемому
Алексѣю Сергѣевичу
Суворину
отъ автора

ПАВЕЛЪ I.

(1754—1801).

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. С. Шумигорскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, № 40.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7-го сентября 1899 г.

Павелъ I, императоръ всероссійскій, сынъ великаго князя (впослѣдствіи императора) Петра Ѳедоровича и великой княгини (впослѣдствіи императрицы) Екатерины Алексѣевны, урожденной принцессы ангальтъ-цербстской, род. въ С.-Петербургѣ, 20 сентября 1754 года; титулъ цесаревича получилъ 27 декабря 1761 года. 29 сентября 1773 г. вступилъ въ 1-й бракъ съ принцессой гессенъ-дармштадтской Вильгельминой, нареченной при св. миропомазаніи Наталіей Алексѣевной; съ 26 сентября 1776 г. былъ во второмъ бракѣ съ принцессой виртембергской Софіей-Доротеей, нареченной въ св. миропомазаніи Маріей Ѳеодоровной; вступилъ на престолъ 7 ноября 1796 г.; скончался въ С.-Петербургѣ въ ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 г.; отъ второго брака имѣлъ четырехъ сыновей; 1) Александра Павловича (род. 12 декабря 1777 г.), 2) Константина (род. 27 апрѣля 1779 г.), 3) Николая (род. 25 іюня 1796 г.) и 4) Михаила (род. 28 января 1798 г.) и шесть дочерей: 1) Александру (род. 29 іюля 1783 г.), 2) Елену (род. 13 декабря 1784 г.), 3) Марію (род. 4 февраля 1786 г.), 4) Екатерину (род. 10 мая 1788 г.), 5) Ольгу (род. 11 іюля 1792 г.) и 6) Анну (род. 7 января 1795 г.).

Павелъ Петровичъ — великій князь (1754—1796).

Великій князь Павелъ Петровичъ родился къ величайшей радости бабушки своей, императрицы Елисаветы Петровны, и всей Россіи: его рожденіемъ обезпечивалось престолонаслѣдіе въ родѣ Петра Великаго. Императрица Елизавета видѣла въ младенцѣ-внукѣ залогъ будущности своей имперіи и приняла на себя заботы о его воспитаніи. «Только что спеленали его», разсказываетъ Екатерина, «какъ явился, по приказанію императрицы, духовникъ ея и нарекъ ребенку имя Павла, послѣ чего императрица тотчасъ велѣла повивальной бабушкѣ взять его и нести за собою, а я осталась на родильной постели... Въ городѣ и имперіи была великая радость по случаю этого событія. На другой день я начала чувствовать нестерпимую ревматическую боль, начиная отъ бедра вдоль голени и въ лѣвой ногѣ. Боль эта не давала мнѣ спать, и, сверхъ того, со мною сдѣлалась сильная лихорадка; но, не смотря на то, и въ тотъ день я не удостоилася большаго вниманія. Впрочемъ, великій князь на минуту явился въ моей комнатѣ и потомъ ушелъ, сказавъ, что ему некогда больше оставаться. Лежа въ постели, я безпрерывно плакала и стонала; въ комнатѣ была одна только Владиславова; въ душѣ она жалѣла обо мнѣ, но ей нечѣмъ было помочь. Да и я не любила, чтобы обо мнѣ жалѣли, и сама не любила жаловаться: я имѣла слишкомъ гордую душу, и одна мысль быть несчастной была для меня невыносима; до сихъ поръ я дѣлала всё, что могла, чтобы не казаться таковой... Наконецъ, великій князь соскучился по моимъ фрейлинамъ: по вечерамъ ему не за кѣмъ было волочиться, и потому онъ предложилъ проводить вечера у меня въ комнатѣ. Тутъ онъ началъ ухаживать за графиней Ели-

заветой Воронцовой, которая, какъ нарочно, была хуже всѣхъ лицомъ».

Этотъ простой разсказъ царственной матери Павла Петровича объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его рожденіе, ясно показываетъ, подъ какими несчастными предзнаменованіями появился на свѣтъ великій князь — младенецъ: семейная драма, происходившая въ средѣ императорской фамиліи, уже дала направленіе его будущности. Жертва политическихъ разсчетовъ, баловень царственной бабушки, Павелъ Петровичъ при самомъ рожденіи встрѣченъ былъ полнымъ равнодушіемъ ничтожнаго отца и слезами геніальной матери, до глубины души прочувствовавшей свое униженіе и безсиліе: мало того, что у нея отняли первенца—сына и навсегда оторвали отъ семейныхъ радостей, но ради этого же ея первенца бросили ее на произволъ судьбы и какъ бы сдѣлали его ей соперникомъ: возвеличивая сына, унижали мать.

Крещеніе Павла Петровича совершено было при пышной обстановкѣ 25 сентября. Свое благоволеніе къ матери новорожденнаго императрица выразила тѣмъ, что послѣ крестинъ сама принесла ей на золотомъ блюдѣ указъ кабинету о выдачѣ ей 100,000 р. Послѣ крестинъ при дворѣ начался рядъ торжественныхъ праздниковъ по поводу рожденія Павла: балы, маскарады, фейерверки, длились около года. Ломоносовъ въ одѣ, написанной въ честь Павла Петровича, желалъ ему сравниться въ дѣлахъ съ великимъ его прадѣдомъ, пророчилъ, что онъ освободитъ Святыя мѣста, перешагнетъ стѣны, отдѣляющія Россію отъ Китая. Манифестъ 7 октября 1754 г. о рожденіи великаго князя Павла Петровича начинался словами: «Всемогущему Господу Богу благодареніе!» Тогда же посланы были для сообщенія родственнымъ дворамъ о счастливомъ событіи въ императорскомъ семействѣ: въ Вѣну — камергеръ Сиверсъ, въ Цербстъ—капитанъ Хрущовъ и въ Стокгольмъ — камергеръ великокняжескаго двора, Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ, вслѣдъ затѣмъ назначенный посланникомъ въ Гамбургъ.

Празднуя рожденіе внука, императрица Елизавета по-прежнему не щадила материнскихъ чувствъ Екатерины: для нея на первомъ планѣ были лишь «интересы имперіи». Увидѣть сына въ первый разъ послѣ родовъ Екатеринѣ пришлось только чрезъ шесть недѣль, когда она принимала очистительную молитву. Тогда императрица во второй разъ пришла къ ней въ комнату и велѣла принести къ ней Павла. «Онъ показался мнѣ очень хорошъ», пишетъ Екатерина, «и видъ его нѣсколько развеселилъ меня, но какъ скоро молитвы были окончены, императрица тотчасъ приказала унести его и сама ушла». Въ третій разъ Павла показали матери, по ея просьбѣ, лишь весною, по случаю отъѣзда великокняжеской четы въ Ораніенбаумъ; чтобы добраться до его спальни, она должна была пройти чрезъ всѣ покои государыни и нашла его въ страшной духотѣ. Но умная, европейски образованная мать не могла сразу подавить въ себѣ естественной заботливости о сынѣ и издали, со скорбію, слѣдила за направленіемъ, которое давала первоначальному его воспитанію добродушная, но строго придерживавшаяся старозавѣтныхъ русскихъ традицій императрица. Павла Петровича, какъ помѣщичьяго сынка, сдали постепенно на руки невѣжественной женской дворнѣ, со страхомъ заботившейся только о томъ, чтобы беречь и холить барское дитя, оставшееся безъ всякой родительской ласки и призору: еще до крестинъ Павелъ едва было не умеръ отъ молочницы. «Я должна была», пишетъ Екатерина, «лишь украдкой навѣдываться о его здоровьѣ, ибо просто послать спросить о немъ значило бы усумниться въ попеченіяхъ императрицы и могло быть очень дурно принято. Она помѣстила его у себя въ комнатѣ и прибѣгала къ нему на каждый его крикъ; его буквально душили излишними заботами. Онъ лежалъ въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, во фланелевыхъ пеленахъ, въ кроваткѣ, обитой мѣхомъ черныхъ лисицъ; его покрывали одѣяломъ изъ атласнаго тика на ватѣ, а сверхъ того еще одѣяломъ изъ розоваго бархата, подбитаго мѣхомъ черныхъ лисицъ. Послѣ я сама много разъ видала его такимъ образомъ укутаннаго; потъ текъ у него съ лица и по всему тѣлу, вслѣдствіе чего, когда онъ выросъ, то простуживался и заболѣвалъ отъ малѣйшаго вѣтра. Кромѣ того, къ нему приставили множество безтолковыхъ старухъ и мамушекъ, которыя своимъ излишнимъ и неумѣстнымъ усердіемъ причинили ему несравненно больше физическаго и нравственнаго зла, чѣмъ добра».

Это общество нянь и мамушекъ въ первые годы жизни Павла имѣло на него крайне вредное вліяніе и въ другихъ отношеніяхъ: онѣ содѣйствовали развитію воображенія впечатлительнаго ребенка; это были тѣ же женщины, которые усыпляли императрицу чесаніемъ пятокъ и занимали её разсказами о домовыхъ и привидѣніяхъ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ нервы Павла разстроены были до того, что онъ прятался подъ столъ при сколько-нибудь сильномъ хлопаньѣ дверями. Въ уходѣ за нимъ не было никакой системы. Случалось, что онъ ложился спать или очень рано, часовъ въ 8 вечера, или же часу въ первомъ ночи, по прихотямъ; случалось также, что ему и ночью давали кушать, когда «просить изволитъ». Бывали случаи и простой небрежности въ уходѣ за нимъ. «Одинъ разъ онъ изъ колыбели выпалъ, такъ что никто того не слыхалъ. Пробудились по утру—Павла нѣтъ въ колыбели; посмотрѣли—онъ лежитъ на полу и очень крѣпко опочиваетъ». Между тѣмъ, слабое здоровье великаго князя, еще въ младенчествѣ его, требовало особой заботливости. По словамъ придворныхъ его медиковъ, онъ съ самаго рожденія подверженъ былъ припадкамъ, происходившимъ отъ кислотъ, преобладавшихъ въ желудкѣ и пищепріемныхъ путяхъ, а приходя въ возрастъ, подвергся другимъ болѣзненнымъ припадкамъ, которые имѣли послѣдствіемъ худощавость. По распоряженію Елизаветы, докторъ Фусадье, послѣ рожденія Павла, шесть недѣль жилъ въ одной комнатѣ съ великимъ княземъ и ночью былъ при немъ безотлучно; затѣмъ Фусадье ночевалъ около Павла лишь во время его болѣзни, смѣняясь съ другимъ врачемъ, Кондоиди, но вообще оба доктора ежедневно посѣщали великаго князя. Надзоръ за Павломъ, вѣроятно, сталъ слабѣе съ тѣхъ поръ, какъ императрица Елизавета стала весьма рѣдко посѣщать своего внука, отдавъ его всецѣло на руки приставницъ: быть можетъ не безъ умысла, онѣ такъ напугали Павла императрицей, что онъ трясся при одномъ взглядѣ на нее, и Елизавета вынуждена была приходить къ внуку лишь изрѣдка; то же бывало, и по тѣмъ же причинамъ, съ довѣреннымъ другомъ императрицы, графиней Маврой Егоровной Шуваловой. Обѣдали съ великимъ княземъ бѣдные дворяне, жившіе при дворѣ: Иванъ Ивановичъ Ахлебининъ, Савелій Даниловичъ и мамушка Анна Даниловна; доктора стояли тутъ же, но не обѣдали, а нянюшки служили. Это общество окружало Павла и при Θедорѣ Дмитріевичѣ Бехтѣевѣ, который назначенъ былъ въ 1758 г. быть воспитателемъ великаго князя. Въ первый же день своего вступленія въ должность Бехтѣевъ посадилъ Павла учиться грамотѣ, а съ нимъ вмѣстѣ Ивана Ивановича, Савелья Даниловича и Анну Даниловну, которые притворялись, что грамотѣ не умѣютъ. Въ этомъ же году четырехлѣтняго Павла стали одѣвать въ тогдашнее модное платье. «Когда парикъ и платье поспѣли», разсказываетъ Порошинъ, «то няня окропила ихъ святою водою, и съ того времени Павелъ всякій день ходилъ въ парикѣ».

9 декабря 1757 г. у великой княгини Екатерины Алексѣевны родилась дочь, нареченная Анной. Подобно брату, и она отдана была на руки тѣмъ же нянюшкамъ и бабушкамъ, но уже 7 марта 1759 г. скончалась. Екатерину до такой степени удаляли отъ ея собственныхъ дѣтей, что она не могла ихъ видѣть иначе, какъ съ особеннаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія императрицы. Еще весною 1758 г. Екатерина заявляла, что такъ какъ она лишена утѣшенія видѣть дѣтей, то ей все равно, жить ли отъ нихъ въ ста шагахъ или въ ста верстахъ. Лишь въ концѣ царствованія Елизаветы великая княгиня получила дозволеніе видѣть сына разъ въ недѣлю.

Женскому царству въ воспитаніи Павла наступилъ конецъ, и то не сразу, лишь на шестомъ году его возраста, когда, въ день его тезоименитства, 29 іюня 1760 г., назначенъ былъ главнымъ его воспитателемъ, въ качествѣ оберъ-гофмейстера, генералъ - поручикъ и дѣйствительный камергеръ, Никита Ивановичъ Панинъ. Еще за мѣсяцъ до вступленія Панина въ должность, мамы и нянюшки начали пугать имъ Павла такъ же, какъ ранѣе пугали его императрицей. «Однажды», говоритъ Порошинъ въ разсказахъ о дѣтскихъ годахъ Павла Петровича, «когда Панинъ обѣдалъ у государыни, подослалъ Павелъ Петровичъ посмотрѣть его: сказали, что парикъ съ узлами и старикъ угрюмый, а Панину было въ это время только 42 года. Въ другой разъ, увидя въ Петергофѣ, что идетъ старикъ въ парикѣ, въ голубомъ

кафтанѣ, съ обшлагами желтыми бархатными, Павелъ Петровичъ заключилъ, что это Панинъ, и неописанно струсилъ для того, что уже разсказано было, что, какъ скоро онъ опредѣлится, то не будетъ допускать ни Матрену Константиновну, ни другихъ женщинъ, и всѣ веселости отнимутъ». Неудивительно, что вступленіе Панина въ новую должность сопровождалось слезами его маленькаго воспитанника. Большихъ усилій стоило Панину пріучить къ себѣ своего воспитанника и удалить отъ него привычное для него общество: товарищей-сверстниковъ около Павла не было, а за своими обѣдами онъ сталъ видѣть лишь степенныхъ, солидныхъ «кавалеровъ», къ нему приставленныхъ, и разныхъ Елизаветинскихъ вельможъ, приглашаемыхъ къ великокняжескому столу. Жаль было въ первое время ребенку своихъ прежнихъ собесѣдниковъ. «Для чего Ивана Ивановича и Савелья Даниловича нѣтъ тутъ за столомъ по-прежнему?» спросилъ онъ Панина за ужиномъ.— «Не должно», былъ сухой отвѣтъ новаго воспитателя. Великій князь расплакался. Въ растворенную дверь Павелъ увидѣлъ свою прежнюю собесѣдницу Мавру Ивановну и попросилъ поставить для нея приборъ, но Никита Ивановичъ запретилъ. Слезы пошли у Павла, со слезами изъ-за стола всталъ, со слезами и въ постель легъ. На третій день, когда Павелъ увидѣлъ, что накрытъ былъ для обѣда большой столъ и что будутъ сидѣть съ нимъ много кавалеровъ, то «взвылъ почти» и во весь день въ слезахъ былъ; Иванъ Ивановичъ и Савелій Даниловичъ также присутствовали за обѣдомъ, но, увы, уже стоя, за стуломъ Павла. Иванъ Ивановичъ заплакалъ, и Никита Ивановичъ выслалъ его; только Савелій Даниловичъ, стоя, утѣшалъ бывшаго своего питомца. «И по опредѣленіи уже Никиты Ивановича, говоритъ Порошинъ, бабы всѣ до 1761 г. были при великомъ князѣ и спали всѣ съ нимъ въ одной комнатѣ по-прежнему. Въ 1761 г. началъ уже спать съ великимъ княземъ въ одной комнатѣ Никита Ивановичъ, такъ, какъ и нынѣ (1764 г.) спитъ. А бабы по утру приходили перемѣнять бѣлье, также и днемъ».

Совершенно «отлучены были бабы» отъ великаго князя лишь послѣ смерти императрицы Елизаветы, въ 1762 г.: онѣ получили пенсію и только три—четыре раза въ годъ являлись къ Павлу съ поздравленіями. Зато, когда Павлу исполнилось шесть лѣтъ, его сочли нужнымъ вывести на придворную сцену, указать ему на его общественное значеніе: его стали возить во дворецъ на парадные спектакли и обѣды; мало того, иностранные посланники должны были представляться ему на торжественныхъ аудіенціяхъ.

Это, дѣйствительно, оказалось нужно, не столько для Павла, разумѣется, сколько для честолюбивыхъ интригановъ, наполнявшихъ дворъ состарѣвшейся императрицы и стремившихся выдвинуть великаго князя на политическую арену, руководясь при этомъ своими личными выгодами; въ числѣ этихъ честолюбцевъ былъ и самъ воспитатель Павла, Панинъ. «Во время болѣзни блаженныя памяти государыни императрицы Елизаветы Петровны въ декабрѣ мѣсяцѣ 1761 г.», разсказываетъ Екатерина въ одной изъ своихъ записокъ, «слышала я изъ устъ Никиты Ивановича Панина, что трое Шуваловы: Петръ Ивановичъ, Александръ Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ, чрезвычайно робѣютъ о приближающейся кончинѣ государыни императрицы и о будущемъ жребіи ихъ; что отъ сей робости ихъ родятся у многихъ окружающихъ ихъ разные проекты; что наслѣдника ея всѣ боятся; онъ не любимъ и не почитаемъ никѣмъ; что сама государыня сѣтуетъ, кому поручить престолъ; что склонность въ ней находятъ отрѣшить наслѣдника, неспособнаго, отъ котораго много имѣла сама досады, и взять сына его семилѣтняго и мнѣ поручить управленіе, но что сіе послѣднее, касательно моего управленія, не по вкусу Шуваловымъ. Изъ сихъ проектовъ родилось, что, посредствомъ Мельгунова, Шуваловы помирились съ Петромъ III, и государыня скончалась безъ иныхъ распоряженій». На смертномъ одрѣ императрица Елизавета просила, однако, Петра Ѳедоровича доказать ей свою признательность любовью своею къ сыну своему и ея внуку. Любви этой, впрочемъ, Петръ III ничѣмъ не проявилъ въ короткое время своего царствованія. Напротивъ, въ манифестѣ своемъ о дѣлахъ Петра, возбуждавшихъ всеобщее неудовольствіе, Екатерина прямо объявляла впослѣдствіи, что Петръ даже

не желалъ признать Павла своимъ наслѣдникомъ и что въ его царствованіе она съ сыномъ «видѣла себя въ гоненіи и почти крайнемъ отдаленіи отъ императорской фамиліи». Дѣйствительно, въ манифестѣ о восшествіи на престолъ Петра III не были упомянуты ни императрица Екатерина Алексѣевна, ни наслѣдникъ Павелъ Петровичъ, а въ формѣ клятвеннаго обѣщанія указано было, что «наслѣдники будутъ избираемы и опредѣляемы по высочайшей его величества волѣ»; лишь въ формѣ церковнымъ возношеніямъ великому князю Павлу Петровичу приданъ былъ титулъ «цесаревича». Было общимъ мнѣніемъ, что императоръ, влюбленный въ графиню Воронцову, желалъ вступить въ бракъ съ нею и заключить Екатерину въ крѣпость и что ту же участь готовилъ онъ и своему сыну. Занятый въ часы досуга попойками съ своими приближенными, Петръ не удѣлялъ времени своему сыну, а между тѣмъ Павелъ уже въ то время обнаруживалъ много свойствъ, принадлежавшихъ Петру, а не Екатеринѣ. Эти особенности великаго князя, не любимаго отцомъ, должны были, рано или поздно, поселить отчужденіе къ нему и въ сердцѣ матери, скорѣе, чѣмъ кто-либо, замѣтившей это сходство.

Малолѣтній Павелъ Петровичъ, конечно, не понималъ отношеній, существовавшихъ между его родителями. Въ ночь на 27 іюня 1762 г. Павелъ Петровичъ былъ страшно напуганъ, когда его внезапно разбудили и, подъ охраною отряда войскъ, перевезли изъ Лѣтняго дворца въ Зимній, и здѣсь Панинъ всю ночь провелъ въ одной постели съ своимъ воспитанникомъ. Испугъ мальчика былъ такъ великъ, что у него появились болѣзненные припадки. Между тѣмъ, рано утромъ на другой день, рѣшившій низложеніе Петра III съ престола, Панинъ повезъ его къ Казанскому собору, куда, для принятія присяги, бѣжали возлѣ кареты великаго князя едва одѣтые солдаты. Екатерина провозглашена была самодержавной императрицей, а Павелъ объявленъ былъ ея наслѣдникомъ; чрезъ нѣсколько дней затѣмъ услышалъ онъ о скоропостижной смерти отца. Въ августѣ 1762 г., во время коронаціи Екатерины, у великаго князя повторились болѣзненные припадки, и онъ захворалъ на столько серьезно, что боялись даже за его жизнь и приложены были всѣ заботы къ его выздоровленію. Замѣчательно, что, по свидѣтельству Панина, великій князь, вообще проявлявшій признаки добраго сердца, какъ только началъ оправляться послѣ своей болѣзни, самъ сталъ просить устроить въ Москвѣ больницу для бѣдныхъ; больница эта названа была Павловскою, и въ память ея основанія выбита была медаль, на одной сторонѣ которой находилось изображеніе Павла Петровича, а на другой аллегорическія фигуры съ надписью: «Свобождаяся самъ отъ болѣзни, о больныхъ промышляетъ».

Въ это время Екатерина начала уже думать о выборѣ воспитателя для сына: она цѣнила способности Панина, но не уважала его, какъ человѣка, и даже считала, что онъ можетъ быть игрушкой въ рукахъ другихъ. Сначала она пыталась ослабить вліяніе Панина на Павла приглашеніемъ къ сыну, въ качествѣ воспитателя, извѣстнаго Даламбера: какъ блестящій представитель французской литературы, жаркой поклонницей которой была Екатерина, онъ былъ совершенно умѣстенъ, по ея взгляду, при воспитаніи великаго князя, а какъ иностранецъ не могъ возбудить ревности Панина, который, дѣйствительно, и самъ присоединился къ приглашенію Екатерины. Императрица написала Даламберу собственноручное письмо, въ которомъ искренно говорила, что воспитаніе сына такъ близко ея сердцу и что Даламберъ такъ ей нуженъ, что, быть можетъ, она слишкомъ настаиваетъ на своемъ предложеніи и проситъ его пріѣхать въ Россію со всѣми его друзьями. Хотя Екатерина при этомъ предлагала Даламберу самыя выгодныя условія, но онъ не принялъ приглашенія, какъ думаютъ, потому, что не былъ увѣренъ въ прочности положенія на тронѣ самой императрицы. Быть можетъ, поручая Панину въ 1763 году управленіе коллегіею иностранныхъ дѣлъ, императрица предполагала отвлечь Панина отъ Павла и очистить дорогу для иного вліянія на сына. Смутныя обстоятельства первыхъ годовъ царствованія Екатерины заставили ее отказаться отъ первоначальной своей мысли, и Панинъ, укрѣпившись на своемъ мѣстѣ силою вещей, сдѣлался въ глазахъ всѣхъ какъ бы опекуномъ Павла Петровича. Съ тѣхъ поръ Екатерина постоянно была, по ея собственному выраженію, «въ превеликомъ

амбара», если дѣло шло о Павлѣ и ея мнѣнія могли не совпадать съ мнѣніями Панина, и это «амбара» матери не могло не отражаться на ея отношеніяхъ къ сыну.

Никита Ивановичъ Панинъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей русской исторіи XVIII вѣка, вполнѣ характеризующихъ эпоху, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Онъ, насколько могъ, старался содѣйствовать правильному воспитанію великаго князя: ежедневно посѣщалъ Павла, присутствовалъ на его урокахъ и никогда внѣ дома не отпускалъ его отъ себя; казалось, не было такой мелочи въ жизни Павла, которою бы не интересовался Панинъ. Но задачи воспитанія наслѣдника престола ясно обозначены не были, и никакихъ образцовъ въ этомъ дѣлѣ для Панина не существовало, если не считать неудачныхъ Остермановскихъ проектовъ для воспитанія Петра II. Въ видѣ руководства выставлялись лишь общія мѣста и отвлеченныя идеи. Сама Екатерина, въ бытность свою великой княгиней, написала, напр., слѣдующія строки: «По моему мнѣнію, при воспитаніи царственнаго сына должны быть приняты два начала. Они состоятъ въ томъ, чтобы сдѣлать его добродѣтельнымъ (bienfaisant) и вселить въ немъ любовь къ правдѣ. Это сдѣлаетъ его любезнымъ въ глазахъ Бога и людей».

Панину пришлось самому намѣтить, для представленія императрицѣ Елизаветѣ, особую воспитательную программу, примѣняясь къ духу времени и потребностямъ общества и не вдаваясь въ подробности, которыя опредѣлялись сами собою—жизнію и обстоятельствами. Вслѣдствіе этого, воспитаніе Павла Петровича приняло постепенно французскій характеръ. Еще при Елизаветѣ французскій языкъ вошелъ въ обычай высшаго русскаго общества, а при Екатеринѣ образовалась наклонность къ изящному чтенію, началось поклоненіе французской просвѣтительной литературѣ; даже «модные щеголи» и «свѣтскія вертопрашки» беззаботно «фельётировали модныя книжки безъ всякой дистракціи». Естественно, поэтому, явилась мысль, что и воспитаніе великаго князя должно было вести на французскій ладъ, по образцу воспитанія французскихъ дофиновъ, съ обычною обстановкою французской школы того времени. Идеалы рыцарскихъ добродѣтелей навсегда сроднились съ душой Павла: мужество, великодушіе, стремленіе къ правдѣ и защита слабыхъ, уваженіе къ женщинамъ,—всегда вызывали сочувствіе царственнаго мальчика. Прочтя однажды исторію мальтійскаго ордена, онъ долго не могъ успокоиться, живо воображая себя мальтійскимъ рыцаремъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, окружавшее царственнаго мальчика офранцуженное общество нечувствительно и незамѣтно передавали ему и другія качества, бывшія слѣдствіемъ французскаго вліянія: эстетическую впечатлительность, слабонервность и, какъ плодъ усерднаго чтенія французскихъ псевдоклассиковъ, нѣкоторую высокопарность въ словахъ и поступкахъ. Любопытнѣе всего то, что даже нѣмцы, бывшіе при Павлѣ, и самъ Панинъ, воспитанный при нѣмцахъ, также вполнѣ подчинялись французскому вліянію. Разговоры, выборъ книгъ для чтенія, театральныя представленія, все въ окружавшей Павла обстановкѣ отвѣчало этому направленію, тѣмъ болѣе, что Павелъ проводилъ все время исключительно среди взрослыхъ, а за его обѣдомъ часто присутствовали екатерининскіе вельможи, не стѣснявшіеся при мальчикѣ въ выраженіи своихъ чувствъ и мыслей. Лишь изрѣдка, по праздникамъ и на урокахъ танцевъ, Павелъ пользовался обществомъ сверстниковъ, изъ которыхъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, племянникъ Панина, и графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій пользовались особымъ его расположеніемъ. Между тѣмъ, въ мнѣніи своемъ о воспитаніи Павла Петровича, Панинъ упоминалъ, что «воспитатель его долженъ съ крайнимъ прилежаніемъ предостерегать и не допускать ни дѣломъ, ни словами, ничего такого, что хотя мало бы могло развратить тѣ душевныя способности, съ которыми человѣкъ на свѣтъ происходитъ». Эта прописная истина была, очевидно, однимъ изъ тѣхъ общихъ мѣстъ, которыя вполнѣ приспособлялись и приспособляются къ любимымъ нравственнымъ идеаламъ общества въ извѣстную эпоху и прекрасно уживаются съ ними. Поэтому неудивительно, что на Павлѣ Петровичѣ сказались всѣ достоинства и недостатки французскаго воспитанія. Онъ полюбилъ внѣшность, декораціи, любилъ щеголять своими костюмами. Веселый, живой, свѣтски любезный, великій князь, еще десяти,

одиннадцати лѣтъ, занятъ былъ «нѣжными мыслями» и «маханіемъ». Въ дневныхъ запискахъ его воспитателя, Порошина, сохранились живыя свидѣтельства черезчуръ раннихъ «любезныхъ» свойствъ Павла. «Шутя говорили, что пришло время великому князю жениться. Краснѣлъ онъ и отъ стыдливости изъ угла въ уголъ изволилъ бѣгать; наконецъ, изволилъ сказать: «Какъ я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнивъ буду. Рогъ мнѣ имѣть крайне не хочется. Да то бѣда, что я очень рѣзвъ: намедни слышалъ я, что такихъ рогъ не видитъ и не чувствуетъ тотъ, кто ихъ носитъ». Смѣялись много о сей его высочества заботливости». Въ другой разъ, съ разрѣшенія Екатерины и въ сопровожденіи Панина и графа Орлова, Павелъ отправился посѣтить фрейлинъ, жившихъ во дворцѣ. «Возвратясь къ себѣ, изволилъ его высочество съ особливымъ восхищеніемъ разсказывать о своемъ походѣ и, кто ни приходилъ, изволилъ спрашивать: «отгадай, гдѣ я былъ сегодня?» Послѣ разсказовъ вошелъ въ нѣжныя мысли и въ томномъ услажденіи на канапе поваливался. Подзывая Порошина, говорилъ, что онъ видѣлъ свою любезную (фрейлину Чоглокову, съ которой онъ началъ «махаться»), и что она часъ отъ часу болѣе его плѣняетъ. Потомъ читали «Dictionnaire encyclopédique». Его высочество сыскалъ тамъ слово «amour» и читалъ на него изъясненіе». «Спрашивалъ Панинъ у его высочества, въ кого онъ нынѣ влюбленъ. Признавался его высочество, что онъ влюбленъ, а въ кого не сказалъ. Наконецъ говорилъ Панинъ, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, ему сказалъ, давно ли онъ влюбленъ. На сіе отвѣчалъ его высочество, что въ слѣдующемъ декабрѣ мѣсяцѣ (1765 г.) годъ будетъ». Панинъ не считалъ нужнымъ противодѣйствовать этой влюбленности. Спустя мѣсяцъ, «его высочество очень много танцовать изволилъ съ своей любезною и махалъ весьма примѣтно». «Признаться надобно», замѣчаетъ Порошинъ, «что сегодня она особливо хороша была и приступы его высочества не отбивала суровостію»; Панинъ же «шутилъ надъ великимъ княземъ, какъ онъ прежде влюбленъ въ княжну Хованскую, а нынѣ и играть комедіи «La fête d'amour» съ ней не хочетъ. Говорилъ Панинъ, что «c'est le dépit amoureux» и т. д.

Окружавшее Павла общество «не было лѣниво или непослушно въ странахъ Цитерскихъ» и думало, что и онъ со временемъ не будетъ такимъ; но все-таки потворствовать преждевременному развитію чувственности въ 10-лѣтнемъ мальчикѣ и распалять его воображеніе не слѣдовало ни при какой системѣ воспитанія. Нервность и воспріимчивость Павла замѣтны были въ немъ еще въ дѣтскіе его годы; сила воображенія его была такъ велика, что, по свидѣтельству Порошина, «онъ такъ ясно и живо себѣ представлялъ, какъ бы то уже предъ нимъ дѣйствительно происходило». Напряженность и слѣдовавшее за нимъ разстройство воображенія несомнѣнно связаны были съ общею болѣзненностію организма Павла и разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ, которымъ страдалъ онъ со дня рожденія. Напряженность воображенія вызывала за собою и крайнюю неустойчивость впечатлѣній мальчика. Обладая замѣчательною памятью, тщательно подмѣчая всѣ мелочи и подробности въ окружавшей его обстановкѣ и людяхъ, Павелъ жилъ всегда болѣе впечатлѣніями, не слѣдуя разсудку или сознательно опредѣлившемуся чувству. Его отношенія къ внѣшнимъ предметамъ всегда были въ зависимости отъ быстро смѣнявшихся идей, которыя онъ связывалъ съ ними въ своемъ воображеніи и которыя могли льстить его чувствамъ, а не были послѣдствіемъ точнаго ихъ знанія и оцѣнки. Оттого легко было понравиться Павлу, но было еще легче, безъ видимыхъ причинъ, навлечь на себя его нерасположеніе: малѣйшаго, часто кажущагося несоотвѣтствія какого-либо лица съ затаенными чувствами и мнѣніями Павла было совершенно достаточно, чтобы онъ измѣнилъ о немъ свое мнѣніе; изъ пустой, ничтожной подробности Павелъ быстро возсоздавалъ себѣ цѣлую картину, часто существовавшую лишь въ одномъ его воображеніи; на основаніи случайнаго признака выводилъ о лицѣ рѣшительное заключеніе, произносилъ о немъ окончательные приговоры. Достаточно было иногда, какъ бы случайно брошеннаго слова, мимоходомъ высказанной кѣмъ-либо мысли, чтобы Павелъ Петровичъ, остановившись на нихъ, самъ дошелъ до крайнихъ выводовъ. По живости своей онъ немедленно прилагалъ ихъ къ дѣлу, а стремленіе къ защитѣ воображаемой правды и самолюбіе

заставляло его упорствовать на нихъ до послѣдней крайности; мало того, даже придя впослѣдствіи къ сознанію сдѣланной имъ ошибки въ оцѣнкѣ какого-либо лица, Павелъ сохранялъ въ себѣ непріятное о немъ впечатлѣніе, потому что видъ его напоминалъ ему эту ошибку, оскорблялъ его самолюбіе. Чтобы управлять Павломъ, нужно было постоянно подогрѣвать его впечатлѣнія, направлять ихъ постоянно по одной и той же колеѣ. «Его высочество», замѣчаетъ Порошинъ, «будучи весьма живого сложенія и имѣя наичеловѣколюбивѣйшее сердце, вдругъ влюбляется почти въ человѣка, который ему понравится. Какъ никакія усильныя движенія долго (въ немъ) продолжаться не могутъ, если побуждающей силы при томъ не будетъ, то и въ семъ случаѣ круглая прилипчивость должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того, который имѣетъ желаніе полюбиться. Словомъ сказать, гораздо легче его высочеству вдругъ весьма понравиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую отъ него дружбу и милость. Часто на его высочество имѣютъ великое дѣйствіе разговоры, касающіеся до кого-нибудь отсутствующаго, которые ему услышать случится. Когда при немъ говорятъ что въ пользу или въ похвалу какого-нибудь человѣка, такого человѣка послѣ видя, его высочество склоненъ къ нему является; когда же, напротивъ того, говорятъ о немъ невыгодно и хулительно, а особливо не прямо къ его высочеству съ рѣчью адресуясь, но будто бы въ разговорѣ, мимоходомъ, то такого великій князь, послѣ увидя, холоденъ къ нему кажется». Отсюда раждались мнительность и подозрительность Павла ко всѣмъ, кто имѣлъ несчастіе чѣмъ-либо ему не понравиться: онъ какъ бы желалъ отыскать дурную сторону во всѣхъ его дѣйствіяхъ и такъ же односторонне проникалъ въ его мысли. Какъ почти всѣ слабонервные и впечатлительные люди, Павелъ весьма часто, подчиняясь первому впечатлѣнію, сперва постановлялъ рѣшеніе, а потомъ уже старался подыскать ему разумныя основанія. Въ этомъ отношеніи, постоянное пребываніе царственнаго мальчика среди взрослыхъ было для него положительно вредно: находясь въ ихъ обществѣ на положеніи равноправнаго члена, Павелъ чувствовалъ всю шаткость своихъ сужденій и составлялъ себѣ мнѣнія съ чужого голоса, подчиняясь случайному авторитету того или другаго изъ своихъ собесѣдниковъ. Въ обществѣ взрослыхъ онъ долженъ былъ чувствовать себя какъ въ тискахъ; отсюда—постоянная боязнь попасть какъ-нибудь въ просакъ, отсюда—застѣнчивость, родная сестра самолюбія, у Павла, всегда столь чувствительнаго. Всѣ эти качества, присущія характеру Павла Петровича уже въ дѣтскіе его годы, развиваясь постепенно, становились мучительными для него самого и были нестерпимы для окружающихъ, потому что, по горячности и запальчивости, онъ быстро приводилъ свои рѣшенія въ исполненіе, не давая себѣ времени и труда обдумать ихъ, и едва сдерживалъ порывы своихъ чувствъ,—поражая всѣхъ несдержанностію своихъ словъ и дѣйствій и напоминая ею своимъ собесѣдникамъ такъ памятнаго имъ своего родителя. Однажды, за столомъ, Павелъ до того ожесточился, что пріятель Панина, ежедневный посѣтитель обѣдовъ великаго князя, Сальдернъ, тутъ же замѣтилъ: «c'est une tête de fer», и Павла выслали изъ-за стола. Наставникъ Павла Эпинусъ говорилъ про него: «голова у него умная, но въ ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточкѣ; порвется эта ниточка, машинка завернется, и тутъ конецъ и уму, и разсудку». Отъ природы добрый и мягкій, какъ воскъ, Павелъ иногда искупалъ порывы своей раздражительности чистосердечнымъ раскаяніемъ, слезами, просьбами о примиреніи, но не всегда возможно было исправить разъ сдѣланное зло. «При самыхъ наилучшихъ намѣреніяхъ, вы можете заставить себя ненавидѣть», сказалъ однажды Павлу другой его наставникъ, Порошинъ, сердечно его любившій. Живой, задорный характеръ великаго князя выражался и въ его внѣшности: это былъ мальчикъ съ подвижнымъ, выразительнымъ лицомъ, съ нѣсколько вздернутымъ носикомъ и добрыми, подкупающими глазами. Онъ слегка картавилъ и любилъ нюхать каждый новый предметъ. Сидѣть долго на одномъ мѣстѣ было для него противно природѣ: онъ постоянно бѣгалъ и подпрыгивалъ. И въ этомъ отношеніи напоминалъ онъ собою Петра Ѳеодоровича, подпрыгиванье котораго на похоронахъ Елизаветы Петровны, по разсказу Екатерины, возбудило всеобщее нареканіе и ложные толки, какъ

признакъ неуваженія къ памяти почившей.

Насколько по характеру своему Павелъ напоминалъ отца своего, настолько, по свойствамъ ума и способностямъ, онъ являлся отраженіемъ матери. Умъ Павла былъ наблюдательный, мѣткій. Остроуміе его и веселость всегда увлекательно дѣйствовали на собесѣдниковъ, а отвѣты его были быстры и находчивы; память великаго князя была изумительна. Къ сожалѣнію, незавидной обстановкѣ физическаго и нравственнаго воспитанія Павла соотвѣтствовала, хотя въ меньшей мѣрѣ, обстановка и умственнаго его развитія. Образовательный курсъ, по взгляду Панина и современнаго ему общества, долженъ былъ имѣть цѣлью украшеніе ума, подобно тому, какъ эстетическая обстановка воспитанія должна была содѣйствовать украшенію жизни. Сначала до 14-лѣтняго возраста Павлу преподавали Законъ Божій, математику, исторію, географію, физику, языки: русскій, французскій и нѣмецкій, при чемъ «въ началѣ всѣ обученія не прямою наукою, но больше наставленіями были производимы». Ученіе велось довольно безпорядочно, безъ опредѣленной программы, и запасъ общеобразовательныхъ знаній великаго князя и умственный его складъ опредѣлялись не столько учебными занятіями его въ строгомъ смыслѣ этого слова, сколько личными взглядами лицъ, окружавшихъ Павла, преимущественно его наставниковъ и воспитателей, а также выборомъ книгъ для чтенія. И здѣсь мы встрѣчаемся съ проявленіями господствовавшаго въ то время въ русскомъ обществѣ вліянія французской культуры. Французская просвѣтительная литература, въ сочиненіяхъ ея корифеевъ: Вольтера, Монтескье, Руссо, Дидро, Даламбера, Гельвеціуса, и въ массѣ другихъ сочиненій, изъ которыхъ многія теперь уже позабыты,—съ увлеченіемъ читалась русскимъ образованнымъ обществомъ. Ихъ предлагали для чтенія и Павлу, правда, безъ всякой системы, но съ искреннимъ желаніемъ ввести великаго князя въ кругъ европейской образованности. Пища эта для 10—12-лѣтняго мальчика была не совсѣмъ удобоварима, но авелъ, всегда жадный къ знанію, съ усердіемъ предавался чтенію, чаще всего въ обществѣ воспитателя своего Порошина, хотя, какъ видно, скучалъ иногда отъ безбрежнаго моря произведеній, бывшихъ ему и не по лѣтамъ, и не по развитію. «Куды какъ книгъ-то много, ежели всѣ взять, сколько ни есть ихъ», замѣтилъ онъ однажды Порошину: «а все-таки пишутъ, да пишутъ». — «Говорилъ я его высочеству, что для того все пишутъ, да пишутъ, что много есть еще вещей и дѣлъ, совсѣмъ не открытыхъ и не извѣстныхъ, которыя мало-по-малу открываются, и что многія извѣстныя и открытыя требуютъ объясненія и дополненія; что чтеніе человѣку, чѣмъ онъ выше надъ прочими, тѣмъ для него полезнѣе; что между множествомъ книгъ весьма много есть дурныхъ и посредственныхъ, для чего надобенъ необходимо выборъ». Изъ записокъ Порошина мы знаемъ, что Павелъ перечиталъ съ нимъ цѣлый рядъ сочиненій французскихъ историковъ и познакомился съ лучшими произведеніями французской поэзіи: Расина, Мольера, Детуша и др. Важно было, конечно, то, что Павелъ читалъ ихъ не одинъ, а съ Порошинымъ, который, по поводу прочитываемаго, велъ длинныя бесѣды со своимъ воспитанникомъ и умѣлъ обращать его вниманіе на мысли, болѣе важныя и существенныя, постоянно разъясняя и комментируя ихъ. Содержаніе этихъ бесѣдъ было самое разнообразное: о земледѣліи и коммерціи, о финансахъ и банкахъ, объ обязанностяхъ государя, о знатности и чинахъ, о богатствѣ и бѣдности и т. д. Это былъ, при начитанности Порошина и его любви къ Павлу, своего рода образовательный курсъ, стоившій десятка учебныхъ курсовъ, заурядныхъ. Благодаря этому, на Павлѣ, менѣе, быть можетъ, чѣмъ на другихъ русскихъ того времени, знакомство съ французской литературой отразилось утратой привычки къ размышленію и заимствованію у французскихъ писателей—общихъ мѣстъ, общепризнанныхъ истинъ и готовыхъ шаблоновъ, облеченныхъ въ красивыя фразы. Самъ Панинъ, между тѣмъ, требовалъ, чтобы Павелъ «изъ славныхъ французскихъ авторовъ» нѣкоторыя мѣста наизустъ выучивалъ, «гдѣ заключаются хорошія сентенціи», и чтобы онъ выучивалъ нѣсколько сценъ изъ какой-либо французской трагедіи «и декламировать научился». Вслѣдствіе этого у Павла надолго сохранилось пристрастіе къ французской литературѣ; этому много содѣйствовали и его наставники французы: Левекъ и Лафер-

мьеръ, бывшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, его библіотекаремъ. Нѣмецкой литературы Павелъ чуждался и нѣмецкаго языка не любилъ: онъ казался ему грубымъ и тяжеловѣснымъ.

Если Павелъ Петровичъ не успѣлъ совсѣмъ офранцузиться и если «вольтерьянство» не коснулось души его, то этимъ онъ обязанъ былъ законоучителю своему, знаменитому Платону, и своему другу-наставнику, Семену Андреевичу Порошину.

Платонъ, еще въ санѣ іеромонаха приглашенный преподавать Законъ Божій Павлу Петровичу самой императрицей, уважавшей его выдающійся ораторскій талантъ, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей того времени; въ то же время свойства его простого, величаво-невозмутимаго характера пріобрѣли ему всеобщее расположеніе. Сдерживая себя въ обществѣ, Платонъ все-таки вполнѣ достигъ своей цѣли—воспиталъ въ Павлѣ религіозное чувство и преданность къ православной вѣрѣ. Вступивъ въ должность законоучителя, Платонъ замѣтилъ, что «новопроникшія философическія начала, угрожающія не только религіи, но и политической основательной связи, требуютъ всеприлежной предосторожности». «Поэтому онъ избралъ наилучшій способъ противодѣйствія этимъ началамъ: показывать всегда согласованіе уставовъ и событій, заключающихся въ Святомъ Писаніи,—съ естественнымъ разумомъ и утверждать оныя доводами здраваго человѣческаго разсужденія». «Высокій воспитанникъ», разсказываетъ самъ Платонъ, «всегда былъ, по счастію, къ набожности расположенъ, и разсужденіе ли, или разговоръ относительно Бога и вѣры были всегда ему пріятны. Сіе, по примѣчанію, ему внѣдрено было со млекомъ покойной императрицею Елизаветою Петровной, которая его горячо любила и воспитывала приставленными отъ нея весьма набожными женскими особами. Но при этомъ великій князь часто переходилъ съ одного предмета на другой, не имѣя терпѣливаго къ одной вещи вниманія, и наружностію всякою, въ глаза бросающеюся, болѣе прельщался, нежели углублялся во внутренность. Ободряло Платона то̀, что онъ отъ высокаго воспитанника имѣлъ счастіе любимымъ быть». На экзаменѣ изъ Закона Божія, единственномъ происходившемъ въ присутствіи императрицы Екатерины,—Павелъ показалъ такое знаніе, что старикъ графъ Бутурлинъ, тутъ присутствовавшій, говорилъ: «Слава Богу, что отъ такихъ лѣтъ его высочество духомъ страха Божія наполняется. Сожалительно, что покойная императрица Елизавета Петровна не дожила до того удовольствія, чтобы въ такомъ состояніи его видѣть».—«Вообще», замѣчалъ Порошинъ о Павлѣ, «справедливость отдать ему должно, что онъ обыкновенно службѣ Божіей съ благочиніемъ и усердіемъ внимать изволитъ». И внѣ уроковъ Платонъ часто имѣлъ задушевныя бесѣды съ своимъ ученикомъ о вѣрѣ и нравственности. Съ своей стороны Порошинъ также, гдѣ могъ, укрѣплялъ въ Павлѣ религіозныя наклонности. Въ день Успенія Богородицы, напримѣръ, разсказываетъ Порошинъ, «одѣвшись изволилъ Павелъ читать съ отцомъ Платономъ св. Писаніе. Потомъ разбирали мы книжку, въ которой служба на сегодняшній праздникъ, и пѣли оттуда стихъ: «Побѣждаются естества уставы, Дѣва чистая, и проч.» Религіозность Павла осталась съ нимъ на всю жизнь, соединяясь съ нѣкоторой рыцарской экзальтаціей и мистицизмомъ—плодомъ разстроеннаго воображенія.

Добрый геній Павла, Семенъ Андреевичъ Порошинъ, озабоченъ былъ въ особенности стремленіемъ привить своему воспитаннику любовь къ отечеству и русскому народу и познакомить его какъ можно болѣе съ русской жизнію, литературой и исторіей. Отъ окружавшихъ великій князь постоянно слышалъ о процвѣтаніи наукъ и искусствъ на Западѣ, слышалъ постоянные похвалы тамошнему строю вообще, отзывы о тамошнемъ богатствѣ и великолѣпіи, о томъ, какъ Россія отошла отъ Западной Европы во всѣхъ отношеніяхъ, причемъ нѣкоторые позволяли себѣ отзываться о Россіи съ презрѣніемъ. Самъ Панинъ говорилъ, напр., великому князю, на его вопросъ,—хуже ли шведскій городъ Торнео нашего Клину или нѣтъ: «намъ, батюшка, нельзя еще о чемъ бы то ни было разсуждать въ сравненіи съ собою. Можно разсуждать такъ, что это тамъ дурно, это хорошо, отнюдь къ тому не примѣняя, что̀ у насъ есть. Въ такомъ сравненіи мы вѣрно всегда потеряемъ». Порошинъ считалъ своею обязанностію уничтожить впечатлѣніе, про-

изведенное подобными разговорами на великаго князя. Въ особенности возмущали его легкомысленные отзывы о Петрѣ Великомъ. «Всему разумному и безпристрастному свѣту отдаю на разсужденіе», пишетъ Порошинъ, «пристойно ли, чтобы престола россійскаго наслѣдникъ и государя Петра Великаго родной правнукъ такимъ недостаточнымъ разговорамъ былъ свидѣтель?». Петръ Великій былъ для Порошина идеальнымъ государемъ и съ нимъ сравнивалъ онъ одного лишь Генриха IV французскаго; эти чувства и мнѣнія умѣлъ онъ внушить Павлу. Признавая отсталость Россіи отъ Западной Европы въ матеріальномъ отношеніи, Порошинъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы внушить Павлу высокое мнѣніе объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ русскаго народа, дававшихъ ему возможность къ успѣхамъ на всѣхъ поприщахъ. Для этого онъ знакомилъ его съ русской исторіей, какъ въ чтеніи, такъ и въ собственныхъ разсказахъ. Вмѣстѣ съ цесаревичемъ читалъ онъ Ломоносова, Сумарокова, Лукина, знакомилъ его съ бытомъ и нуждами народа. Онъ внушалъ Павлу, «какъ Россія пространна и какія сокровища въ себѣ заключаетъ, что его высочеству надобно стараться обо всемъ, что касается Россіи, имѣть подлинное, подробное и основательное свѣдѣніе, дабы потому узнать, какія въ ней есть заведенія и яснѣе усмотрѣть средства и удобности къ содержанію того, чего нѣтъ еще»; онъ старался говорить «о подлинныхъ и коренныхъ причинахъ, чего ради все идетъ толь тихою черепашьею поступью и ничто, какъ говорятъ, не ладится, и какіе способы—все въ быстрое и успѣшное привести движеніе». Полагая между разсужденіями и разсказами «великую разность», Порошинъ тщательно заботился о томъ, чтобы своими бесѣдами «не навести скуки и отвращенія». Въ такихъ случаяхъ, кромѣ всякихъ историческихъ свѣдѣній и анекдотовъ, кромѣ многихъ правилъ о красотѣ россійскаго языка, наблюдалъ онъ, «чтобы въ его высочествѣ осталось за законъ и основаніе — разсматривать и отличать прямыя достоинства, не ослѣпляясь блистательною и часто обманчивою наружностію, чтобы любить народъ россійскій, отдавая потомъ справедливость каждому достойному изъ чужестранныхъ, чтобы твердо и непоколебимо быть въ глубокомъ почтеніи, кому онымъ его высочество долженъ». Чтобы еще болѣе укоренять въ великомъ князѣ слѣды бесѣдъ своихъ съ нимъ, и чтобы онъ болѣе обращалъ вниманіе на свое поведеніе, Порошинъ началъ читать ему заведенный имъ дневникъ дѣтской жизни своего воспитанника, взявъ съ него обѣщаніе никому не говорить о томъ. «Все точнешенько такъ», замѣтилъ Павелъ однажды; «только иныя мѣста желалъ-бы я, чтобы выскребены были». — «Ежели все такъ», отвѣтилъ Порошинъ, «такъ зачѣмъ же выскребать? Исторія должна быть справедлива и безпристрастна».

Павелъ чувствовалъ любовь къ себѣ своего воспитателя и, въ свою очередь, любилъ и цѣнилъ его. Къ сожалѣнію, отношенія эти продолжались недолго, и при этомъ обнаружились несимпатичныя черты великаго князя: неустойчивость его впечатлѣній, шаткость его привязанностей.

Дѣятельность Порошина, его особенное вліяніе на Павла, уже давно возбуждали неудовольствіе нѣмецкихъ наставниковъ и воспитателей цесаревича, смотрѣвшихъ на Россію какъ на страну варварскую и односторонне, хотя вполнѣ искренно, выставлявшихъ предъ своимъ питомцемъ лишь грубость русскаго народа и недостатки нашего общества, не менѣе односторонне прославляя иностранцевъ, въ особенности нѣмцевъ. Самобытность, чисто русскія черты дѣятельности Петра Великаго истолковывались лишь въ смыслѣ желанія его водворить въ Россіи нѣметчину, а надъ личностью его смѣялись, добродушіе и страдательное терпѣніе русскаго народа выставляли глупостью, увѣряя, что «notre peuple est ce que l'on veut bien qu'il soit». Это качество, впрочемъ, ставилось въ заслугу русскому народу, и потому 10-лѣтній Павелъ въ сущности выражалъ лишь мнѣніе многихъ русскихъ европейцевъ, когда говорилъ: «А что-жъ? Развѣ это худо, что нашъ народъ таковъ, какимъ хочешь, чтобы онъ былъ? Въ этомъ, мнѣ кажется, худа бы еще нѣтъ. Поэтому и стало, что все отъ того только зависитъ, чтобы тѣ хороши были, кому хотѣть надобно, чтобы онъ былъ таковъ или инаковъ». Горячность и усердіе Порошина въ дѣлѣ воспитанія Павла въ значительной степени объясняется возникавшею для него необходимостію бороться съ вліяніями, которыя, по его мнѣнію, могли повредить и будущему русскому государю,

и Россіи. Между придворными иноземцами и Порошинымъ дѣйствительно началась глухая борьба, признаки которой проявлялись постоянно, даже въ мелочахъ, тѣмъ болѣе, что именно Остервальдъ, бывшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, и помощникомъ Панина въ дѣлѣ воспитанія Павла Петровича, преподавалъ ему исторію, географію, русскій и нѣмецкій языки. Преподаваніе его было сухое, безжизненное: цесаревичу сообщались только имена да цифры; притомъ Остервальдт очень плохо выражался порусски. «Я не могъ утерпѣть», говоритъ Порошинъ, «чтобы не поправить, услыша превратный и россійскому слуху странный выговоръ». «Великій князь не любилъ его», замѣчаетъ Порошинъ: «онъ учился у него (еще въ раннемъ дѣтствѣ)—исторіи, кою напослѣдокъ до Нинова сына прошелъ и выучилъ, что изъ 30 государей ни одного не было хорошаго». Столкновенія между Остервальдомъ и Порошинымъ были постоянныя, и Остервальдъ успѣлъ наконецъ возстановить противъ Порошина не только Панина, но и самого великаго князя.

Порошинъ не любилъ нѣмецкаго языка, хотя прекрасно говорилъ на немъ, и именно его внушеніями, а не собственнымъ плохимъ преподаваніемъ, Остервальдъ объяснялъ дурные успѣхи въ нѣмецкомъ языкѣ Павла и его къ нему отвращеніе; выходки Павла также приписывались вліянію Порошина. Когда Павелъ сталъ требовать, чтобы при бесѣдахъ его съ Порошинымъ не присутствовалъ никто другой, Панину было доложено въ томъ смыслѣ, что Павлу внушалъ объ этомъ самъ Порошинъ, и Порошинъ, испуганный этой сплетней, самъ уже сталъ просить Павла, не показывать ему явно знаковъ своей дружбы, «дабы избыть роптаніе завистливыхъ глазъ и злости низкихъ сердецъ и умовъ темныхъ». Панинъ склоненъ былъ всегда стать на сторону Остервальда и сталъ подозрительно смотрѣть на усерднаго русскаго воспитателя.

Спустя нѣкоторое время, воспользовавшись непродолжительнымъ отсутствіемъ Порошина, нѣмцы успѣли такъ настроить противъ него мнительнаго и подозрительнаго Павла Петровича, что тотъ сталъ очень холодно относиться къ нему по его возвращеніи. Послѣдовало объясненіе, и когда Порошинъ заговорилъ о своей невинности, то Павелъ вспыльчиво прервалъ его: «Ты это заслуживаешь», сказалъ онъ; «знаю я теперь, что все то значило, что ты прежде ни говорилъ со мною, и я уже обо всемъ разсказалъ Никитѣ Ивановичу». «Долго мнѣ теперь описывать», продолжаетъ Порошинъ, «какія я чудеса свѣдалъ отъ его высочества, какъ подло и злобно слова мои ему были перетолкованы, и какъ онъ могъ сказать о томъ его превосходительству Никитѣ Ивановичу. Всего больше меня тронуло, что довели сіе до Никиты Ивановича, потому что, если бы не удалось мнѣ представить ему своихъ изъясненій, то-бъ могъ и подлинно почесть меня тѣмъ, что я отнюдь не есть и чѣмъ завсегда гнушался. Если бы только на его высочествѣ такія бабьи интрижки останавливались, то-бъ я сожалѣлъ только, что сіе служитъ къ развращенію кроткаго и человѣколюбиваго нраву государя цесаревича, а впрочемъ смѣялся бы тому и пренебрегалъ». Дѣйствовали на самолюбіе и подозрительность Павла, и онъ, не задумываясь, предалъ Порошина, играя роль жертвы его внушеній. Всего ужаснѣе для Порошина было то, что Павелъ разсказалъ Панину о его запискахъ. «Во время оныхъ перетолкованій его высочеству рѣчей моихъ и разсужденій, на справедливости и усердіи основанныхъ», пишетъ Порошинъ, «привели государя цесаревича (къ тому), что и о журналѣ моемъ разсказать онъ изволилъ (хотя прежде и обѣщалъ, чтобы никому объ оныхъ не сказывать и донынѣ ненарушимо хранилъ свое обѣщаніе), думая, что и то будетъ служить мнѣ въ предосужденіе и въ облеченіе коварныхъ моихъ, какъ они называли, умысловъ; и въ самомъ дѣлѣ и о сихъ запискахъ увѣрили его высочество, что онѣ современемъ будутъ только служить къ его стыду и посрамленію». О ходѣ «дворскихъ» интригъ, приведшихъ къ гибели Порошина, сохранилось слѣдующее извѣстіе: «Сперва внушено было цесаревичу, что записки Порошина къ чести его служить не могутъ, потому что всѣ дѣтскіе проступки тутъ вносимы были; особенно же не нравился сей журналъ оберъ-гофмейстеру графу Панину, по нѣкоторымъ смѣлымъ о немъ самомъ заключеніямъ. Сверхъ того, неопытный и пылкій Порошинъ, къ несчастію своему, страстно влюбился въ графиню Шереметеву, которую графъ Никита Ивановичъ прочилъ себѣ въ невѣсты. Когда любовь ихъ (Порошина и

Шереметевой?) сдѣлалась явною, то легко охолодили великаго князя къ своему наставнику, потомъ отлучили его отъ двора». Оклеветанный и дважды униженный и оскорбленный въ самыхъ лучшихъ своихъ чувствахъ, Порошинъ, въ бѣдѣ, которая отнимала у него все будущее и пятнала безчестіемъ, обратился за помощью къ фавориту Екатерины, графу Григорію Орлову. Но, «по политическимъ причинамъ», Панинъ при Павлѣ былъ неуязвимъ даже для Орлова, и Порошинъ переведенъ былъ на службу въ Малороссію, гдѣ вскорѣ умеръ.

Съ удаленіемъ Порошина, ученіе отступило мало-по-малу на второй планъ и потеряло свой прежній смыслъ. Безпристрастный свидѣтель всего періода воспитанія Павла, Платонъ, разсказываетъ, что «разные придворные обряды и увеселенія не малымъ были препятствіемъ ученію. Графъ Панинъ былъ занятъ министерскими дѣлами, но и къ гуляніямъ былъ склоненъ. Императрица самолично никогда въ сіе не входила». Очевидно, что при Павлѣ возобладалъ информаторъ его Остервальдъ, который, льстя лѣности Павла, еще раньше спорилъ съ Порошинымъ, доказывая, «что надобно, чтобы на половинѣ великаго князя всякую недѣлю два раза были куртаги, дабы публика его узнала, и онъ бы къ обхожденію привыкалъ». Между тѣмъ великій князь достигъ 14 лѣтъ, когда, по воспитательному плану Панина, «полезно было учинить особливое разсужденіе, какимъ способнѣйшимъ образомъ приступить къ прямой государственной наукѣ, т. е. къ познанію коммерціи, казенныхъ дѣлъ, политики внутренней и внѣшней, войны морской и сухопутной, учрежденій мануфактуръ и фабрикъ и прочихъ частей, составляющихъ правленіе государства». Для насъ не сохранилось подробностей объ этихъ занятіяхъ цесаревича; извѣстно только, что безнравственный интриганъ Тепловъ, приглашенный для преподаванія ему государственныхъ и политическихъ наукъ, съ умысломъ или нѣтъ, наводилъ на Павла такую скуку занятіями этими предметами, что тотъ не хотѣлъ и слышать о нихъ: онъ приносилъ ему для разбора огромныя кипы процессовъ, производившихся въ сенатѣ. Зато великій князь началъ обнаруживать склонность къ «мелкостямъ военнаго дѣла», отъ котораго ранѣе его устраняли, по печальному опыту его отца: Панинъ и Порошинъ были согласны въ этомъ отношеніи. «Обширное государство», писалъ Порошинъ, «неисчисленные пути откроетъ, гдѣ можетъ поработать ученіе, остроуміе и глубокомысліе великое и по которымъ истинная слава во всей вселенной промчится и въ роды родовъ не умолкнетъ. Такія ли огромныя дѣла оставляя, пуститься въ офицерскія мелкости? Я не говорю, чтобы государю совсѣмъ не упоминать про дѣло военное. Никакъ!—въ томъ опять сдѣлано было упущеніе; но надобно влагать въ мысли его такія свѣдѣнія, которыя составляютъ великаго полководца, а не исправнаго капитана или прапорщика. Сверхъ того, въ бездѣлки пускаться весьма опасно. Онѣ и такого человѣка, который совсѣмъ къ нимъ не склоненъ, притянуть къ себѣ могутъ. Лѣности нашей то весьма угодно, а тщеславіе не преминетъ уже стараться прикрыть все видомъ пользы и необходимости. Легче въ бездѣлкахъ упражняться, нежели въ дѣлахъ важныхъ». Съ другой стороны, поклонники военнаго дѣла и «офицерскихъ мелкостей» внушали Павлу: «Какую бы помощь, напр., получила Греція при Маратонѣ отъ всей премудрости философовъ своихъ, вольныхъ и др. наукъ и художествъ, если бы не было въ ней Мильтіада и десяти тысячъ, напоенныхъ его духомъ? И не долженъ ли всякій признаться, что все ихъ знаніе служило только къ сочиненію либо подлыхъ пѣсенъ для мягченія своихъ побѣдителей, или къ возстановленію позорныхъ для себя же трофеевъ? Но, чтобы сократить, оставлю тьму такихъ примѣровъ и пріобщу только то, что славный прадѣдъ вашъ, давая подданнымъ своимъ почти во всемъ примѣръ собою, не погнушался быть солдатомъ, ни матросомъ, а не былъ никогда подъячимъ ни протоколистомъ ни одной коллегіи, ниже сената». И послѣднему взгляду Павелъ долженъ былъ отдать предпочтеніе: дѣти вообще любятъ игру въ солдаты, а Павелъ часто мечталъ, еще въ ранніе свои годы, о баталіяхъ и военной службѣ. Платонъ прямо свидѣтельствуетъ, что великій князь былъ особо склоненъ къ военной наукѣ и плѣнялся «всякой наружностію, въ глаза бросающеюся». Братъ Никиты Панина, генералъ-аншефъ Петръ Ивановичъ, часто посѣщалъ Павла и содѣйствовалъ развитію его военныхъ наклонностей. Во всякомъ случаѣ, Павелъ получилъ хорошую военную подготовку, и

уже въ 1772 г., 18 лѣтъ, началъ исполнять обязанности генералъ-адмирала и фактически командовать кирасирскимъ полкомъ, котораго онъ былъ полковникомъ; оба эти званія пожалованы ему были императрицей еще въ 1762 году.

Находясь подъ исключительнымъ присмотромъ Никиты Панина, Павелъ Петровичъ видѣлъ въ матери, прежде всего, государыню: являясь къ большому двору для свиданія съ державной своей матерью всегда въ сопровожденіи своего воспитателя, Павелъ видѣлся съ нею, главнымъ образомъ, на разныхъ придворныхъ собраніяхъ. Оттого неудивительно, что въ обращеніи съ нимъ Екатерины установилась нѣкоторая холодность, за которую ея впечатлительный сынъ платилъ ей тѣмъ же. Видъ принужденности въ отношеніяхъ матери къ сыну раждался и оттого, что, въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины, недовольные ея управленіемъ почти всегда выдвигали имя Павла, какъ претендента, которому долженъ былъ принадлежать престолъ: имя это, въ укоръ себѣ, она послѣдовательно встрѣчала въ дѣлахъ Гурьева, Хитрово, Арсенія Мацѣевича, Опочинина и даже Беньовскаго, да и самъ Панинъ, какъ постоянный стражъ Павла, напоминалъ ей своей персоной планы 1762 г. о возведеніи его на престолъ. Тѣмъ не менѣе, всякій разъ, когда слабому здоровью Павла Петровича угрожала какая-либо опасность, Екатерина проявляла о немъ особенную заботливость. Такъ было въ 1767 г., во время пребыванія въ Москвѣ, когда Павелъ заболѣлъ серьезной болѣзнью; такъ было и въ маѣ 1768 г., когда умерла отъ оспы невѣста Панина, графиня Анна Петровна Шереметева. Во время ея болѣзни Павелъ жилъ въ Царскомъ Селѣ при Екатеринѣ, въ разлукѣ съ Панинымъ, которому императрица обѣщала «сына своего нивѣсть какъ няньчить», а 1 ноября того же года Павлу, по желанію Екатерины и одновременно съ нею, привита была оспа англійскимъ врачемъ Димсдалемъ.

Изъ записокъ Порошина видно, что Панинъ отзывался иногда при великомъ князѣ саркастически объ управленіи дѣлами государства въ царствованіе Екатерины. Вмѣстѣ съ тѣмъ, великій князь воспринялъ у Панина и ненависть къ Орловымъ, ея помощникамъ. Подозрительность и мнительность великаго князя, естественно, увеличивались постоянно и дошли до того, что онъ началъ бояться за собственную безопасность и даже за свою жизнь. Въ 1771 г., когда Павелъ Петровичъ опасно заболѣлъ горячкой, императрица, не смотря на лѣтнее время, нарочно переѣхала изъ Петергофа въ Петербургъ, гдѣ находился больной, и почти ежедневно навѣщала сына. Между тѣмъ возникли толки о престолонаслѣдіи въ случаѣ смерти цесаревича. Народъ тревожился болѣзнію наслѣдника, и выздоровленіе его принято было съ восторгомъ; Фонвизинъ, преданный слуга Панина, написалъ даже особое «Слово» на это выздоровленіе.

Въ 1772 г. великій князь достигъ совершеннолѣтія. Этого момента многіе современники ждали, какъ событія, долженствующаго опредѣлить степень участія наслѣдника въ управленіи государствомъ. Еще въ дѣтствѣ, по разсказу Порошина, Павелъ слышалъ отъ матери, «что какъ онъ возмужаетъ, то она изволитъ призывать его къ себѣ по утрамъ для слушанія дѣлъ, дабы онъ могъ къ тому привыкнуть». Иностранные дипломаты высказывали предположеніе, что со времени совершеннолѣтія Павла судьба Екатерины будетъ невѣрна: «я не сомнѣваюсь», писалъ, напр., лордъ Каткартъ въ 1769 г., «что все дѣло подготовлено и условлено ко времени совершеннолѣтія, хотя подробности мнѣ неизвѣстны». На самомъ же дѣлѣ Екатерина вовсе не думала поступиться даже частью своей власти въ пользу сына, и день совершеннолѣтія Павла, 20 сентября 1772 г., быть можетъ съ умысломъ, ровно ничѣмъ не былъ ознаменованъ: въ этотъ день не было даже никакого производства, и хотя Павелъ вступилъ въ исправленіе обязанностей генералъ-адмирала и командующаго кирасирскимъ полкомъ своего имени, но его оберъ-гофмейстеръ, Панинъ, не лишенъ былъ своей власти надъ нимъ, такъ что совершеннолѣтній наслѣдникъ, на дѣлѣ какъ бы не былъ еще признанъ совершеннолѣтнимъ. Разумѣется, «усерднѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ дѣтямъ отечества», возлагавшимъ столько прекрасныхъ надеждъ на Павла, это было сильно не по вкусу, и, дѣйствительно, никогда не было столько интригъ при дворѣ Екатерины, какъ въ концѣ 1772 г. и первой половинѣ 1773 г. Страннымъ образомъ случилось, что предъ самымъ совершеннолѣтіемъ Павла Екатерина охладѣла къ Орлову, и по-

явился новый фаворитъ Васильчиковъ, бывшій креатурой Панина. Перемѣна эта отозвалась на отношеніяхъ Екатерины къ сыну: она баловала, ласкала его; съ своей стороны, Павелъ, ненавидѣвшій Орловыхъ, былъ крайне доволенъ ихъ паденіемъ, такъ что самъ Панинъ долженъ былъ сдерживать порывы его отвращенія къ отставному фавориту. Но уже въ концѣ 1772 г. Екатерина начала подозрѣвать какую-то интригу со стороны Паниныхъ и слухи о дурныхъ отзывахъ Павла объ Орловыхъ называла «ложью, выдуманною для видовъ тѣхъ, которые черезъ то надѣялись скорѣе достигнуть своихъ видовъ», «въ коихъ», писала она, «я не обманута, а все сіе пустошь, изъ перехитренной тонкости выдуманная, и меня не проведутъ». Послѣдствіемъ этой «пустоши» было, однако, новое усиленіе вліянія Орловыхъ при дворѣ съ марта 1773 г. и предосторожности, принятыя противъ братьевъ Паниныхъ. «Всѣ интриги и струны настроены», сообщалъ въ это время преданный Панину Фонвизинъ, «чтобы графа Панина отдалить отъ великаго князя, который открылъ мнѣ свое намѣреніе, буде отлучатъ его отъ великаго князя, то онъ ту же минуту выйдетъ въ отставку. Великій князь тужитъ очень, видя худое положеніе своего воспитателя, а слышно, что его отдаляютъ... Развращенность здѣшнюю описывать излишне. Ни въ какомъ скаредномъ приказѣ нѣтъ такихъ стряпческихъ интригъ, какія у нашего... происходятъ и все вертится надъ бѣднымъ Панинымъ. Брата своего онъ въ Петербургъ привезти боится, чтобы еще скорѣе ему шеи не сломали, а здѣсь ни одной души не имѣетъ, кто бы ему былъ истинный другъ». Петръ Панинъ жилъ въ это время въ Москвѣ, послѣ выхода своего въ отставку, и также проявлялъ признаки волненія: онъ, по донесенію московскаго главнокомандующаго, князя Волконскаго, въ это время «много и дерзко болталъ», хотя «такого не было слышно, чтобъ клонилось къ какому бы дерзкому предпріятію».

Самъ Панинъ умѣлъ однако оставаться въ тѣни. Главною его пружиною былъ сначала его ближайшій другъ, бывшій дотолѣ посланникомъ въ Варшавѣ, голштинецъ Сальдернъ, постоянно присутствовавшій во время пребыванія своего въ Петербургѣ на обѣдахъ наслѣдника. Сальдернъ самъ однажды охарактеризовалъ себя словами, обращенными къ графу Строганову: «вы тѣ интриги крупными называете, кои я весьма мелкими почитаю». Сперва Сальдернъ провелъ давній проектъ Панина объ устраненіи Павла Петровича отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла германскія, такъ какъ Павелъ, по наслѣдству отъ отца, былъ герцогомъ голштинскимъ: печальный примѣръ Петра III заставлялъ думать, что и сынъ его сосредоточитъ свое вниманіе на дѣлахъ голштинскихъ, а не русскихъ. 21 мая 1773 г. заключенъ былъ съ Даніею окончательный договоръ, по которому, уступая Даніи Шлезвигъ и Голштинію, Павелъ Петровичъ пріобрѣталъ взамѣнъ графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ; вслѣдъ за тѣмъ, актомъ 14 іюля 1773 г., Павелъ передалъ эти владѣнія коадъютору Любскому Фридриху-Августу, представителю младшей линіи голштинскаго дома; за Павломъ остался лишь титулъ герцога голштинскаго и право раздавать голштинскій орденъ св. Анны. Вслѣдъ затѣмъ Сальдернъ составилъ для поднесенія императрицѣ планъ о дарованіи Павлу соучастія въ управленіи государствомъ, но планъ этотъ, какъ говорятъ, не понравился Панину: онъ убѣдилъ Павла отвергнуть его, но не донесъ о немъ Екатеринѣ, которая узнала о проискахъ Сальдерна лишь послѣ окончательнаго отъѣзда его изъ Россіи въ августѣ 1773 г. Разсказываютъ, что Панинъ самъ составилъ, вмѣстѣ съ довѣренными секретарями своими: Фонвизинымъ и Бакунинымъ, другой планъ вступленія Павла въ управленіе государствомъ, но что Бакунинъ открылъ графу Г. Г. Орлову всѣ обстоятельства дѣла. Императрица призвала къ себѣ сына и гнѣвно упрекала его; тогда Павелъ испугался и принесъ матери списокъ всѣхъ участниковъ. Она сидѣла у камина и, взявъ списокъ, не взглянувъ даже на него, бросила бумагу въ огонь, сказавъ: «я не хочу знать, кто эти несчастные»: она знала уже ихъ по доносу Бакунина. Несомнѣнно одно, что уже въ маѣ 1773 г. Павелъ искалъ сближенія съ матерью. 27 мая онъ писалъ гр. Андрею Разумовскому: «Я составилъ себѣ планъ для будущаго поведенія, который я изложилъ вчера гр. Панину, его одобрившему. Планъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно болѣе сблизиться съ матерью и пріобрѣсти ея довѣріе—и для того, чтобы по возможности обезопасить ее отъ вся-

каго рода интригъ, и для того, чтобы имѣть родъ оплота и поддержки на случай, если бы захотѣли противодѣйствовать моимъ намѣреніямъ». Тогда же Панинъ пробовалъ дѣйствовать на другой почвѣ. Еще въ 1768 г. Екатерина поручила другу Панина, бывшему посланнику Даніи въ Россіи, Ассебургу, выборъ невѣсты для Павла изъ германскихъ княжескихъ семействъ. Творецъ «сѣвернаго аккорда», Панинъ, давно умѣлъ возбудить въ наслѣдникѣ симпатіи къ Пруссіи, закрѣпленныя въ 1770 г. сближеніемъ его съ принцемъ Генрихомъ прусскимъ во время 4-хъ мѣсячнаго пребыванія его въ Петербургѣ. Естественно было и принцу Генриху, и Панину заботиться о томъ, чтобы выборъ Ассебурга совпадалъ съ политическими ихъ планами; Фридрихъ II также принялъ въ этомъ горячее участіе ради интересовъ Пруссіи. «Только происками и интригами, говоритъ онъ самъ въ своихъ запискахъ,—достигъ король прусскій того, что остановилъ выборъ Екатерины на принцессѣ гессенъ-дармштадтской, родной сестрѣ принцессы прусской. Чтобы пользоваться значеніемъ въ Россіи, необходимо было помѣстить тамъ лицъ, которыя держали бы сторону Пруссіи. Слѣдовало надѣяться, что принцъ прусскій, вступивъ на престолъ, могъ пріобрѣсти отъ этого большія выгоды. Ассебургу, подданному короля, поручено было ознакомиться съ германскими дворами, въ семействахъ которыхъ были невѣсты. Король пробудилъ въ немъ патріотическое усердіе, указавъ ему, что принцесса дармштадтская есть именно та, которою онъ наиболѣе интересуется. Посланникъ такъ хорошо сослужилъ службу его прусскому величеству, что эта принцесса и была избрана въ супруги великому князю». Дѣйствительно, уже 28 апрѣля 1773 г. Екатерина сдѣлала формальное приглашеніе ландграфинѣ гессенъ-кассельской Каролинѣ съ тремя ея дочерьми: Амаліей, Вильгельминой и Луизой—прибыть въ Петербургъ на русской флотиліи, нарочно за ней отправленной въ Любекъ; принцесса Вильгельмина предназначена была въ невѣсты наслѣднику. Въ то же время Ассебургъ писалъ Панину, что вслѣдствіе его стараній ландграфиня такъ хорошо настроена, что не будетъ слушать ничьихъ совѣтовъ, кромѣ совѣтовъ Панина, и что она будетъ слушаться и повиноваться ему во всемъ. О письмѣ этомъ Екатерина узнала изъ перлюстраціи и тогда же предписала барону Черкасову, назначенному встрѣтить принцессу Вильгельмину, дать ей слѣдующую инструкцію: «Принцесса должна не только чуждаться, но никогда не слушать тѣхъ, которые злобными своими навѣтами пожелали бы разстроить согласіе императорскаго семейства. Принцессѣ, которой суждено скрѣпить его узы, вмѣняется въ обязанность изобличать предъ императрицей и великимъ княземъ, ея супругомъ, тѣхъ, которые, по нескромности или низости, дерзнули бы мыслить внушить ей чувства, противныя долгу привязанности къ императрицѣ и къ великому князю... Принцесса должна избѣгать всякихъ навѣтовъ, могущихъ быть со стороны министровъ иностранныхъ дворовъ». Послѣдній совѣтъ былъ вызванъ предписаніемъ Фридриха II его посланнику въ Петербургѣ, Сольмсу, о чемъ Екатерина узнала также изъ перлюстраціи,—не скрывать отъ ландграфини ничего такого, что могло бы послужить къ руководству ея при дворѣ, ей незнакомомъ, дабы она могла соразмѣрять свои поступки. По прибытіи ландграфини въ Петербургъ 18 іюня, Екатерина формально обратилась къ ландграфинѣ, прося отъ имени сына руки дочери ея, Вильгельмины. 15 августа принцесса Вильгельмина приняла православіе съ именемъ великой княжны Наталіи Алексѣевны, а 29 сентября съ обычною пышностію совершено было бракосочетаніе великокняжеской четы. Вслѣдъ затѣмъ, такъ какъ воспитаніе Павла закончилось, то Никита Ивановичъ Панинъ получилъ увольненіе отъ должности оберъ-гофмейстера при Павлѣ, при чемъ былъ осыпанъ наградами и получилъ особую благодарность Екатерины «за всѣ приложенные труды и попеченіе о здравіи и украшеніи тѣлесныхъ и душевныхъ дарованій великаго князя». Истинной цѣлью Екатерины при удаленіи Панина отъ Павла Петровича было стремленіе установить добрыя свои отношенія съ возмужавшимъ сыномъ и его супругою. «Домъ мой очищенъ», выразилась она по этому поводу, «или почти очищенъ; всѣ жеманства происходили, какъ я предвидѣла, однако же воля Господня совершилась». Отдѣльнаго двора для великокняжеской четы образовано не было, но, вмѣсто Панина, состоять при великомъ князѣ назначенъ былъ генералъ-аншефъ Николай Ивановичъ Салтыковъ.

Для великаго князя Павла Петровича закончилась такимъ образомъ первая, подготовительная пора жизни, и онъ является въ дальнѣйшей своей жизни уже самостоятельнымъ лицомъ въ совершенно новой для него семейной и политической обстановкѣ. Юный, цвѣтущій наслѣдникъ, чуждый всѣхъ ошибокъ и увлеченій прошлаго, возбуждалъ въ то время всеобщія симпатіи своими личными качествами. «Въ него легко влюбиться всякой дѣвицѣ», сообщалъ Сольмсъ Ассебургу. «Хотя онъ невысокаго роста, но очень красивъ лицомъ; весьма правильно сложенъ; разговоръ и манеры его пріятны; онъ кротокъ, чрезвычайно учтивъ, предупредителенъ, и веселаго нрава. Подъ этою прекрасною наружностію скрывается душа превосходнѣйшая, самая честная и возвышенная, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая чистая и невинная, которая знаетъ зло только съ отталкивающей его стороны и вообще свѣдуща о дурномъ лишь на сколько это нужно, чтобы вооружиться рѣшимостію самому избѣгать его и не одобрять его въ другихъ. Однимъ словомъ, невозможно довольно сказать въ похвалу великому князю». Этотъ хвалебный отзывъ прусскаго дипломата подтверждался во многомъ и другими лицами, знавшими великаго князя преимущественно съ внѣшней стороны; болѣе тонкіе наблюдатели, отдавая должное рыцарскимъ, религіознымъ и свѣтскимъ достоинствамъ Павла Петровича, уже отмѣчали развитіе тѣхъ недостатковъ его характера, о которыхъ говорилъ еще Порошинъ: крайнюю неустойчивость впечатлѣній на истерической подпочвѣ, соединенную со стремительною, необдуманною пылкостію въ рѣшеніяхъ; мнительность и подозрительность Павла, воспитанная обстановкой дѣтскихъ и юношескихъ его лѣтъ, дѣлала его игрушкой въ рукахъ всякаго интригана, умѣвшаго льстить его страстямъ. Оттого Павелъ всегда находился подъ чьимъ-либо вліяніемъ. Въ это время со всѣмъ довѣріемъ молодого чувства онъ предался одному изъ друзей своего дѣтства, молодому, жизнерадостному графу Андрею Разумовскому. Разумовскій умѣлъ веселить своего царственнаго друга и нѣсколько оторвать его отъ мрачныхъ внушеній Панина, противъ котораго онъ даже помогалъ Сальдерну вести интригу. «Дружба ваша», писалъ Павелъ Разумовскому, «произвела во мнѣ чудо: я начинаю отрѣшаться отъ моей прежней подозрительности. Но вы ведете борьбу противъ десятилѣтней привычки и побораете то, что боязливость и обычное стѣсненіе вкоренили во мнѣ. Теперь я поставилъ себѣ за правило жить какъ можно согласнѣе со всѣми. Прочь химеры, прочь тревожныя заботы! Поведеніе ровное и согласованное съ обстоятельствами — вотъ мой планъ. Я сдерживаю, на сколько могу, свою живость; ежедневно выбираю предметы, дабы заставить работать мой умъ и развивать мои мысли, и черпаю понемногу изъ книгъ». При такомъ отсутствіи душевнаго равновѣсія великаго князя и стремленіи его найти себѣ опору, личныя свойства супруги его пріобрѣтали большое значеніе. Еще принцъ Генрихъ, познакомившійся съ Павломъ въ 1770 г., замѣтилъ, что съ Павломъ будетъ счастлива лишь жена снисходительная, которая выкажетъ ему полное довѣріе и не будетъ постоянно требовательною. Казалось, что великая княгиня Наталія Алексѣевна съумѣетъ составить счастіе своего супруга и поселить миръ въ императорской семьѣ. Великій князь очень любилъ свою супругу, а императрица не могла достаточно нахвалиться своей невѣсткой и говорила даже, что великая княгиня возвратила ей сына и что она намѣрена достойно отблагодарить ее за это: великой княгинѣ приписано было такимъ образомъ обнаружившееся еще до ея пріѣзда стремленіе Павла сблизиться съ матерью. Вообще, замѣтны были въ это время теплыя отношенія Екатерины къ Павлу. «Женитьбою», писала она ему, «окончилось ваше воспитаніе; невозможно было оставлять васъ долѣе въ положеніи ребенка и въ двадцать лѣтъ держать подъ опекою. Передъ публикою отвѣтственность теперь падаетъ на васъ одного; публика жадно будетъ слѣдить за вашими поступками. Эти люди все подсматриваютъ, все подвергаютъ критикѣ и не думайте, чтобы оказана была пощада какъ вамъ, такъ и мнѣ... Обращайтесь ко мнѣ за совѣтомъ всякій разъ, когда найдете это нужнымъ: я буду говорить вамъ правду, со всею искренностію, съ какой только способна, и вы будете довольны, выслушавъ ее. Вдобавокъ и чтобы занятія ваши, въ угоду публикѣ, были значительнѣе, я назначу часъ или два въ недѣлю, по утрамъ, въ которые вы будете приходить ко мнѣ одни для слушанія дѣлъ. Такимъ образомъ вы ознакомитесь съ хо-

домъ дѣлъ, съ законами страны и съ моими правительственными принципами». Въ инструкціи Салтыкову она предписала ему постараться понравиться великому князю, оказывать ему всевозможную предупредительность и пріобрѣсти его довѣріе. Когда одинъ изъ «льстивыхъ царедворцевъ» намекнулъ великому князю, что Салтыковъ назначенъ къ нему для наблюденія за его поведеніемъ, то Павелъ Петровичъ со свойственною ему живостію не только сообщилъ Екатеринѣ объ этомъ, но и назвалъ ей этого царедворца — графа Матюшкина. Екатерина приказала Матюшкину порѣже являться къ ней на глаза, и онъ въ началѣ 1774 г. оставилъ службу. Добрыя отношенія къ сыну-претенденту для Екатерины были тогда особенно дороги: вѣсть о появленіи Пугачева и о бунтѣ на Яикѣ пришла въ Петербургъ въ самый день бракосочетанія Павла. Нужно было ласкать Павла, и для того, чтобы удалить его отъ Никиты Ивановича Панина, который сохранялъ за собою негласное на него вліяніе. Къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ обнаружились дурныя свойства Павла Петровича: онъ сообщилъ матери всѣ планы Сальдерна и тѣмъ выдалъ ей своего бывшаго воспитателя, Панина, которому они были извѣстны и который не донесъ о нихъ своевременно императрицѣ. Мнительность цесаревича, боязнь предательства и отравы, также нашла себѣ выраженіе. Однажды подали ему за ужиномъ блюдо сосисекъ,—кушанье, которое онъ очень любилъ. Онъ нашелъ въ немъ нѣсколько осколковъ стекла. Въ гнѣвѣ онъ тотчасъ всталъ изъ-за стола, взялъ блюдо, отправился къ Екатеринѣ и въ запальчивости объявилъ, что онъ убѣждается въ томъ, что его хотѣли отравить. Императрица была очень взволнована этимъ подозрѣніемъ и увезла Павла Петровича съ собою въ Царское Село, чтобы имѣть на свободѣ время узнать, было ли это у него лишь скоропреходящимъ впечатлѣніемъ, вызваннымъ случайнымъ обстоятельствомъ, или это укоренившаяся въ немъ недовѣрчивость. Англійскій посланникъ, Гуннингъ, замѣтилъ о Павлѣ въ это время: «трудно опредѣлить его характеръ по его поступкамъ, и можно сказать, что до настоящаго времени у него не было характера: онъ легко воспринимаетъ впечатлѣнія, но они легко и забываются».

Тѣнь Панина не оставляла однако-же Павла даже въ обществѣ императрицы. Привлеченный ею отчасти къ обсужденію государственныхъ вопросовъ, Павелъ Петровичъ счелъ своевременнымъ обнаружить свой политическій образъ мыслей, представивъ ей въ 1774 г. «Разсужденіе о государствѣ вообще, относительно числа войскъ, потребнаго для защиты онаго, и касательно обороны всѣхъ предѣловъ». Въ сущности всѣ мысли, изложенныя Павломъ въ этомъ «Разсужденіи», были лишь отзвукомъ мнѣній братьевъ Паниныхъ: Никиты и Петра Ивановичей, и навсегда остались его политическимъ символомъ вѣры. «По сіе время», писалъ онъ, «мы, пользуясь послушаніемъ народа и естественнымъ его счастливымъ сложеніемъ, физическимъ и моральнымъ, все изъ цѣлаго кроили, не сберегая ничего; но пора помышлять о сохраненіи сего его драгоцѣннаго и рѣдкаго расположенія для крайняго случая, гдѣ уже ни пріуготовленіями, ни принятіемъ всѣхъ благоразумныхъ мѣръ учинить нечего». Для этой цѣли Павелъ предлагалъ отказаться отъ наступательныхъ войнъ и установить оборонительную военную систему въ имперіи, прикрывъ границы крѣпостями и расположивъ за ними четыре арміи: противъ Швеціи, Пруссіи и Австріи, Турціи и въ Сибири; остальные полки должны были быть расположены внутри имперіи; всѣ полки съ теченіемъ времени должны были получить осѣдлость, комплектуясь и продовольствуясь на счетъ мѣстныхъ жителей, при чемъ рекруты постепенно смѣнялись бы солдатскими дѣтьми, достигавшими совершеннолѣтія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Павелъ Петровичъ, слѣдуя прусскимъ образцамъ, совѣтовалъ дать войскамъ подробные штаты, уставы и инструкціи и предписать всѣмъ, начиная отъ фельдмаршала и кончая рядовымъ, все то, что имъ дѣлать должно; тогда, говорилъ онъ, можно на нихъ взыскивать, если что-нибудь будетъ упущено, а не прежде, потому что надобно, чтобы каждый зналъ, что онъ долженъ сдѣлать, чтобы можно было требовать отъ него отвѣта, для чего онъ упустилъ что-нибудь. Достигнуть этого, по мнѣнію Павла, можно было установленіемъ строгой подчиненности, чтобы никто, отъ фельдмаршала до солдата, не могъ ни въ чемъ извиняться недоразумѣніемъ, начиная съ мундирныхъ вещей и кончая строемъ. «Когда на все подобное, объяснилъ онъ, будутъ испрашиваться вы-

сочайшія разрѣшенія, то, чрезъ таковое ограниченіе, всѣ будутъ несравненно довольнѣе и охотнѣе къ службѣ, потому что не будутъ страдать и видѣть себя подчиненными прихотямъ и неистовствамъ частныхъ командировъ, которые всѣмъ симъ сквернятъ службу и вмѣсто пріохочиванія удаляютъ всѣхъ отъ нея». «Разсужденіе» свое молодой, неосмотрительный наслѣдникъ заключилъ слѣдующими словами: «показавъ теперь все то, что къ равновѣсію потребно и какую военная часть связь и пропорцію должна имѣть въ разсужденіи всего государства, совершилъ намѣреніе себя сдѣлать полезнымъ государству, писавъ сіе отъ усердія и любви къ отечеству, а не по пристрастію или корысти, въ такое время, гдѣ, можетъ быть, многіе, забывъ первые два подвига, заставившіе меня писать, слѣдуютъ двумъ послѣднимъ, а что больше еще, и жертвуя всѣмъ тѣмъ, что святѣе быть не можетъ. А сему я былъ самъ очевидцемъ и узналъ самъ собою вещи, и, какъ вѣрный сынъ отечества, молчать не могъ».

Именно въ это время императрица готовила свое знаменитое «Учрежденіе о губерніяхъ»: понятно, какъ она должна была отнестись къ политическому «profession de foi» своего сына, представлявшему какъ бы видъ критики ея царствованія. «Необыкновенное развитіе бюрократіи и формалистики», говоритъ по этому поводу г. Лебедевъ, «довольствованіе наружностію, не проникая во внутрь вещей и дѣлъ, а главное, тяжелый уровень, наложенный на всякую мысль или желаніе, выходящее изъ принятаго порядка,—вотъ что было бы послѣдствіемъ централизаціи при столь обширной территоріи, какъ русская. Мысль должна была бы остановиться, развитіе дѣлалось неумѣстнымъ, частныя улучшенія оказывались невозможными: ихъ замѣняла окаменѣлая буква устава или инструкціи, а всякая попытка замѣнить недостаточность устава или инструкціи называлась умничаніемъ». Источникъ заблужденій Павла былъ благородный: онъ пытался установить строгую законность тамъ, гдѣ ему представлялся дѣйствительный или мнимый произволъ, и установить единообразіе, какъ видимое проявленіе этой законности, во всѣхъ мельчайшихъ частяхъ государственной машины; но общественной самодѣятельности, такимъ образомъ, предоставлялось весьма мало мѣста, и она часто должна была являться преступной, какъ нарушеніе разъ установленнаго порядка. Смотря на все съ точки зрѣнія формальной законности, Павелъ Петровичъ, вообще добрый, даже жалостливый, обнаруживалъ суровость и строгость даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сама Екатерина склонна была, въ государственныхъ интересахъ, обнаруживать свойственную ей снисходительность и незлобіе. «Велѣла я ему (Павлу) со Стрекаловымъ прочесть всю сію пакотилью (свертокъ бумагъ)», писала Екатерина Потемкину послѣ усмиренія Пугачевскаго бунта, «и онъ сказалъ Степану Ѳедоровичу, прочтя прощеніе бунта, что это рано, и всѣ мысли его клонились къ строгости». Неизвѣстно, старалась ли Екатерина переубѣдить сына, но несомнѣнно о его государственномъ воспитаніи въ ея духѣ уже не могло быть и рѣчи: въ Павлѣ императрица ясно увидѣла уже закончившаго курсъ обученія воспитанника Панина, и ея государственныя «бесѣды» съ нимъ явились не лекціями геніальной государыни своему наслѣднику, не правительственной школой для него, а полемъ столкновенія Екатерины съ мнѣніями враждебной ей партіи. Естественно, что Екатерина думала уже о возможномъ прекращеніи этихъ бесѣдъ, а не развитіи ихъ; оттого, вѣроятно, она не дала своему наслѣднику мѣста ни въ сенатѣ, ни въ своемъ совѣтѣ. Съ этого времени звѣзда новаго фаворита Екатерины, Потемкина, взошла еще выше: съ нимъ императрица дѣлилась своими планами, въ немъ она встрѣчала вѣрнаго и талантливаго исполнителя своихъ предначертаній. Отсюда легко понять чувства, съ которыми Павелъ относился всегда къ Потемкину: въ немъ онъ видѣлъ не только врага по убѣжденіямъ, но и соперника, занявшаго мѣсто, которое онъ считалъ принадлежащимъ себѣ по праву.

Разочарованный въ возможности принять живое участіе въ государственныхъ дѣлахъ, Павелъ Петровичъ и въ семейной своей жизни не нашелъ счастія. Великая княгиня Наталія Алексѣевна, гордая и честолюбивая, подчинила его своему вліянію, но сама также сдѣлалась доступной внушеніямъ друга Павла, графа Андрея Разумовскаго, находившагося на жалованьѣ у державъ, противодѣйствовавшихъ «сѣверному аккорду» Панина: Франціи и Испаніи. Само собою разумѣется,

что и Наталія Алексѣевна, и Разумовскій употребили всѣ усилія, чтобы оттѣснить Панина отъ двора наслѣдника: Павелъ сталъ находить себѣ удовольствіе только въ обществѣ своей супруги и графа Андрея. Екатерина замѣтила интриги Наталіи Алексѣевны и предварила сына, что графъ Разумовскій злоупотребляетъ его благосклонностью для того, чтобы имѣть вліяніе на великую княгиню. Эта «страшная повѣренность (odieuse confiance)», по донесенію французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Дюрана, друга Разумовскаго,—«причинила Павлу Петровича огорченіе, которое онъ тщетно старался скрыть. Великая княгиня принудила его наконецъ объяснить ей причину его грусти и узнала ее только для того, чтобы, проплакавъ нѣсколько дней, убѣдить его въ злобности этого слуха, клонившагося лишь къ тому, чтобы разссорить ее съ мужемъ». Во время пребыванія двора въ Москвѣ отношенія Екатерины къ великокняжеской четѣ сдѣлались очень сухи и выражались наглядно въ мелкихъ фактахъ; такъ, 21 апрѣля, въ день своего рожденія, Екатерина подарила Павлу недорогіе часы, а Потемкину—50 тысячъ рублей,—сумму, въ которой Павелъ Петровичъ очень нуждался и о выдачѣ которой онъ давно просилъ: лишь въ день именинъ Павла, 29 іюня, его просьба была исполнена, и то лишь отчасти: ему пожаловано было всего 20 тысячъ рублей. Это явное предпочтеніе Потемкина только усилило ненависть къ нему великаго князя; при вспыльчивости Павла, дѣло дошло, по одному ничтожному поводу, до открытой ссоры между нимъ и Потемкинымъ. Въ довершеніе всего, Наталію Алексѣевну не взлюбили въ Москвѣ за ея гордость, за ея незнаніе русскаго языка, за ея презрѣніе установившихся обычаевъ, а великаго князя за его сдержанность. «La noblesse de Moscou», доносилъ своему правительству французскій повѣренный въ дѣлахъ Дюранъ, «est peu contente de la naïveté avec laquelle le Grand Duc et la Grande Duchesse expriment leur dégoût pour une ville immense, mais où tout est épars, ou rien ne tient ensemble, dépourvue d'eau à boire, n'ayant que trois petites rivières, souvent à sec, renferment plusieurs marais et fourmillant de visages inconnus pour L. L. A. A. qui ne peuvent se faire à leurs façons». По отзыву Екатерины, у Наталіи Алексѣевны за это время «не видать было ни добродушія, ни осторожности, ни благоразумія..., во всемъ одно вертопрахство: то тò, то другое намъ не по нутру».

Дѣло, вѣроятно, кончилось бы явнымъ столкновеніемъ между свекровью и невѣсткой, если бы, вскорѣ по возвращеніи двора въ Петербургъ, великая княгиня не умерла отъ родовъ; причиной этой кончины былъ физическій недостатокъ Наталіи Алексѣевны—искривленіе стана, о которомъ во время сватовства Ассебургъ умолчалъ умышленно, желая угодить Фридриху II и Панину. Теперь самъ Панинъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, писалъ другу своему Н. В. Репнину, что «внутренній образъ жизни великой княгини перемѣнилъ чувства супруга и подалъ утѣшеніе всему двору о сей потерѣ». Перемѣна эта произошла оттого, что Екатерина прибѣгла къ сильному средству, чтобы излѣчить горесть Павла Петровича: она передала ему найденную въ бумагахъ покойной переписку ея съ Разумовскимъ. Новая супруга Павла была уже давно намѣчена: это была помолвленная за принца гессенъ-дармштадтскаго 17-ти-лѣтняя принцесса виртембергская Софія-Доротея, физическимъ своимъ здоровьемъ и душевными качествами обращавшая на себя вниманіе Екатерины еще при выборѣ первой супруги для Павла Петровича. Устроить сватовство взялъ на себя принцъ Генрихъ прусскій, родственникъ принцессы, находившійся въ то время въ Петербургѣ. Уже 18 апрѣля Екатерина писала г-жѣ Бьелке: «я сомнѣваюсь, чтобы онъ (принцъ Людвигъ) женился на принцессѣ виртембергской, не смотря на то, что они уже помолвлены: онъ совсѣмъ не стоитъ ея». Вслѣдъ затѣмъ сдѣланы были приготовленія къ отъѣзду цесаревича въ Берлинъ, гдѣ онъ долженъ былъ увидѣться съ принцессой.

Средство для излѣченія великаго князя употреблено было сильное, результаты оказались блестящіе, но характеръ Павла сдѣлался навсегда мрачнымъ и подозрительнымъ: нелегко было ему пережить обманутую привязанность къ людямъ, которымъ онъ отдался всей душою; еще тяжелѣе для него было затаить въ себѣ оскорбленіе, за которое онъ порывался отомстить. Разумовскій тотчасъ же былъ высланъ изъ столицы, но, встрѣтившись съ нимъ спустя шесть лѣтъ въ Неаполѣ, гдѣ онъ былъ посланникомъ, цесаревичъ,

какъ говоритъ преданіе, схватилъ его за руку и повлекъ въ пустую комнату; тамъ, вынувши изъ ноженъ шпагу, онъ сталъ въ позицію, воскликнувъ: «Flamberge au vent, monsieur le comte!», такъ что путешествовавшіе съ нимъ кавалеры лишь съ трудомъ могли его успокоить. Поэтому поѣздка въ Берлинъ явилась какъ нельзя болѣе кстати, чтобы укрѣпить нервы его, пошатнувшіеся отъ страшнаго удара, и освѣжить душу его новыми впечатлѣніями. 13 іюня 1776 г. Павелъ Петровичъ выѣхалъ въ Берлинъ въ сопровожденіи фельдмаршала Румянцова, Н. И. Салтыкова, камергера Нарышкина, камеръ-юнкера Александра Куракина, секретаря Николаи и хирурга Бека.

Всѣ препятствія къ браку принцессы Софіи-Доротеи съ Павломъ уже устранены были въ это время опять принявшимъ на себя роль свата Фридрихомъ II: мать невѣсты, принцесса Фредерика, была его родной племянницей, а отецъ, принцъ Евгеній виртембергскій, долгое время служилъ въ прусской арміи. Женихъ Софіи-Доротеи, принцъ Людвигъ гессенъ-дармштадскій, получилъ отъ Екатерины 10 тысячъ рублей пенсіона и возвратилъ невѣстѣ ея слово. Цесаревичъ прибылъ въ Берлинъ лишь 10 іюля, гдѣ уже ожидала его Софія-Доротея со своими родителями, и былъ торжественно встрѣченъ Фридрихомъ: дальновидный король употребилъ всѣ средства, чтобы заручиться расположеніемъ наслѣдника русскаго престола. Въ тотъ же день Павелъ увидѣлъ свою невѣсту: Софія-Доротея была прекрасной молодой дѣвушкой, съ добрыми, голубыми глазами и замѣчательно-здоровымъ цвѣтомъ лица. Молодые люди быстро понравились другъ другу, и уже 12 іюля Павелъ сдѣлалъ формальное предложеніе родителямъ невѣсты, и тогда же отпразднованъ былъ сговоръ. Между тѣмъ Фридрихъ развлекалъ своего высокаго гостя смотрами и маневрами, парадными спектаклями, дневными и ночными праздниками въ Шарлоттенбургѣ, Монбижу и Санъ-Суси и т. д. Лишь 25 іюля Павелъ Петровичъ покинулъ Берлинъ, восхищенный пріемомъ короля и всѣмъ, имъ видѣннымъ въ Пруссіи. На дорогѣ въ Россію онъ провелъ два дня въ замкѣ Рейнсбергѣ, въ гостяхъ у принца Генриха, гдѣ находилась также и его невѣста. Пользуясь ея обществомъ и восхищаясь ея достоинствами, Павелъ Петровичъ не могъ, однако, забыть горькихъ впечатлѣній, оставшихся у него отъ перваго его брака, и, вѣрный своимъ убѣжденіямъ въ спасительность инструкцій, написалъ для руководства Софіи-Доротеѣ особое наставленіе, которому она должна была, прибывъ въ Россію, слѣдовать въ своемъ поведеніи. «Слава Богу», писала впослѣдствіи Софія-Доротея, сдѣлавшись супругой Павла: «я не нуждалась въ этомъ наставленіи: мои наклонности влекутъ меня къ тому, чтобы всегда предупреждать его желанія. И супругъ мой самъ чувствовалъ, что совѣты его имѣли своимъ основаніемъ лишь несчастный опытъ его перваго супружества». 14 августа Павелъ возвратился уже въ Царское Село, тогда какъ принцесса Софія-Доротея, встрѣченная на границѣ статсъ-дамой графиней Румянцовой, прибыла туда лишь 31 августа. Екатерина ласково приняла молоденькую принцессу, которая чрезвычайно ей понравилась. 14 сентября совершено было миропомазаніе принцессы, которая наречена была Маріей Ѳеодоровной, 15-го совершено было обрученіе ея съ Павломъ, а 26 сентября отпраздновано было ихъ бракосочетаніе съ пышностію, уже усвоенною въ то время екатерининскимъ дворомъ. Новая великая княгиня очаровала всѣхъ своею добротою и любезностію, а полученное ею строгое нравственное воспитаніе въ захолустномъ Монбельярѣ, вдали отъ соблазновъ нѣмецкихъ княжескихъ дворовъ, обѣщало Павлу Петровичу домашній миръ и прочное семейное счастье.

Случилось, однако, что второй бракъ Павла Петровича, въ связи съ поѣздкой его въ Берлинъ, еще болѣе ухудшилъ отношенія его къ матери. Прусская армія, прусская система управленія, основанная на крайней централизаціи, прусская дисциплина,—произвели обаятельное дѣйствіе на цесаревича и окончательно утвердили его въ томъ міросозерцаніи, яснымъ выраженіемъ котораго служило «Разсужденіе» 1774 года. Молодая великая княгиня, отличавшаяся чрезвычайной любовью къ своей германской роднѣ, постоянно подогрѣвала симпатіи супруга своего къ Пруссіи и находила полную поддержку во вновь появившемся при великокняжескомъ дворѣ, въ качествѣ друга и совѣтника, графѣ Н. И. Панинѣ. Послѣ испытанныхъ тревогъ и несчастій Павелъ сталъ относиться къ старому своему воспитателю

еще съ бо́льшимъ, чѣмъ прежде, довѣріемъ и уваженіемъ. Связь эта стала тѣмъ прочнѣе, что возлѣ Павла постоянно находился племянникъ Панина, ему преданный, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, другъ дѣтства великаго князя, человѣкъ образованный, но легкомысленный и тщеславный: Павелъ перенесъ на него привязанность, которую питалъ онъ къ Разумовскому, и даже сталъ называть его своею «душою». Не одобряя правительственной системы Екатерины, ненавидя фаворита ея, Потемкина, Павелъ не стѣснялся въ выраженіи своихъ мнѣній; его зато игнорировали при большомъ дворѣ, давали ему чувствовать видъ пренебреженія къ его мыслямъ и чувствамъ. «Если бы», писалъ онъ бывшему кавалеру своему Сакену, «мнѣ надобно было образовать себѣ политическую партію, я могъ бы умолчать о безпорядкахъ, чтобы пощадить извѣстныхъ лицъ; но, будучи тѣмъ, что я есмь, для меня не существуетъ ни партій, ни интересовъ, кромѣ интересовъ государства, а при моемъ характерѣ мнѣ тяжело видѣть, что дѣла идутъ вкривь и вкось и что причиною тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимымъ за правое дѣло, чѣмъ любимымъ за дѣло неправое».

Эта спартанская рѣзкость, этотъ мужественный стоицизмъ убѣжденій Павла Петровича, должны были обойтись ему весьма дорого въ недалекомъ будущемъ. Уже 3 іюня 1777 года Павелъ писалъ бывшему своему наставнику о своей надеждѣ сдѣлаться отцемъ, и съ того времени постоянно занятъ былъ со своею супругою мыслію о воспитаніи будущаго своего ребенка. «Стараться буду», писалъ онъ Платону, «вящше заслужить ваше доброе о себѣ мнѣніе, а особливо исполненіемъ новыхъ должностей вступленіемъ черезъ короткое время въ новое званіе, столь важное по отчету, которымъ всякій въономъ долженъ, а особливо каждый въ моемъ мѣстѣ находящійся. Помолитесь обо мнѣ. Богъ, благословлявшій меня въ столь различныхъ случаяхъ, меня не оставитъ и при семъ». Но и «эти новыя должности» отняты были у Павла: тотчасъ послѣ рожденія 12 декабря 1777 года первенца великокняжеской четы, великаго князя Александра Павловича, новорожденный перешелъ въ заботливыя руки державной бабушки, которая сама занялась воспитаніемъ своего внука, считая его родителей мало къ тому способными. Екатерина исходила изъ той мысли, что дѣти Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны принадлежатъ не имъ, а государству; но, каковы бы ни были ея побужденія, лишеніе Павла Петровича и его супруги ихъ естественныхъ родительскихъ правъ должно было произвести на нихъ угнетающее впечатлѣніе. «Охлажденіе между императрицей и великимъ княземъ», писалъ англійскій посланникъ Гаррисъ черезъ годъ послѣ этого событія, «увеличивается со дня на день. Она обращается съ нимъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, можно сказать, съ пренебреженіемъ; онъ же не даетъ труда скрывать свое неудовольствіе и, когда смѣетъ, выражаетъ его свободно и въ самыхъ рѣзкихъ словахъ... Съ великимъ княземъ и съ великой княгиней Потемкинъ и его партія обращаются какъ съ лицами, не имѣющими никакого значенія. Цесаревичъ чувствуетъ это пренебреженіе и имѣетъ слабость высказывать это въ разговорахъ, хотя не властенъ сдѣлать ничего болѣе. Вслѣдствіе природной застѣнчивости и непостоянства нрава, которое не сглаживается съ лѣтами, онъ не можетъ оправдать опасеній, внушаемыхъ императрицѣ Потемкинымъ». Отчужденіе между Екатериною и Павломъ сдѣлалось совершеннымъ, когда и второй сынъ его, Константинъ, родившійся 27 апрѣля 1779 года, взятъ былъ Екатериной также на личное ея попеченіе: въ мечтахъ своихъ императрица, какъ это видно изъ ея завѣщанія того времени, готовила ему тронъ Константина Великаго.

Что же осталось дѣлать наслѣднику, котораго удаляли отъ дѣлъ правленія, унижали при дворѣ и лишали естественныхъ родительскихъ правъ? Ему оставалось замкнуться въ тѣсномъ кругу своихъ приближенныхъ и въ тиши, исподоволь, готовиться къ будущимъ «государскимъ обязанностямъ», святость и отвѣтственность которыхъ онъ глубоко сознавалъ. Салтыковъ не пользовался въ это время расположеніемъ Павла: на него смотрѣлъ онъ, какъ на шпіона императрицы и Потемкина. Въ умѣ цесаревича и его супруги царилъ одинъ Никита Ивановичъ Панинъ съ братомъ своимъ Петромъ и родственниками: княземъ Н. В. Репнинымъ, княземъ Александромъ Куракинымъ и др. Между ними, съ одной стороны, и Павломъ Петровичемъ, съ дру-

гой, шли постоянные разговоры и переписка объ одномъ и томъ же: о настоящемъ печальномъ положеніи имперіи и средствахъ къ его улучшенію. Въ этомъ обмѣнѣ мнѣній политическій образъ мыслей цесаревича слагался въ стройную систему, главнымъ образомъ подъ руководствомъ Паниныхъ.

Какъ политическій мыслитель, Никита Ивановичъ ставилъ на первомъ планѣ и превыше всего законность управленія и умѣлъ внушить Павлу Петровичу высокое понятіе о правахъ и обязанностяхъ государя. Сохранился предсмертный весьма важный трудъ гр. Никиты Панина, съ добавленіями брата его Петра, о формѣ государственнаго правленія и о «фундаментальныхъ законахъ», какъ сводъ его мнѣній о правительствѣ, усвоенныхъ и его царственнымъ воспитанникомъ. «Верховная власть, говорилъ онъ, ввѣряется государю для единаго блага его подданныхъ... Государь, подобіе Бога, преемникъ на землѣ высшей Его власти, не можетъ равнымъ образомъ ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, какъ постановя въ государствѣ своемъ правила непреложныя, основанныя на благѣ общемъ и которыхъ не могъ бы нарушить самъ, не преставъ быть достойнымъ государемъ. Безъ сихъ правилъ, или точнѣе объясниться, безъ непремѣнныхъ государственныхъ законовъ не прочно ни состояніе государства, ни состояніе государя... Державшійся правоты и кротости просвѣщенный государь не поколеблется никогда въ истинномъ своемъ величествѣ, ибо свойство правоты таково, что самое ее никакія предубѣжденія, ни дружба, ни склонности, ни самое сострадание поколебать не могутъ. Сильный и немощный, великій и малый, богатый и убогій—всѣ на одной чредѣ стоятъ; добрый государь добръ для всѣхъ, и всѣ уваженія его относятся не къ частнымъ выгодамъ, но къ общей пользѣ... Онъ долженъ знать, что нація, жертвуя частію естественной своей вольности, вручила свое благо его попеченію, его правосудію, его достоинству, что онъ отвѣчаетъ за поведеніе тѣхъ, кому вручаетъ дѣла правленія и что, слѣдственно, ихъ преступленія, имъ терпимыя, становятся его преступленіями»...

Правленіе Екатерины, при кажущемся самовластіи ея фаворитовъ: Орлова и Потемкина и вліяніи ихъ на всѣ части государственнаго управленія, не удовлетворяло этому идеалу государя, сложившемуся у Павла Петровича; не могъ онъ также сочувствовать и политической системѣ Екатерины какъ во внѣшнихъ дѣлахъ, такъ и во внутреннихъ. По его мнѣнію, какъ это видно изъ переписки его съ Петромъ Панинымъ за это время,—вся внѣшняя политика русскаго государя должна была быть направлена исключительно лишь къ «оборонѣ государственной», такъ какъ, по мнѣнію Павла, Россія не нуждалась въ территоріальномъ приращеніи; напротивъ того, раскинувшись на громадномъ пространствѣ и заключая въ себѣ самыя разнородныя народности, Россія имѣла насущную потребность устроить свои дѣла внутреннія: установить на твердыхъ началахъ законодательство, развить промышленность и торговлю, организовать отвѣтственную передъ закономъ администрацію, которая была бы выраженіемъ власти «для всѣхъ одинаково добраго» монарха, а не господствующаго въ государствѣ сословія.

Уже въ это время Павелъ Петровичъ пришелъ къ мысли о необходимости, для достиженія этихъ цѣлей, установить, на прочныхъ началахъ, прежде всего, порядокъ престолонаслѣдія, какъ ни щекотливо казалось ему касаться этого вопроса лично ему самому. «Спокойствіе внутреннее», писалъ онъ графу Петру Панину, «зависитъ отъ спокойствія каждаго человѣка, составляющаго общество; чтобы каждый былъ спокоенъ, то должно, чтобы его собственныя, такъ и другихъ, подобныхъ ему, страсти были обузданы; чѣмъ ихъ обуздать инымъ, какъ не законами? Они общая узда, и такъ должно о семъ фундаментѣ спокойствія общаго подумать. Здѣсь воспрещаю себѣ болѣе о семъ говорить, ибо нечувствительно сіе разсужденіе довело бы меня до того пункта, отъ котораго твердость и непоколебимость законовъ зависитъ, утверждая навсегда бытіе и состояніе на вѣчность каждаго и рода его. Когда единожды законы утвердятся тѣмъ способомъ, которымъ и состояніе каждаго утверждается, такъ трудно будетъ приступить къ исполненію какого бы то ни было предпріятія, ибо тогда не можетъ иного быть въ необыкновенномъ теченіи вещей, какъ сходнаго съ благоразуміемъ». Цесаревичъ, однако, чувствовалъ, что отъ матери его, вступившей на престолъ путемъ военнаго переворота, невозможно ожидать установ-

ленія закона о престолонаслѣдіи. «Между тѣмъ», писалъ онъ Панину, съ нѣкоторою самоувѣренностію, «ничто не мѣшаетъ приступить къ исполненію частнаго моего намѣренія о военной части, поелику сходно можетъ быть и допустятъ нынѣшнія обстоятельства». Необходимость немедленнаго и подробнаго изученія организаціи военнаго дѣла въ Россіи вызывалась для Павла Петровича и тѣмъ соображеніемъ, что, по его мнѣнію, «Россія истощена была безпрерывными наборами, силы государства израсходованы въ постоянныхъ войнахъ», и потому нужно было отыскать «способъ къ исправленію своего недостатка и къ проведенію арміи въ надлежащую пропорцію въ разсужденіи земли». Но и этотъ «частный» вопросъ оказался непосильнымъ для разрѣшенія безъ общихъ, коренныхъ реформъ государственной жизни, такъ что, въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ отчасти взглядовъ графа Петра Панина, цесаревичъ пришелъ къ убѣжденію, что реформа арміи, изученіе связанныхъ съ нею всѣхъ мелочей военнаго дѣла являются самыми важными изъ будущихъ его «государскихъ» обязанностей. Съ реформой арміи связалъ онъ и болѣе точное опредѣленіе правъ и обязанностей дворянскаго сословія въ государствѣ, такъ какъ чувство равенства и дисциплины, бывшее основнымъ мотивомъ мнѣній Павла, возмущалось при видѣ постояннаго уклоненія дворянства отъ службы, отъ главнѣйшей его обязанности заниматься «обороной государственной». «Первую и главную причину этого удаленія», писалъ онъ Петру Панину, «почитаю я полнѣйшее неуваженіе службы военной, которое, присоединяясь къ тому, что у насъ ничего непоколебимаго нѣтъ (слѣдовательно, и важность вещей всегда зависитъ отъ временнаго расположенія того, котораго воля служитъ закономъ), больше отвращаетъ, нежели привлекаетъ къ себѣ, а особливо отъ злоупотребленій, родившихся отъ вышеупомянутыхъ причинъ. Не скрою и того, что приписываю я, хотя не безпосредственно, отчасти и свободѣ, данной дворянству служить и не служить, недостатокъ нынѣшній дворянства на службѣ, ибо когда оно получило таковую свободу, то было еще оно, исключая нѣкоторое число, не довольно просвѣщено воспитаніемъ, чтобы видѣть цѣли и чуствовать прямую цѣну сдѣланной для него выгоды. Свобода, конечно, первое сокровище всякаго человѣка, но должна быть управляема весьма прямымъ понятіемъ оной, которое не инымъ пріобрѣтается, какъ воспитаніемъ, но оное не можетъ быть инымъ управляемо (чтобъ служило къ добру), какъ фундаментальными законами; но какъ сего послѣдняго нѣтъ, слѣдовательно, и воспитанія порядочнаго быть не можетъ, а оттого рождаются всякія неправыя понятія вещей, слѣдовательно и злоупотребленія, каковаго рода и въ семъ казусѣ народятся, а особливо будучи прикрыты неоспоримыми причинами неудовольствія отъ дурнаго управленія начальниковъ сей части... Я, конечно, удаленъ отъ той мысли, чтобы употребить какіе-нибудь способы принужденія для препятствія оставлять военную службу, но почитаю необходимымъ отнять всѣ способы къ таковому побѣгу изъ оной во 1-хъ бо́льшимъ отношеніемъ всякаго военнослужащаго, во 2-хъ персональнымъ уваженіемъ государя къ сей службѣ, въ 3-хъ лишеніемъ средствъ у начальниковъ исполнять по прихотямъ своимъ, слѣдовательно развращать и портить службу, и въ 4-хъ строгимъ взысканіемъ, чтобы служба исполнялась вездѣ равнымъ образомъ».

Изъ этихъ выписокъ политической программы молодого, 25-лѣтняго царевича легко увидѣть тѣ-же основныя начала управленія, которыми руководился онъ 17 лѣтъ спустя по вступленіи своемъ на престолъ. Но чувство законнаго равенства и дисциплины, стремленіе къ законности и порядку, проявляется здѣсь у Павла Петровича одновременно со строгимъ и просвѣщеннымъ взглядомъ его на «свободу, какъ на первое сокровище всякаго человѣка», прямое понятіе о которой «не инымъ пріобрѣтается, какъ воспитаніемъ». Занятія военнымъ дѣломъ являются для Павла въ это время лишь временнымъ средствомъ, а не цѣлью его государственной дѣятельности, направленной исключительно къ созданію «фундаментальныхъ законовъ», отсутствіе которыхъ низводило Россію на степень азіатской державы. Этой программѣ Павелъ Петровичъ въ сущности оставался вѣренъ до конца своей жизни, и въ дальнѣйшемъ изложеніи его жизни и дѣятельности намъ остается только прослѣдить, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ и въ какой мѣрѣ

первоначальная программа эта постепенно видоизмѣнялась къ худшему одновременно съ измѣненіемъ также къ худшему любезнаго, благороднаго характера ея царственнаго автора. Нельзя не отмѣтить при этомъ, что при самомъ ея нарожденіи графъ Петръ Панинъ уже внесъ въ нее элементъ вредной односторонности. Онъ, обратилъ вниманіе великаго князя преимущественно на «мелкости» военной службы: государь, по его мнѣнію, долженъ былъ непосредственно и лично начальствовать строевою частью; всѣ, даже малѣйшія, измѣненія въ порядкѣ службы и личномъ составѣ войскъ требовали разрѣшенія самого государя, который, введя строгое единообразіе въ обмундированіи, обученіи и образѣ обхожденія съ солдатами и офицерами, долженъ былъ налагать строжайшее взысканіе за всякое отступленіе.

Мечтамъ Павла Петровича о реформахъ во внутреннемъ управленіи Россіи, хотя-бы только по военной части, не суждено было однако осуществиться въ это время. Напротивъ, даже въ области внѣшней политики Россіи, гдѣ онъ до сихъ поръ еще могъ сочувствовать идеямъ матери, въ періодъ 1777—1780 гг. готовилась крупная перемѣна: подъ вліяніемъ Потемкина, Екатерина оставила систему сѣвернаго аккорда, созданную Панинымъ, и въ основу своей политики, вмѣсто союза съ Пруссіей, положила союзъ съ Австріей: Тешенскій договоръ 13 мая 1779 г., разрѣшавшій, съ участіемъ Россіи, распрю между Пруссіей и Австріей изъ-за баварскаго наслѣдства, былъ послѣднимъ ея дѣйствіемъ въ пользу Пруссіи, послѣднимъ актомъ союза съ нею. И Павелъ, и Марія Ѳеодоровна были крайне недовольны такимъ оборотомъ дѣлъ: еще въ 1777 г., когда шведскій король Густавъ III, во время пріѣзда своего въ Петербургъ, выражалъ Павлу непріязненныя чувства свои по отношенію къ Пруссіи, цесаревичъ рѣзко заявилъ ему о своихъ симпатіяхъ къ Фридриху II, основанныхъ «на чувствахъ родства и благодарности»; мало того, объ этомъ разговорѣ своемъ онъ поспѣшилъ сообщить въ Берлинъ, и старый король-философъ съ восторгомъ одобрилъ этотъ поступокъ наслѣдника русскаго престола. Въ симпатіяхъ къ Пруссіи, кромѣ Панина, укрѣпляла Павла и Марія Ѳеодоровна, ревностно заботившаяся объ интересахъ своей нѣмецкой родни, зависѣвшей отъ Пруссіи. Событія однако шли своимъ чередомъ, и уже въ 1780 г., послѣ свиданія съ Екатериной въ Могилевѣ, Іосифъ II прибылъ въ Петербургъ, чтобы упрочить союзъ свой съ Россіей личнымъ знакомствомъ съ великокняжеской четой; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ думалъ привлечь на свою сторону великую княгиню Марію Ѳеодоровну, предложивъ брачный союзъ между сестрой ея, Елизаветой, и будущимъ наслѣдникомъ австрійской короны, Францомъ, сыномъ брата его Леопольда, герцога тосканскаго. Старанія Іосифа, повидимому, были небезплодны: не успѣвъ поколебать симпатій великокняжеской четы къ Пруссіи, онъ пріобрѣлъ однако нѣкоторое довѣріе великаго князя и великой княгини. Замѣчательно, что довѣріе Павла Петровича къ Іосифу выразилось, прежде всего, въ томъ, что онъ сообщилъ ему о неловкости положенія своего по отношенію къ матери. «Трудно», писалъ въ это время Іосифъ, «угодить обѣимъ сторонамъ. Великій князь одаренъ многими качествами, которыя даютъ ему полное право на уваженіе; тяжело, однако, быть вторымъ лицомъ при такой государынѣ». Легко понять ближайшую причину грусти Павла Петровича и его отчужденія отъ матери за это время. «Очень тяжело», сообщалъ онъ Сакену 22 мая 1778 года, «въ двадцать четыре года смотрѣть на всѣ затрудненія, вызванныя честолюбіемъ, не имѣя возможности дѣйствовать. Будущія поколѣнія станутъ судить только по наружности, а наружность въ этомъ случаѣ будетъ противъ меня». Фридрихъ поспѣшилъ прислать въ Петербургъ своего племянника и наслѣдника Фридриха-Вильгельма, чтобы сгладить впечатлѣніе, произведенное Іосифомъ; но визитъ этотъ не достигъ своей цѣли, хотя Панинъ и побудилъ Павла и Вильгельма обмѣняться, въ своемъ присутствіи, увѣреніями въ вѣчномъ союзѣ Россіи и Пруссіи: Екатерина не только обошлась съ Вильгельмомъ холодно, но даже прямо дала ему понять, чтобы онъ сократилъ свое пребываніе въ Россіи.

Екатерина весьма искусно воспользовалась настроеніемъ сына и невѣстки. Желая, чтобы они отдали визитъ Іосифу въ Вѣнѣ, она въ іюнѣ 1781 г., въ отсутствіе графа Панина, бывшаго въ отпускѣ, возбудила посредствомъ кн. Репнина въ великокняжеской четѣ желаніе совершить путешествіе

за границу для ознакомленія съ иными государствами для пріобрѣтенія знаній и опытности; особенно желала этой поѣздки великая княгиня Марія Ѳеодоровна, жаждавшая свиданія съ родными, которые были уже приглашены Іосифомъ въ Вѣну для переговоровъ о предстоящемъ бракѣ. Не зная того, что онъ былъ лишь безсознательнымъ орудіемъ своей матери, Павелъ Петровичъ, побуждаемый своей супругой и снѣдаемый бездѣятельностію, просилъ мать о разрѣшеніи отправиться путешествовать за границу. «Надо», говорилъ онъ, «употребить всѣ усилія, чтобы принести возможно больше пользы своему отечеству, а для этого надо пріобрѣтать познанія, а не сидѣть на одномъ мѣстѣ, сложа руки». Эта просьба великаго князя была удовлетворена, какъ и всѣ другія, касавшіяся предположеннаго путешествія; въ одномъ лишь великокняжеская чета получила рѣшительный отказъ—въ дозволеніи заѣхать въ Берлинъ. Руководитель Павла, графъ Панинъ, поспѣшившій возвратиться въ Петербургъ, уже не могъ, при всемъ своемъ стараніи, воспрепятствовать успѣху Екатерины и былъ лишь 19 сентября 1781 г. молчаливымъ свидѣтелемъ отъѣзда великокняжеской четы, бывшаго признакомъ окончательнаго паденія его политической системы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, конца его политической роли.

Путешествіе великокняжеской четы продолжалось годъ и два мѣсяца. Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, подъ именами графа и графини Сѣверныхъ, посѣтили Австрію, Италію, Францію, Нидерланды, Швейцарію и южную Германію. Великій князь лично не придавалъ политическаго значенія своей поѣздкѣ, замѣчая иронически, что «ему, по его званію, не полагается знать въ этомъ толкъ» и что «онъ только предоставляетъ себѣ право посмѣяться при случаѣ». Между тѣмъ, его повсюду встрѣчали какъ сына и наслѣдника Екатерины, заискивая его расположенія и вниманія и отдавая ему всѣ почести, какія только допускало его инкогнито: такимъ образомъ лишь за границей Павелъ Петровичъ вполнѣ воспользовался преимуществами своего сана, въ которыхъ ему часто отказывали на родинѣ. Въ Вишневцѣ, проѣздомъ его черезъ Польшу, привѣтствовалъ его польскій король Станиславъ-Августъ. Іосифъ II встрѣтилъ высокихъ своихъ гостей въ Троппау и сопровождалъ ихъ до Вѣны, куда они пріѣхали 10 ноября. Пребываніе ихъ въ Вѣнѣ продолжалось шесть недѣль, какъ желала того императрица. Пріемъ, оказанный великокняжеской четѣ Іосифомъ, былъ роскошный и крайне любезный. «Мы», писалъ Павелъ Петровичъ Сакену, «употребляемъ всѣ усилія, чтобы доказать свою признательность, но зато у насъ нѣтъ ни минуты свободной: все наше время занято или удовлетвореніемъ требованій вѣжливости, или стараніями нашими ознакомиться со всѣмъ, что есть здѣсь интереснаго и замѣчательнаго; правду сказать, машина такая величественная и такъ хорошо устроена, что она на каждомъ шагу представляетъ множество интересныхъ сторонъ для изученія, въ особенности массы съ нашей. Есть что изучать по моей спеціальности, начиная съ самаго главы государства». Глава государства предъ отъѣздомъ Павла далъ ему новыя доказательства своего вниманія и довѣрія: семейныя дѣла нѣмецкой родни Маріи Ѳеодоровны были устроены, а Павлу онъ сообщилъ въ тайнѣ о своемъ секретномъ договорѣ съ Россіей, о которомъ великій князь не имѣлъ еще понятія, такъ какъ Екатерина боялась, что онъ можетъ измѣнить этой тайнѣ. При всемъ томъ, Іосифу не удалось побѣдить окончательно симпатій къ Пруссіи ни въ Павлѣ, ни въ Маріи Ѳеодоровнѣ.

По отъѣздѣ своемъ изъ Вѣны, 9 января 1782 г., великокняжеская чета проѣхала всю Италію, посѣтивъ Венецію, Неаполь, Римъ, Флоренцію и наконецъ Туринъ и всюду знакомясь съ историческими памятниками, съ произведеніями древняго и новаго искусства. Всюду цесаревичъ производилъ обаятельное впечатлѣніе своею любезностью, прямодушіемъ, благороднымъ образомъ мыслей, но впечатлительность и недостатокъ сдержанности ослабляли иногда привлекательность его личности. «Я не имѣю претензіи быть блестящимъ», писалъ онъ изъ Рима: «человѣкъ невольно дѣлается неловкимъ, когда старается казаться не тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, такъ какъ мои дѣйствія были только дѣйствіями частнаго лица, то я сознаю, что даже мнѣ самому было-бы затруднительно судить по нимъ о характерѣ лица офиціальнаго и политическаго. Впрочемъ, вы такъ хорошо знаете мой пылкій характеръ,

что можете легко угадать, что изъ этого слѣдуетъ. Это, конечно, не нравится, особенно по исключительности моего положенія».

Во Флоренціи, въ бесѣдахъ съ Леопольдомъ, герцогомъ тосканскимъ, братомъ Іосифа, онъ открыто выражалъ свое недовольство политикой Екатерины и ея ближайшими помощниками: Потемкинымъ, Безбородко, Бакунинымъ, Воронцовыми, Морковымъ, бывшимъ въ то время русскимъ посланникомъ въ Голландіи. «Я вамъ называю ихъ», говорилъ Павелъ Леопольду: «я буду доволенъ, если узнаютъ, что мнѣ извѣстно, кто они такіе, и лишь только я буду имѣть власть, я ихъ выгоню». Пребываніе великокняжеской четы въ Туринѣ было замѣчательно въ томъ отношеніи, что здѣсь завязались дружескія отношенія ея съ савойскимъ домомъ, въ особенности съ наслѣдникомъ сардинскаго короля Виктора Амедея III, принцемъ піемонтскимъ Карломъ-Эмануиломъ, и супругой его, принцессой Маріею-Клотильдою, сестрой французскаго короля Людовика XVI. Связь эта послужила исходной точкой для симпатій Павла Петровича и къ французскимъ Бурбонамъ.

Франція и Парижъ, куда Павелъ съ своей супругой прибыли 7 мая 1782 г., произвели на него самое благопріятное впечатлѣніе. Уже 14 мая Павелъ писалъ Сакену: «это настоящій водоворотъ, въ которомъ кружатся люди, событія и факты: молю Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ силы справиться со всѣмъ. Другъ мой, все, что я вижу здѣсь,—все для меня совершенно новое. Я еще не знаю, что я намѣренъ дѣлать, и едва помню, что со мной было: я веду здѣсь такую разсѣянную жизнь. Впрочемъ, тотъ, кто старается пріобрѣсти хорошую репутацію, не боится ни трудовъ, ни безсонныхъ ночей. Сѣешь для того, чтобы собирать жатву, и тогда чувствуешь себя вознагражденнымъ за все». Дѣйствительно, среди всякаго рода праздниковъ, которыми Людовикъ XVI и Марія-Антуанета чествовали своихъ высокихъ гостей, Павелъ Петровичъ не упускалъ ничего, что могло бы обогатить его познаніями и опытностью. Онъ подробно осматривалъ и изучалъ ученыя и благотворительныя заведенія, искалъ случая познакомиться и бесѣдовать съ выдающимися представителями французской науки и летературы. Рыцарскія свойства великаго князя, развитыя въ немъ воспитаніемъ, отвѣчали національному характеру французовъ: его любезность, остроуміе и привѣтливость приводили ихъ въ восхищеніе, да и самъ Павелъ чувствовалъ себя въ Парижѣ легко и свободно. «Въ Версали», писалъ Гриммъ императрицѣ, «великій князь имѣлъ видъ, что знаетъ французскій дворъ, какъ свой собственный. Въ мастерскихъ художниковъ Грёза и Гудона онъ выказалъ въ искусствѣ свѣдѣнія, которыя могли дѣлать его одобреніе болѣе цѣннымъ для художниковъ. Въ нашихъ лицеяхъ, академіяхъ, своими похвалами и вопросами онъ доказалъ, что не было ни одного таланта и рода работъ, который-бы не имѣлъ права его интересовать, и что онъ давно зналъ всѣхъ людей, просвѣщенность или добродѣтели которыхъ дѣлали честь ихъ вѣку и ихъ странѣ. Его бесѣды и всѣ слова, которыя остались въ памяти, обнаруживали не только тонкій и образованный умъ, но и изящное пониманіе всѣхъ особенностей нашего языка». Вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ Петровичъ привыкъ дружески относиться къ французской королевской четѣ и въ особенности проявилъ много расположенія къ принцу Конде, который въ своемъ знаменитомъ помѣстьѣ Шантильи далъ рядъ блестящихъ празднествъ въ честь русской великокняжеской четы.

Вѣсти изъ Россіи отравили однако спокойное настроеніе великаго князя. Въ половинѣ мая Павелъ получилъ письмо Екатерины, въ которомъ она извѣщала сына, что въ перехваченномъ письмѣ флигель-адъютанта Бибикова къ находившемуся въ свитѣ Павла другу его дѣтства, князю Александру Куракину, оказались дерзкія выраженія, относившіяся къ Потемкину и даже къ самой императрицѣ. Письмо это глубоко опечалило Павла: онъ былъ встревоженъ не только за кн. Куракина, являвшагося единомышленникомъ Бибикова, но и за себя лично, такъ какъ дружескія отношенія Павла къ Куракину были всѣмъ извѣстны. Ожидая съ часу на часъ отозванія Куракина изъ Парижа, Павелъ Петровичъ не могъ скрыть своего волненія и однажды, на вопросъ короля, правда-ли, что въ его свитѣ нѣтъ никого, на кого онъ могъ-бы положиться, Павелъ Петровичъ съ горечью отвѣтилъ: «Ахъ, я былъ бы очень недоволенъ, если-бы возлѣ меня находился самый маленькій

пудель, ко мнѣ привязанный: мать моя велѣла бы бросить его въ воду прежде, чѣмъ мы оставили-бы Парижъ». Выѣхавъ изъ Парижа 7 іюня для путешествія по Бельгіи и Голландіи, цесаревичъ и тамъ выразилъ свое раздраженіе, сдѣлавъ дурной пріемъ русскому посланнику въ Голландіи, Моркову, котораго считалъ онъ креатурой Потемкина, и поблагодаривъ профессоровъ лейденскаго университета за то, что трудами своими они сдѣлали многихъ русскихъ способными съ пользою служить родинѣ. Даже Морковъ понялъ, что слова эти относились къ кн. Куракину, бывшему слушателемъ лейденскаго университета. Этой несдержанностію великій князь вредилъ самому себѣ въ глазахъ матери и ухудшалъ положеніе Куракина. Подъ такими впечатлѣніями великій князь черезъ Франкфуртъ прибылъ 21 іюня въ Монбельяръ, гдѣ его ожидала вся германская семья Маріи Ѳеодоровны. Родственная, чуждая этикета обстановка благодѣтельно подѣйствовала на Павла. По собственому признанію, онъ «наслаждался здѣсь спокойствіемъ духа и тѣла». «Мы уже восемь дней живемъ въ семейномъ своемъ кругу», писалъ онъ Румянцову: «это совсѣмъ новое для меня чувство, тѣмъ болѣе для меня сладкое, что оно имѣетъ своимъ источникомъ сердце, а не умъ».

Проживъ мѣсяцъ въ Монбельярѣ, великокняжеская чета спѣшила уже возвратиться въ Россію. Посѣтивъ на короткое время Швейцарію, она черезъ Штутгартъ вновь пріѣхала въ Вѣну, гдѣ по-прежнему радушно встрѣчена была Іосифомъ, который такимъ образомъ имѣлъ возможность скорѣе другихъ оцѣнить вліяніе заграничной поѣздки на цесаревича и его супругу. «Думаю, что не ошибусь», писалъ Іосифъ Екатеринѣ при отъѣздѣ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны изъ Вѣны, «что они возвратятся къ вамъ въ гораздо болѣе благопріятномъ настроеніи и что недовѣріе, подозрительность и склонность къ разнымъ мелочнымъ средствамъ исчезнутъ у нихъ, на сколько то допустятъ прежнія привычки и окружающія ихъ лица, которыя, вѣроятно, одни только и вселяли эти чувства и наклонности. Удачный выборъ окружающихъ лицъ и удаленіе людей несоотвѣтствующаго образа мыслей представляются мнѣ существенно необходимыми для спокойствія и для семейнаго и личнаго благополучія трехъ особъ, къ которымъ я питаю искреннюю привязанность». Съ своей стороны Павелъ вынесъ изъ путешествія болѣе спокойный, разносторонній взглядъ на вещи. «Если чему обучило меня путешествіе», писалъ онъ Платону,—«то тому, чтобы въ терпѣніи искать отраду во всѣхъ случаяхъ... и въ спокойномъ взираніи на тѣ вещи, которыхъ мы собою исправить не можемъ, а имѣющихъ свое начало въ слабостяхъ человѣчества, повсюду и во всѣхъ земляхъ, разнствуя модусами, существующихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ».

20 ноября великокняжеская чета возвратилась наконецъ въ Петербургъ. Екатерина встрѣтила ихъ повидимому дружески: она довольна была въ общемъ политическими результатами ихъ путешествія, такъ какъ союзъ съ Австріею былъ упроченъ и всего лишь за два мѣсяца до ихъ возвращенія, при косвенномъ содѣйствіи Австріи, русскія войска заняли Крымъ. Но личныя отношенія между матерью и сыномъ не улучшились, въ особенности послѣ дѣла Бибикова. Екатерина исполнила совѣтъ Іосифа: Бибиковъ сосланъ былъ въ Астрахань, Куракинъ—въ свою деревню въ Саратовской губерніи; гр. Никита Панинъ, въ то время лежавшій на смертномъ одрѣ, былъ въ опалѣ, и великій князь, навѣстивъ его на другой-же день послѣ пріѣзда, послѣ того не смѣлъ заглядывать къ нему цѣлыхъ четыре мѣсяца. Лишь за нѣсколько дней до смерти Панина великокняжеская чета «пришла въ несказанную чувствительность», говоря о немъ, и въ тотъ-же вечеръ отправилась къ нему, чѣмъ чрезвычайно его обрадовала. Послѣднія силы и минуты свои старый воспитатель Павла посвятилъ на то, чтобы продиктовать для него Фонвизину свое политическое завѣщаніе, но работа эта была прервана смертью Панина 31 марта 1784 г. Павелъ былъ чрезвычайно огорченъ смертью Панина, при кончинѣ котораго онъ присутствовалъ: съ нимъ онъ лишался единственнаго авторитетнаго друга и совѣтника. Тогда же завѣдывать его дворомъ поручено было графу В. П. Мусину-Пушкину, смѣнившему Н. И. Салтыкова, который назначенъ былъ воспитателемъ Александра и Константина Павловичей.

Послѣ смерти Панина Екатерина, кажется, надѣялась нѣкоторое время на измѣ-

ненie образа мыслей Павла въ благопрiятномъ для себя смыслѣ; однажды, 12 мая 1783 г., она завела съ нимъ такую откровенную бесѣду о занятiи Крыма и о польскихъ дѣлахъ, что самъ Павелъ, записавъ этотъ разговоръ, сдѣлалъ замѣчанiе: «довѣренность мнѣ многоцѣнна, первая и удивительная». Кажется, однако, что она была и послѣдняя въ этомъ родѣ, потому что, извѣдавъ мысли сына, Екатерина замѣтила однажды: «мнѣ больно было-бы, если-бы моя смерть, подобно смерти императрицы Елизаветы, послужила знакомъ измѣненiя всей системы русской политики». Къ этому именно времени относится возникновенie первыхъ слуховъ о намѣренiи императрицы лишить Павла Петровича престола въ пользу старшаго его сына Александра.

6 августа 1783 г. Екатерина подарила Павлу Петровичу великолѣпную мызу Гатчину, принадлежавшую прежде Г. Г. Орлову. Съ этого времени начинается новый, гатчинскiй перiодъ жизни великаго князя, когда онъ, постоянно удаляемый отъ дѣлъ правленiя и удаляясь самъ отъ матери и отъ большого екатерининскаго двора, замыкается постепенно самъ въ себѣ, предаваясь, въ качествѣ «гатчинскаго помѣщика», хозяйственной и благотворительной дѣятельности, а также излюбленнымъ своимъ военнымъ занятiямъ. Переписка его, относящаяся къ этоту перiоду его жизни, ясно свидѣтельствуетъ о мрачномъ, безнадежномъ взглядѣ его на свое положенie. «Я по убѣжденiю считаю лучшимъ молчать», сообщалъ онъ Сакену 8 iюня 1783 г., а 12 января 1784 г. ему-же съ горечью писалъ: «часто все мое влiянie, которымъ я могу похвалиться, состоитъ въ томъ, что мнѣ стоитъ только упомянуть о комъ-нибудь или о чемъ-нибудь, чтобы повредить имъ»; наконецъ, весною 1784 г., возражая противъ слуховъ о новомъ своемъ путешествiи за границу, Павелъ замѣтилъ саркастически: «это, вѣроятно, путешествie in partibus infidelium; я не вижу ни необходимости въ немъ, ни его возможности, развѣ что это будетъ путешествie въ Индiю или на острова для моего исправленiя». Къ матери онъ обращался съ просьбами только по вопросамъ, касавшимся интересовъ многочисленной нѣмецкой родни Марiи Θеодоровны и воспитанiя своихъ дѣтей. Это отчужденное положенie, оскорбительное для самолюбiя цесаревича, жаждавшаго дѣятельности и желавшаго быть полезнымъ отечеству, вызывали въ немъ раздраженie, которое, не проявляясь наружу, уходило въ глубь души Павла, становилось интенсивнѣе, и Павелъ Петровичъ постепенно превращался въ задумчиваго, угрюмаго, желчно настроеннаго человѣка. «Мнѣ вотъ ужъ 30 лѣтъ», писалъ великiй князь Павелъ Румянцеву въ 1784 г., «а я ничѣмъ не занятъ... Спокойствie мое, увѣряю васъ, вовсе не зависитъ отъ окружающей меня обстановки, но оно покоится на чистой моей совѣсти, на сознанiи, что существуютъ блага, не подлежащiя дѣйствiю никакого земного могущества, и къ нимъ-то и должно стремиться. Это служитъ для меня утѣшенiемъ во многихъ непрiятностяхъ и ставитъ меня выше ихъ; это прiучаетъ меня къ терпѣнiю, которое многie считаютъ за признакъ угрюмости въ моемъ характерѣ. Что касается до моего поведенiя, то вы знаете, что я стремлюсь согласовать его съ нравственными моими понятiями, и что я не могу ничего дѣлать противнаго моей совѣсти». Но постоянное упражненie Павла въ терпѣнiи, сдержанности, должно было самымъ невыгоднымъ образомъ отразиться на характерѣ его психической дѣятельности, тѣмъ болѣе, что обязанности цесаревича къ отечеству, своеобразно имъ понимаемыя, находились въ полномъ противорѣчiи съ обязанностями его по отношенiю къ матери. Всегда глубоко религiозный, Павелъ искалъ утѣшенiя въ религiи. Онъ часто молился, стоя на колѣняхъ и обливаясь слезами. Графъ Никита Панинъ, бывшiй членомъ многихъ масонскихъ ложъ, ввелъ и своего воспитанника, посредствомъ кн. Куракина, въ масонскiй кругъ, и мало-по малу чтенie масонскихъ, мистическихъ книгъ сдѣлалось любимымъ чтенiемъ Павла Петровича. Панинъ умеръ, Куракинъ былъ въ опалѣ, но въ порѣдѣвшемъ кружкѣ своихъ приближенныхъ Павелъ нашелъ новыхъ друзей, отвѣчавшихъ его настроенiю: то былъ капитанъ-лейтенантъ Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, масонъ, руководившiй его религiозными упражненiями, и фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова, восторженный, мечтательный умъ которой и прямодушный характеръ мало-по малу подчинили цесаревича своему влiянiю: въ бесѣдахъ съ этими лицами старался великiй князь смягчить волновавшiя его чувства и поддержать душевное свое равновѣсie.

Упражняясь, такимъ образомъ, въ терпѣніи, Павелъ Петровичъ, продолжалъ однако упражняться и въ своихъ обязанностяхъ: по-прежнему внимательно слѣдилъ онъ за ходомъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ Россіи, по-прежнему работалъ въ тиши своего кабинета, составляя проекты въ духѣ, противоположномъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ матери. Помня слова гр. Петра Панина, что «ничего нѣтъ свойственнѣе, какъ хозяину мужескаго пола распоряжать собственно самому и управлять всѣмъ тѣмъ, что защищаетъ, подкрѣпляетъ и сохраняетъ цѣлость какъ его собственной особы, такъ и государства»,— цесаревичъ, подъ предлогомъ очистить окрестности Гатчины и Павловска отъ бѣглыхъ крѣпостныхъ крестьянъ, сформировалъ себѣ небольшой отрядъ, который онъ постепенно, благодаря снисходительности Екатерины, съ двухъ командъ, численностью въ 30 человѣкъ каждая, довелъ къ 1788-му году до трехбаталіоннаго состава. Отрядъ этотъ заключалъ въ себѣ элементы всѣхъ войсковыхъ частей, даже конную артиллерію; на гатчинскомъ озерѣ цесаревичъ завелъ у себя даже флотилію, вооруженную пушками. Въ основу военнаго устава положены были инструкціи Фридриха II, войско одѣто было въ прусскую военную форму, дисциплина была введена строгая до жестокости. Вообще Павелъ постарался возродить въ своихъ батальонахъ, долженствовавшихъ, по его мнѣнію, служить образцомъ для всей русской арміи, тѣ самые «обряды неудобоносимые», которые, по словамъ Екатерины, будучи введены Петромъ III, «не токмо храбрости военной не умножили, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ его войскъ». Среди офицеровъ гатчинскихъ войскъ было много нѣмцевъ, а первымъ ихъ командиромъ назначенъ былъ пруссакъ, баронъ Штенвейръ.

Прусскія симпатіи Павла проявились въ то время въ его противодѣйствіи и внѣшней политикѣ Екатерины. Побуждаемый отчасти вліяніемъ супруги своей, великій князь тайно сносился съ Фридрихомъ II и его преемникомъ, содѣйствуя имъ своимъ вліяніемъ въ осуществленіи извѣстнаго проекта союза князей. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Павелъ даже сообщалъ въ Берлинъ тайныя политическія извѣстія, узнавая о нихъ при дворѣ матери, и склонялъ дѣйствовать въ пользу Пруссіи даже русскаго посланника въ Германіи, Румянцева. «Ради Бога», писалъ онъ ему, «не судите никакъ о моемъ поведеніи и предоставьте времени объяснить мои дѣйствія. Я не имѣлъ и не имѣю другой цѣли, какъ только исполнять Божіе завѣты во всемъ томъ, что я дѣлаю и что переношу съ покорностію». Можно предположить, зная образъ мыслей Павла, что онъ не сочувствовалъ завоевательной политикѣ матери, поддерживаемой Австріей, и надѣялся, что Пруссія, опираясь на союзъ князей, явится оплотомъ европейскаго мира. Союзъ съ Австріей Павелъ Петровичъ считалъ невыгоднымъ для Россіи и, согласно со взглядами гр. Панина, предпочиталъ ему «союзы на сѣверѣ съ державами, которыя больше въ насъ нужды, а мѣстничества съ нами имѣть не могутъ».

Военныя и политическія занятія Павла чередовались съ болѣе плодотворной и тихой работой его и какъ гатчинскаго помѣщика, и какъ будущаго преобразователя Россіи. Какъ помѣщикъ, наслѣдникъ престола дѣйствительно могъ служить образцомъ для другихъ. Первыми его дѣйствіями было устройство школы и больницы для жителей Гатчины; затѣмъ онъ выстроилъ на свой счетъ, кромѣ существовавшихъ уже, еще четыре церкви для жителей Гатчины, принадлежавшихъ къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ: православную въ госпиталѣ, общую лютеранскую, римско-католическую и финскую въ Колпинѣ; на свой счетъ онъ содержалъ и духовенство этихъ церквей. Крестьянамъ, у которыхъ хозяйство не по ихъ винѣ приходило въ упадокъ, цесаревичъ помогалъ и денежными ссудами, и прирѣзкой земли; въ то же время, чтобы дать гатчинскимъ крестьянамъ заработокъ въ свободное отъ земледѣльческихъ занятій время, цесаревичъ содѣйствовалъ возникновенію въ Гатчинѣ стекляннаго и фарфороваго завода, суконной фабрики, шляпной мастерской и суконовальни. Всѣ эти дѣйствія Павла Петровича въ его маленькомъ хозяйствѣ были выраженіемъ его взглядовъ и на внутреннее управленіе государствомъ, являвшихся развитіемъ его мыслей, высказанныхъ еще ранѣе въ 1778 г., въ перепискѣ съ Панинымъ. Взгляды эти, рѣзко отличавшіеся отъ взглядовъ современнаго ему общества, онъ изложилъ въ 1787 г., на случай своей смерти, въ особомъ «Наказѣ» своей су-

пругѣ объ управленіи государствомъ. «Крестьянство», писалъ цесаревичъ, «содержитъ собою всѣ прочія части и своими трудами, слѣдственно, особаго уваженія достойно и утвержденія состоянія, не подверженнаго нынѣшнимъ перемѣнамъ его... Надлежитъ уважить состояніе приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, ихъ судьбу перемѣнить и разрѣшить. Не меньшаго частнаго уваженія заслуживаютъ государственные крестьяне, однодворцы и пахотные, которыхъ свято, по ихъ назначеніямъ, оставлять, облегчая ихъ судьбу». Финансовыя предположенія Павла также отличались своею вѣрностію. «Расходы», говорилъ онъ, «должно соразмѣрять по приходамъ и согласовать съ надобностями государственными и для того вѣрно однажды расписать такъ, чтобы никакъ не отягчать земли, и изъ двоякихъ доходовъ: съ земли или промысла, первые держать соразмѣрно возможности съ надобностію, ибо удѣляются отъ имѣній частныхъ лицъ; другіе—поощрять, ибо основаны на трудахъ и прилежаніи, всегдашнихъ средствахъ силы и могущества земли». Тогда же, совмѣстно съ Маріей Ѳеодоровной, цесаревичъ выработалъ основной законъ о престолонаслѣдіи, по праву первородства въ мужской линіи царствующаго дома, «дабы государство не было безъ наслѣдника, дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ; дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать, и дабы сохранить право родовъ въ наслѣдіи, не нарушая права естественнаго и избѣжать затрудненій при переходѣ изъ рода въ родъ». Въ отсутствіи закона о престолонаслѣдіи Павелъ Петровичъ справедливо видѣлъ главную причину и революцій въ Россіи XVIII в., и собственнаго печальнаго положенія.

Въ этой постоянной работѣ, въ этомъ вѣчномъ сравненіи того, что̀ должно было бы быть, съ тѣмъ, что̀ было въ дѣйствительности, протекло слишкомъ четыре года. Характеръ великаго князя начиналъ за это время измѣняться къ худшему: его несдержанность переходила въ запальчивость, гнѣвъ доходилъ до бѣшенства; все рѣже и рѣже напоминалъ онъ собою прежняго веселаго, любезнаго, остроумнаго человѣка, какимъ знали его во время заграничнаго путешествія. Привычка скрывать свои мысли и чувства, таить въ глубинѣ души истинное свое настроеніе, это вѣчное насиліе надъ психической своей природой, — были не по силамъ Павлу: оно разстраивало его нервную систему, и достаточно было иногда самаго ничтожнаго повода, часто незамѣтнаго для окружающихъ, чтобы онъ проявлялъ истинныя свои чувства тѣмъ рѣзче, чѣмъ тщательнѣе и продолжительнѣе онъ усиливался скрывать ихъ ранѣе. При дворѣ Екатерины и при дворѣ Павла дежурили поочередно одни и тѣ же лица; многія изъ нихъ переносили вѣсти отъ одного двора къ другому, возбуждая подозрительность великаго князя, боявшагося, что онъ окруженъ шпіонами Екатерины или ея фаворитовъ. Единственнымъ утѣшеніемъ для цесаревича была его семейная жизнь: Марія Ѳеодоровна всегда была его вѣрной и любящей супругой. «Тебѣ самой извѣстно», писалъ онъ ей въ 1788 г., «сколь я тебя любилъ и привязанъ былъ. Твоя чистѣйшая душа передъ Богомъ и человѣки стоила не только сего, но почтенія отъ меня и отъ всѣхъ. Ты была мнѣ первою отрадою и подавала лучшіе совѣты». Любовь Маріи Ѳеодоровны къ своей многочисленной германской роднѣ и ея мелочность въ домашнихъ дѣлахъ доставляли, однако, Павлу Петровичу много горькихъ минутъ. За границу шло не мало денегъ Павла на устройство дѣлъ родителей Маріи Ѳеодоровны и ея братьевъ, въ большинствѣ людей мало достойныхъ, а въ Россіи Павелъ Петровичъ долженъ былъ ходатайствовать за нихъ предъ матерью. Въ особенности много хлопотъ доставилъ ему своимъ недостойнымъ поведеніемъ старшій его шуринъ, Фридрихъ, женатый на любимицѣ Екатерины, Зельмирѣ, и бывшій на русской службѣ. Часто Павелъ Петровичъ находился между двухъ огней, отдавая справедливость строгому образу дѣйствій Екатерины по отношенію къ Фридриху и волнуясь просьбами и отчаяніемъ своей супруги. Когда однажды Екатерина прислала ему письмо по этому дѣлу, то Павелъ Петровичъ отказался сообщить его своей супругѣ: «я подданный россійскій» сказалъ онъ, «и сынъ императрицы россійской: что между мною и ею происходитъ, того знать не подобаетъ ни женѣ моей, ни родственникамъ, ниже кому другому».

Семья Павла Петровича увеличилась въ это время четырьмя дочерьми: Александрой (р. 29 іюля 1783 г.), Еленой

(р. 13 декабря 1784 г.), и Екатериной (р. 10 мая 1788 г.). Для воспитанія ихъ избрана была Екатериной вдова генералъ-маіора Шарлотта Карловна Ливенъ, умѣвшая установить добрыя отношенія и къ Маріи Ѳеодоровнѣ. Но въ воспитаніи своихъ сыновей великокняжеская чета попрежнему не могла принимать никакого участія; мало того, собираясь въ 1787 году въ путешествіе въ Крымъ, императрица, вопреки желанію родителей, предполагала взять внучатъ съ собою, и Павелъ Петровичъ вынужденъ былъ по этому близкому для него дѣлу обращаться съ ходатайствомъ даже къ ненавистному для него Потемкину.

Въ 1787 году, съ началомъ второй турецкой войны, Павелъ Петровичъ надѣялся, что ему наконецъ откроется достойное его сана поприще для дѣятельности, и 10 сентября просилъ мать о дозволеніи отправиться въ армію волонтеромъ для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Это намѣреніе Павла Петровича не нравилось Екатеринѣ: она не желала ни создавать затрудненій Потемкину, командовавшему арміей, ни содѣйствовать популярности сына, объ устраненіи котораго отъ престола въ пользу великаго князя Александра Павловича она уже думала въ это время. Подъ всевозможными предлогами императрица или отказывала Павлу въ своемъ разрѣшеніи, или откладывала дѣло въ даль. «Лучше-бы было сказать, что не хотятъ меня пустить, нежели волочить», писалъ онъ въ январѣ 1788 г. въ письмѣ гр. В. П. Мусинъ-Пушкину, которое разрѣшилъ представить государынѣ. Въ письмѣ къ самой императрицѣ Павелъ Петровичъ указывалъ, между прочимъ, на щекотливость своего положенія вслѣдствіе постоянныхъ проволочекъ, такъ какъ въ Европѣ уже сдѣлались извѣстны его приготовленія къ походу. «Касательно предлагаемаго мнѣ вами вопроса, на кого вы похожи въ глазахъ всей Европы», писала Екатерина сыну, «отвѣчать вовсе не трудно: вы будете похожи на человѣка, подчинившагося моей волѣ, исполнившаго мое желаніе и то, о чемъ я настоятельно васъ просила». Лишь въ маѣ мѣсяцѣ 1788 г. Екатерина дала наконецъ Павлу столь желанное для него дозволеніе, но внезапно открывшаяся война со Швеціей направила цесаревича не на югъ, а на сѣверъ, въ финляндскую армію, которою командовалъ гр. В. П. Мусинъ-Пушкинъ, «сей мѣшокъ нерѣшимый», по отзыву самой Екатерины; туда-же направленъ былъ и гатчинскій отрядъ великаго князя. Военныя дѣйствія противъ шведовъ происходили главнымъ образомъ на морѣ, покрывъ славою русскій флотъ и адмираловъ: Чичагова и Грейга; но сухопутныя войска наши, благодаря нерѣшительности гр. Мусина-Пушкина, ограничивались рекогносцировками и аванпостными стычками. Павелъ Петровичъ, разумѣется, не этого ждалъ въ ту минуту, когда шведскія пушки слышны были въ Петербургѣ и когда, по собственному отзыву Павла, уже «лошади готовы были» для отъѣзда двора изъ Петербурга. Готовясь ко всѣмъ случайностямъ войны, онъ оставилъ Маріи Ѳеодоровнѣ свое завѣщаніе, три письма на ея имя, составленный совмѣстно съ ней актъ о престолонаслѣдіи, наказъ объ управленіи государствомъ и письмо къ дѣтямъ. 1 іюля Павелъ Петровичъ прибылъ въ Выборгъ, мечтая о военныхъ трудахъ, и лишь 22 августа ему удалось участвовать въ рекогносцировкѣ шведскихъ укрѣпленій Гекфорса. «Теперь я окрещенъ», съ удовольствіемъ сказалъ Павелъ, заслышавъ свистъ шведскихъ пуль. Но этимъ «крещеніемъ» и ограничилось участіе великаго князя въ военныхъ дѣйствіяхъ: Павелъ не догадывался, что и генералу Кноррингу, состоявшему въ его свитѣ, и самому Мусину-Пушкину даны были Екатериной тайныя предписанія ничего не сообщать цесаревичу о планѣ военныхъ дѣйствій и ходѣ военныхъ операцій: возможно, что императрица боялась, и не безъ основанія, чтобы черезъ Павла не узнавали о положеніи дѣлъ нашихъ пруссаки, также угрожавшіе въ то время войной Россіи. Зато онъ вынесъ дурныя впечатлѣнія объ организаціи русскихъ войскъ, а также о ихъ предводителѣ, съ которымъ у него были постоянныя пререканія, вслѣдствіе «разнообразія ихъ мыслей въ разсужденіи мѣръ, принимаемыхъ къ пораженію шведовъ». Командиръ гатчинскихъ войскъ, капитанъ Штейнверъ, постоянно подогрѣвалъ это раздраженіе безцѣльными, часто неосновательными указаніями и сравненіями гатчинскаго отряда съ финляндской арміей, такъ что Марія Ѳеодоровна и Нелидова вынуждены были писать къ полковнику Вадковскому, пользовавшемуся расположеніемъ Павла и находившемуся въ его свитѣ, убѣждая его успокоить Павла и примирить его съ

Мусинымъ-Пушкинымъ: еще предъ отправленіемъ въ походъ великаго князя, она взяла съ Вадковскаго торжественное обѣщаніе всячески оберегать его отъ послѣдствій его раздражительности и порывовъ мужества и выполнять въ этомъ смыслѣ всѣ наставленія Маріи Θеодоровны, дѣлая при этомъ видъ, будто онъ дѣйствуетъ по собственному побужденію. Марія Θеодоровна сама даже собиралась ѣхать въ Выборгъ для свиданія съ Павломъ и просила у Екатерины разрѣшенія на это путешествіе. Но Екатерина рѣшила уже отозвать сына изъ арміи. Шведы, знавшіе о несочувствіи Павла къ политикѣ его матери, думали, кажется, воспользоваться этимъ, и Карлъ, герцогъ зюдерманландскій, дѣлалъ ему настоятельныя предложенія о личномъ свиданіи. Къ удовольствію Екатерины, Павелъ Петровичъ отклонилъ эти предложенія, но, тѣмъ не менѣе, она нашла неудобнымъ дальнѣйшее пребываніе его на театрѣ военныхъ дѣйствій. 18 сентября Павелъ Петровичъ возвратился въ Петербургъ, жестоко разочарованный, какъ видно изъ шифрованной переписки его за это время съ Маріей Θеодоровной,—итогами своей «службы отечеству», которой онъ такъ страстно желалъ и добивался. Императрица выразила свое неодобреніе этой службѣ, не пожаловавъ цесаревичу ордена св. Георгія и принявъ мѣры къ тому, чтобы пребываніе цесаревича при арміи не получило огласки: не было даже публиковано о выѣздѣ великаго князя изъ Петербурга и о его возвращеніи. Все, вмѣстѣ взятое, сдѣлало участіе Павла Петровича въ шведской войнѣ до того траги-комическимъ въ глазахъ общества, что многіе изъ современниковъ видѣли именно въ Павлѣ того «Горе-богатыря», въ лицѣ котораго Екатерина изобразила въ это время, въ одной изъ своихъ оперъ, короля шведскаго Густава III. Когда вслѣдъ затѣмъ, въ апрѣлѣ 1789 г., при возобновленіи военныхъ дѣйствій противъ шведовъ, Павелъ Петровичъ вновь испрашивалъ у матери приказаній относительно себя, императрица выразила мнѣніе, что война будетъ только оборонительная и еще скучнѣе компаніи 1788 г., и иронически посовѣтовала сыну, «вмѣсто того, чтобы вызвать слезы и горькую печаль, раздѣлить, въ средѣ своего дорогого и любезнаго семейства, радость успѣхами, которыми», какъ она надѣялась, «Всемогущему угодно будетъ благословить наше правое дѣло».

Марія Θеодоровна, дрожавшая за жизнь своего любезнаго супруга, могла, по своей недальновидности, только радоваться такому рѣшенію императрицы; но великій князь ясно увидѣлъ, что никакой службы его отечеству не только не желаютъ, но и не допустятъ, и что его роль хотятъ, какъ бы въ насмѣшку, ограничить лишь семейными обязанностями. Но, тяготясь опекой матери, Павелъ Петровичъ еще менѣе могъ выносить мелочную опеку своей супруги, и, такимъ образомъ, привыкая оберегать своего мужа наперекоръ ему самому разными косвенными средствами, Марія Θеодоровна подвергала опасности существовавшій доселѣ между ними миръ и супружеское согласіе. Состояніе духа великаго князя сдѣлалось еще болѣе тягостнымъ, когда совершилась замѣна фаворита, гр. Мамонова, заносчивымъ гвардейскимъ офицеромъ, Платономъ Зубовымъ, который, какъ истинный выскочка, не всегда показывалъ Павлу Петровичу даже наружные знаки уваженія, должные его сану. Наконецъ разразившаяся въ 1789 г. французская революція произвела въ Павлѣ страшное моральное потрясеніе, оскорбляя въ немъ чувство уваженія къ законности и высокое представленіе о монархической власти, которое онъ воспитывалъ въ себѣ съ юности. Съ 1790 г. Павелъ высказывалъ «примѣтную склонность къ задумчивости», а въ письмахъ не разъ высказывалъ мысль о смерти. Цесаревичъ, говоря словами гр. Петра Панина, «взирая на все съ содроганіемъ сердца, но съ великодушною терпѣливостью, соблюдалъ во всей неприкосновенности заповѣди Божіи, законы естественные и гражданскіе, и не позволялъ себѣ, по тогдашнему своему природію и законами обязательству,—ничего, кромѣ единственнаго раздѣленія наичувствительнѣйшаго прискорбія со всѣми тѣми усерднѣйшими и вѣрнѣйшими дѣтьми отечества, которые, съ похвальною твердостію душъ, не попускали прикасаться къ себѣ никакихъ соблазновъ на государственное уязвленіе, но, пребывая въ безмолвіи, не могли только скрывать отъ него душевныхъ своихъ страданій». Павлу, дѣйствительно, не оставалось ничего болѣе, какъ, выражаясь его словами въ одномъ изъ его писемъ 1791 года, «chercher la consolation chez ses amis, dont le coeur et l'esprit sont au-dessus de leurs tailles».—«Il m'est doux», прибавлялъ онъ, «de pouvoir dire mon petit

mot à leur sujet: c'est leur payer un tribut qui m'est bien cher et satisfaisant».

Къ несчастію для Павла, возлѣ него не было уже въ это время никого изъ «усерднѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ дѣтей отечества», кто бы могъ руководить его государственными занятіями, поддерживать въ немъ ясный взглядъ на окружавшую его обстановку. Графъ Петръ Панинъ сошелъ въ могилу, князь Репнинъ былъ при арміи, всѣ мало-мальски опытные и даровитые люди или сами сторонились великаго князя, зная отношенія къ нему императрицы, или отстраняемы были самимъ цесаревичемъ, который къ людямъ, пользовавшимся его расположеніемъ, нарочно показывалъ видъ холодности, чтобы не навлечь на нихъ гнѣва Екатерины. «Другъ мой», сказалъ однажды Павелъ Мордвинову, обиженному его невниманіемъ къ нему при дворѣ, «никогда не суди меня по наружности. Я удалялся отъ тебя и казался съ тобою холоденъ не безъ причины: видя, какъ милостиво ты былъ принятъ у государыни, я не хотѣлъ помѣшать тебѣ въ почести при большомъ дворѣ». Павла Петровича окружали или люди честные сами по себѣ, но съ узкимъ кругозоромъ и съ мелочными интересами, какъ Вадковскій, Плещеевъ, Лафермьеръ, или придворные интриганы, мечтавшіе выиграть въ своемъ значеніи, разжигая неудовольствіе великаго князя, какъ князь Николай Голицынъ, камергеръ Растопчинъ, или, наконецъ, глубоко преданные Павлу лица, но смотрѣвшіе на его положеніе съ семейной точки зрѣнія, какъ, напримѣръ, его супруга, великая княгиня Марія Ѳеодоровна, и ея наперсница, г-жа Бенкендорфъ. Находясь въ этой обстановкѣ, Павелъ Петровичъ исключительно предался единственно тогда возможному для него дѣлу—обученію состоявшихъ при немъ гатчинскихъ войскъ, и, благодаря этому, постепенно погрузился въ мелочи военнаго дѣла, привязался страстно къ экзерцирмейстерству и военное дѣло сталъ считать важнѣйшимъ для государя дѣломъ. Плодомъ занятій Павла въ этотъ періодъ его жизни было составленіе воинскихъ уставовъ для строевой, гарнизонной и лагерной службы, и тогда-же выработаны были новыя положенія для хозяйственнаго управленія, инструкціи для массы должностныхъ чиновъ арміи: особенное вниманіе обратилъ Павелъ Петровичъ на усовершенствованіе артиллеріи. Въ занятіяхъ этихъ Павелъ Петровичъ сблизился съ новымъ кругомъ людей, сдѣлавшихся впослѣдствіи его ближайшими помощниками; это были мелкіе офицеры, лишенные образованія, неразвитые, не имѣвшіе никакого понятія о государственныхъ задачахъ наслѣдника престола, но зато дѣловитые въ мелкостяхъ военнаго дѣла, точные, исполнительные и, по мнѣнію цесаревича, безусловно ему преданные; такимъ образомъ, выросли въ своемъ значеніи у великаго князя Аракчеевы, Линденеры, Обольяниновы, Кологривовы, Малютины, Каннабихи и др. Въ средѣ этой цесаревичъ постепенно разучался думать, обсуждать, совѣтоваться,—но пріучился цѣнить лишь исполнительность и усердіе, а на всякое представленіе или совѣтъ смотрѣть какъ на ослушаніе. Великій князь какъ-бы хотѣлъ показать, что ему не нужны «умники», а нужны лишь точные исполнители его воли; онъ точно не замѣчалъ, что среди его друзей все меньше и меньше было людей, у которыхъ «le coeur et l'esprit sont au-dessus de leurs tailles». Встрѣчая при большомъ дворѣ родъ пренебреженія къ своей особѣ, великій князь, самъ того не замѣчая, видѣлъ признаки неуваженія къ себѣ и своимъ мнѣніямъ иногда въ самыхъ невинныхъ словахъ и дѣйствіяхъ, гнѣвался и выходилъ изъ себя; тѣмъ спокойнѣе и легче чувствовалъ онъ себя среди гатчинскаго своего отряда, хотя и здѣсь давалъ волю своей запальчивости при чьей-либо малѣйшей оплошности. Умъ и сердце Павла Петровича высказывались все менѣе и менѣе; зато во всей рѣзкости началъ проявляться его темпераментъ, его неуклонная строгость къ соблюденію буквы уставовъ и инструкцій, замѣнявшихъ собою всякое разсужденіе и повсюду устанавливавшихъ однообразіе. Гатчина и Павловскъ приняли видъ военныхъ лагерей, созданныхъ по прусскому образцу, съ заставами, шлагбаумами, казарменными постройками и полуосаднымъ положеніемъ жителей, принужденныхъ даже въ частномъ быту подчиняться лагернымъ порядкамъ жизни. Самъ Павелъ Петровичъ подавалъ примѣръ суровой спартанской жизни: вставая въ 4 часа утра, онъ спѣшилъ на ученіе или маневры войскъ, производилъ осмотры казармъ, предметы хозяйственнаго довольствія войскъ, причемъ никакая неисправность не ускользала отъ его

зоркаго, проницательнаго взгляда; зато въ 10 часовъ вечера городъ уже спалъ: слышались только шаги патрулей и крики часовыхъ. Въ Павлѣ Петровичѣ нашли себѣ совмѣщеніе рыцарскій духъ, французская любезность, благородство души и побужденій,—съ грубымъ прусскимъ солдатствомъ, подавлявшимъ всякое проявленіе изящества, ума и свободы. Суворовъ, представлявшійся около этого времени великому князю, мѣтко охарактеризовалъ его словами: «prince adorable, despote implacable».

На такое настроеніе и образъ мыслей великаго князя много повліяли французскіе эмигранты, бѣжавшіе изъ отечества и въ темныхъ краскахъ изображавшіе событія французской революціи. Ужасы кровавыхъ сценъ, происходившихъ во Франціи, казнь короля и королевы, торжество невѣрія, вся грязь, принадлежащая подонкамъ общества и всплывающая кверху при каждомъ потрясеніи общественнаго организма,—возбуждали нравственныя чувства великаго князя. Разсказы и внушенія эмигрантовъ казались Павлу Петровичу новымъ подтвержденіемъ вѣрности его теорій о необходимости военнаго управленія государствомъ. Растопчинъ, одинъ изъ немногихъ изъ числа лицъ, окружавшихъ Павла, обладавшій умомъ и мѣткимъ словомъ, говоря объ агентѣ французскихъ принцевъ, Эстергази, пророчески писалъ С. Р. Воронцову: «Вы увидите впослѣдствіи, сколько вреда надѣлало пребываніе Эстергази: онъ такъ усердно проповѣдывалъ въ пользу деспотизма и необходимости править желѣзной лозой, что государь наслѣдникъ усвоилъ себѣ эту систему и уже поступаетъ согласно съ нею. Каждый день только и слышно, что о насиліяхъ, о мелочныхъ придиркахъ, которыхъ-бы постыдился всякій частный человѣкъ. Онъ ежеминутно воображаетъ себѣ, что хотятъ ему досадить, что намѣрены осуждать его дѣйствія и проч.». «Великій князь вездѣ видитъ отпрыски революціи», писалъ онъ въ другой разъ; «онъ недавно велѣлъ посадить подъ арестъ четырехъ офицеровъ за то, что у нихъ были нѣсколько короткія косы,—причина, совершенно достаточная для того, чтобы заподозрить въ нихъ революціонное направленіе». Ношеніе круглыхъ шляпъ и фраковъ, допущенныхъ даже при дворѣ Екатерины, было строго воспрещено въ Гатчинѣ и Павловскѣ. Даже въ этомъ отношеніи онъ не сходился въ мнѣніяхъ съ матерью, хотя она также питала къ революціи враждебныя чувства: она вполнѣ разумно и сдержанно относилась и къ эмигрантамъ, и къ тѣмъ средствамъ, которыя могли-бы парализовать дѣйствіе революціонныхъ идей; она оставила воспитателемъ при любимцѣ своемъ Александрѣ Павловичѣ Лагарпа, сочувствіе котораго къ революціи не подлежало сомнѣнію и съ которымъ Павелъ именно за это не хотѣлъ говорить цѣлыхъ три года. Однажды, по словамъ современника, во время первой французской революціи Павелъ Петровичъ читалъ газеты въ кабинетѣ императрицы и выходилъ изъ себя. «Что они все тамъ толкуютъ?» сказалъ онъ: «я тотчасъ-бы все прекратилъ пушками». Государыня возразила на эту выходку: «Vous êtes une bête féroce, если ты не понимаешь, что пушки не могутъ воевать съ идеями. Если ты такъ будешь царствовать, то не долго продлится твое царствованіе». Впрочемъ, озлобленіе Павла противъ французской революціи имѣло ту хорошую для него сторону, что излѣчило его отъ пристрастія къ Пруссіи: къ величайшему его негодованію, прусское правительство, одно изъ первыхъ, вступило въ сдѣлки съ «мятежной» и «развратной» Франціей, преслѣдуя свои частные интересы въ ущербъ «общему дѣлу Европы».

Нервное состояніе великаго князя поддерживалось постоянно несогласіями и въ средѣ собственной семьи, гдѣ прежде онъ встрѣчалъ только сочувствіе и поддержку. По свидѣтельству современниковъ, еще съ 1785 года Павелъ Петровичъ началъ оказывать знаки большого уваженія къ фрейлинѣ своей супруги, Е. И. Нелидовой. Дружба его съ нею была возвышенная и отчасти обоснована была на мистическихъ воззрѣніяхъ ихъ обоихъ. Методичность, размѣренность дѣйствій великой княгини, ея мелочность, умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ, ея мелкіе дипломатическіе пріемы, когда она желала повліять въ извѣстномъ смыслѣ на своего супруга,—все это не нравилось Павлу; наоборотъ, рѣзкость характера Нелидовой, искренность ея мыслей и чувствъ, безусловная къ нему преданность, чистота побужденій, — все это находило себѣ отголосокъ въ рыцарской душѣ цесаревича, желавшаго знать правду и умѣвшаго цѣнить ее. Уже въ 1788 г.

онъ такъ привязался къ Екатеринѣ Ивановнѣ, что, отправляясь въ походъ противъ шведовъ, оставилъ ей многознаменательную записку: «Знайте, что умирая буду думать о васъ». Нелидова выдѣлялась среди другихъ женщинъ великокняжескаго двора своимъ умомъ, граціей и сценическими талантами, но была некрасива лицомъ, и отношенія къ ней Павла Петровича долгое время не возбуждали никакихъ видимыхъ опасеній Маріи Θеодоровны. Но, начиная съ 1790 г., дружба Павла Петровича съ Нелидовой, подъ вліяніемъ грустнаго его настроенія, сдѣлалась особенно тѣсною, такъ что Марія Θеодоровна чувствовала себя какъ бы лишней при ихъ бесѣдахъ, въ ихъ присутствіи; несдержанность Павла Петровича давала этой дружбѣ видъ невниманія къ его супругѣ. Великая княгиня, крайне чуткая ко всему, что могло оскорблять ея самолюбіе, и побуждаемая другомъ своимъ, г-жей Бенкендорфъ, въ свою очередь, стала выражать свое презрѣніе къ Нелидовой и дала почувствовать свое неудовольствіе и Павлу Петровичу. Тогда цесаревичъ рѣшительно принялъ сторону фрейлины, обиженной ради него, и затѣмъ потянулся нескончаемый рядъ семейныхъ сценъ и непріятностей. Дворъ великокняжской четы раздѣлился на партіи: болѣе благоразумные, какъ, напримѣръ, князь Куракинъ, Растопчинъ и Николаи, умѣли сохранить дружбу обѣихъ сторонъ, но друзья Маріи Θеодоровны: Панинъ, Лафермьеръ, Плещеевъ, чета Бенкендорфовъ, одни за другимъ, были удалены отъ двора Павломъ Петровичемъ, вокругъ котораго сгруппировались всѣ лица, желавшія въ торжествѣ Нелидовой видѣть упадокъ вліянія Маріи Θеодоровны и нѣмецкой партіи: кн. Николай Голицынъ, Вадковскій, А. Л. Нарышкинъ и др.; тогда-же стала выростать въ своемъ значеніи и фигура великокняжескаго брадобрея, плѣннаго турченка, Ивана Кутайсова, хорошо изучившаго всѣ слабыя стороны своего господина и умѣвшаго направлять его мысли сообразно личнымъ своимъ выгодамъ. Сумрачный цесаревичъ даже въ средѣ семьи сдѣлался суровъ и подозрителенъ до такой степени, что никто не могъ поручиться за себя на завтрашній день: запальчивость и рѣзкость Павла Петровича не знала предѣловъ, когда ему казалось, что ему не повинуются или осуждаютъ его дѣйствія. Дѣло дошло до того, что стали, по его приказанію, задерживать переписку Маріи Θеодоровны. Марія Θеодоровна, глубоко оскорбленная въ супружескихъ своихъ чувствахъ, еще болѣе содѣйствовала семейному разладу, обратившись, по удаленіи г-жи Бенкендорфъ, съ жалобой къ императрицѣ. Когда по этому поводу Екатерина призвала къ себѣ Павла Петровича и выразила ему свое неудовольствіе, онъ, внѣ себя отъ гнѣва, отвѣчалъ ей безъ должнаго уваженія, какъ человѣкъ, который сознаетъ свои права и тяготится чужой опекой. Удалившись затѣмъ въ свои аппартаменты, великій князь далъ почувствовать свой гнѣвъ всѣмъ, кто только приближался къ нему: онъ жаловался, что онъ окруженъ шпіонами и предателями и нѣсколько разъ повторялъ, что ему готовятъ въ будущемъ низверженіе. То же самое повторилъ онъ и Маріи Θеодоровнѣ. Тщетно старые друзья великокняжеской четы хотѣли возстановить нарушенное семейное согласіе, тщетно Плещеевъ въ краснорѣчивомъ письмѣ заклиналъ Павла Петровича измѣнить свое поведеніе. «Человѣку, такъ привязанному къ вашей особѣ, какъ я, государь», писалъ онъ еще въ началѣ исторіи съ Нелидовой, «невозможно безъ крайней горести видѣть, что такая чистота и такія достоинства, какъ ваши, помрачаются нѣкоторыми чисто-внѣшними признаками и такъ мало признаны. Можно-ли быть чище васъ въ глубинѣ души и прямодушнѣе въ своихъ намѣреніяхъ? Отчего-же васъ не знаютъ и такъ сильно относительно васъ ошибаются?... Я не перестану считать васъ виновнымъ по отношенію къ вамъ самимъ въ томъ именно, что вы не согласуете своего внѣшнаго поведенія съ божественными чувствами, которыя наполняютъ все ваше существо,—въ томъ, что вы не доставляете всѣмъ добродѣтельнымъ людямъ и всѣмъ вѣрнымъ вашимъ подданнымъ радости видѣть, какъ вы разрушаете и уничтожаете всѣ ложныя мысли, которыя злобные умы, въ ненависти своей, стараются распространить на вашъ счетъ,—въ томъ, что вы не перестаете давать имъ пищу,—въ томъ, наконецъ, что вы не разрушаете всѣхъ ихъ хитросплетеній, сдѣлавъ явными (безъ тщеславія, но всегда съ присущей вамъ скромностію) тѣ рѣдкія добродѣтели, которыя отличаютъ васъ и ставятъ выше

обыкновенныхъ людей... Безъ крайней скорби нельзя видѣть, какъ самый прямодушный, самый строгій къ своимъ обязанностямъ человѣкъ въ мірѣ, питающій наилучшія намѣренія, даетъ всѣмъ своимъ достоинствамъ видъ, который служитъ къ его обвиненію и ставитъ его наряду съ самыми обыкновенными людьми».

Нелидова не выдержала наконецъ пытки своего положенія и рѣшила удалиться отъ двора въ мѣсто своего воспитанія, въ Смольный институтъ. Первыя ея попытки не удались, благодаря сопротивленію Павла Петровича, но во второй разъ она обратилась съ своей просьбой непосредственно къ императрицѣ и въ сентябрѣ 1793 г. успѣла достигнуть своей цѣли. Но Павелъ Петровичъ уговорилъ ее посѣщать возможно чаще его дворъ въ Петербургѣ и быть постоянной гостьей въ Гатчинѣ и Павловскѣ. Съ другой стороны, и Марія Ѳеодоровна, подарившая своему супругу 11 іюля 1792 г. новую дочь Ольгу, увидѣла необходимость покончить съ семейнымъ разладомъ, примирившись съ Нелидовой для совмѣстнаго воздѣйствія на Павла Петровича, на раздражительность котораго разладъ этотъ имѣлъ самое пагубное вліяніе. «Невозможно безъ содраганія и опасности видѣть, что дѣлаетъ великій князь отецъ», писалъ Ростопчинъ лѣтомъ 1793 г.: «онъ какъ будто изыскиваетъ всѣ средства внушить себѣ нелюбовь. Онъ задался мыслію, что ему оказываютъ неуваженіе и хотятъ пренебрегать имъ. Имѣя при себѣ 4 морскіе батальона въ составѣ 1600 человѣкъ и 3 эскадрона разной конницы, онъ съ этимъ войскомъ думаетъ изобразить собою покойнаго прусскаго короля. По середамъ у него бываютъ маневры, и каждый день онъ присутствуетъ на разводѣ, а также при экзекуціяхъ, когда онѣ случаются. Малѣйшее опозданіе, малѣйшее противорѣчіе, выводятъ его изъ себя. Замѣчательно, что онъ никогда не сознаетъ своихъ ошибокъ и продолжаетъ сердиться на тѣхъ, кого обидѣлъ». Въ особенности проявлялся гнѣвъ Павла Петровича на лицъ, принадлежавшихъ къ большому двору и приближенныхъ къ особѣ императрицы.

Мысль великаго князя, что ему не оказываютъ должнаго уваженія и не хотятъ его оказывать,—была, однако, вполнѣ основательна. Послѣ финляндскаго похода Павла, Екатерина не скрывала своего невниманія къ нему, сосредоточивъ всю свою любовь и надежды на будущее, на сыновьяхъ его, въ особенности на великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ, котораго она сама воспитывала и считала своимъ созданіемъ. Царедворцы Екатерины видѣли ея отношенія къ Павлу и поступали сами сообразно съ этимъ; тысяча мелочей придворной жизни представляли для этого удобные случаи. Раздраженіе великаго князя вызывало новыя оскорбленія его враговъ, явно смѣявшихся надъ его безсильнымъ гнѣвомъ. За большими людьми слѣдовали, по своей низости, и малые: такъ, камергеры, назначенные дежурить при маломъ дворѣ, манкировали своей службой при опальномъ наслѣдникѣ и когда Растопчинъ, принужденный дежурить за своихъ товарищей, написалъ имъ по этому поводу оскорбительное письмо, то былъ уволенъ на время отъ службы по приказанію императрицы. Не избалованный вниманіемъ, Павелъ Петровичъ былъ такъ тронутъ поступкомъ Растопчина, что съ тѣхъ поръ считалъ его самымъ преданнымъ себѣ человѣкомъ, хотя поступокъ Растопчина вызванъ былъ лишь тяжелою необходимостью нести тройную службу за лѣнивыхъ товарищей. Вообще мы не знаемъ случая, когда-бы Екатерина чѣмъ-либо выразила въ послѣднее время своего царствованія какое-либо расположеніе къ своему сыну; напротивъ, она оставляла безъ всякаго вниманія его нужды и наносимыя ему обиды и сама, гдѣ можно было, относилась къ нему рѣзко и пренебрежительно.

Преслѣдованіе Новикова и московскихъ мартинистовъ въ 1791 г. въ значительной степени объясняется боязнью Екатерины, что они, составляя политическую партію, имѣвшую связи съ заграничными иллюминатами, въ то-же время являются приверженцами Павла и могутъ дѣйствовать въ пользу его, какъ масона. Она успокоилась лишь тогда, когда самое тщательное изслѣдованіе дѣла показало, что Павелъ не принималъ никакого участія въ дѣлахъ московскихъ масоновъ, и когда самъ Павелъ съ презрѣніемъ отвергъ, въ письмѣ къ матери, всякія подозрѣнія, назвавъ ихъ «сплетнями передней». Расточая громадныя суммы окружавшимъ ее вельможамъ, Екатерина не баловала деньгами великокняжескую чету; быть можетъ, она считала это излишнимъ потому, что онѣ пошли-бы на воинскія упражненія Павла и

на пособія германскимъ роднымъ Маріи Ѳеодоровны, а думать это она имѣла основанія. Но зато неразумное увлеченіе Павла военными занятіями давало Екатеринѣ постоянный поводъ къ насмѣшкамъ. «По городу носился слухъ», писала она, напримѣръ, Салтыкову, «что великій князь къ морскому батальону не токмо прибавляетъ нѣсколько сотъ, но что онъ еще формируетъ на Острову (Каменномъ) полкъ гусаръ и нѣсколько полковъ казаковъ. Всѣ сіи слухи въ народѣ подаютъ причину къ различнымъ толкамъ, и буде ребячества пресѣчь можно, то бы что скорѣе, то лучше, а сказать бы, что въ Гатчинѣ въ куклы играть можно безъ излишнихъ толковъ, но въ близости города все подвержено различнымъ толкованіямъ, а полезныхъ нѣтъ ни одной (sic). Тутъ первое, что батушкина армія представляется». Съ своей стороны цесаревичъ извѣщалъ Екатерину, что онъ «привыкъ къ шиканамъ». При такихъ отношеніяхъ естественно было матери и сыну видѣться какъ можно рѣже, и дѣйствительно Павелъ жилъ въ Петербургѣ сравнительно весьма мало, пріѣзжая туда обыкновенно къ 24 ноября, дню тезоименитства Екатерины, и уѣзжая уже въ началѣ февраля; да и во время пребыванія въ Зимнемъ дворцѣ онъ часто уклонялся отъ оффиціальныхъ праздниковъ и встрѣчъ съ императрицей. «Великій князь прислалъ сказать», писала однажды Екатерина Салтыкову, «что у него лихорадка и что онъ въ постели лежитъ. Я-бы желала знать, что о семъ докторы говорятъ. Буде знаете, прошу мнѣ сказать».

Главнымъ пунктомъ раздора между Екатериной и великокняжеской четой были однако дѣти и, главнымъ образомъ, великій князь Александръ Павловичъ. Изъ писемъ императрицы къ Гримму ясно, что объявленіе Александра наслѣдникомъ престола предположено было сдѣлать вслѣдъ за его женитьбою. Этимъ отчасти объясняется ранній бракъ Александра на принцессѣ баденской Луизѣ, въ православіи Елисаветѣ Алексѣевнѣ, устроенный Екатериной помимо согласія родителей и совершенный 28 сентября 1793 г. Но для исполненія этого плана нужно было, прежде всего, заручиться согласіемъ самого Александра Павловича, не возбуждая его сыновнихъ чувствъ. Два лица имѣли на него вліяніе: воспитатель его, гр. Салтыковъ, и наставникъ Лагарпъ; къ ихъ содѣйствію и обратилась императрица. Салтыковъ, какъ всегда, дѣйствовалъ уклончиво, выпутываясь изъ дворскихъ затрудненій, а Лагарпъ даже не допустилъ императрицу высказать ея планъ, успѣвъ дать ей понять въ теченіе двухчасового разговора, что онъ вовсе не сочувствуетъ этой насильственной мѣрѣ; мало того, онъ сталъ прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы поселить добрыя отношенія между отцомъ и сыномъ. Повліявъ въ этомъ отношеніи на своего воспитанника, Лагарпъ всячески заботился о томъ, чтобы добиться аудіенціи у Павла и предостеречь его. Безъ сомнѣнія, Екатерина замѣтила противодѣйствіе Лагарпа ея намѣреніямъ, уволивъ его неожиданно въ концѣ 1794 г. отъ занятій со своимъ внукомъ. Но Лагарпъ добился своего: предъ отъѣздомъ на родину, въ маѣ 1795 г., онъ успѣлъ представиться Павлу Петровичу въ Гатчинѣ и, не открывая тайны, уговорилъ его измѣнить свое обращеніе съ дѣтьми, разсѣялъ всѣ сомнѣнія, которыя поселили въ немъ относительно привязанности къ нему дѣтей, совѣтовалъ всегда обращаться къ нимъ прямо, а отнюдь не чрезъ третье лицо (должно быть Салтыкова) и т. д. Павелъ Петровичъ обнялъ Лагарпа, съ сердечнымъ изліяніемъ благодарилъ за добрые совѣты, которымъ обѣщалъ слѣдовать, и пригласилъ его остаться на весь день въ Гатчинѣ. Страннымъ, вѣроятно, показалось Павлу видѣть своимъ союзникомъ республиканца, оказавшагося его единственнымъ защитникомъ въ такомъ важномъ для его будущности дѣлѣ. Послѣдствіемъ стараній Лагарпа было то, что съ весны 1795 г., вмѣсто одного раза въ недѣлю, великій князь Александръ, съ братомъ своимъ Константиномъ, стали ѣздить къ родителямъ въ Гатчину и Павловскъ четыре раза и занимались тамъ маневрами, ученьями и парадами; въ слѣдующемъ-же 1796 г. фронтовыя занятія великаго князя Александра Павловича, такъ расширились, что онъ ѣздилъ туда ежедневно, не исключая и праздниковъ, выѣзжая туда въ 6 часовъ утра и возвращаясь въ Царское Село не ранѣе перваго часа дня, а часто ѣздилъ къ родителямъ и послѣ обѣда. Мало-по-малу братья вошли во вкусъ мелочей военной службы, отъ которыхъ ранѣе оберегала ихъ бабушка, и стали теплѣе относиться къ отцу, особенно Константинъ, со страстью

предавшійся изученію фронтоваго дѣла. Павелъ Петровичъ, съ своей стороны, дружески обращался съ дѣтьми, внушая имъ свои воззрѣнія, но легко было замѣтить, что искренній, порывистый Павелъ не вполнѣ довѣрялъ уклончивому характеру Александра и видѣлъ въ немъ любимца Екатерины и воспитанника Лагарпа. Недовѣріе это отчасти было не безосновательно...

Какъ бы то ни было, но 1795 г. и первая половина 1796 г. протекла для Павла въ счастливыхъ сравнительно семейныхъ условіяхъ. Великокняжеская чета опечалена была только кончиною великой княжны Ольги Павловны, 15 января 1795 г., но 7 января она была обрадована рожденіемъ великой княжны Анны Павловны; 15 февраля 1796 г., не имѣя еще 17 лѣтъ, великій князь Константинъ Павловичъ вступилъ въ супружество съ 15 лѣтней принцессой саксенъ-кобургской Юліаной Генріеттой, нареченной Анной Θеодоровной; наконецъ 25 іюня 1796 года родился сынъ Николай. Императрица Екатерина принимала живое участіе во всѣхъ этихъ семейныхъ радостяхъ великокняжеской четы, но, естественно, не могла сочувствовать сближенію Александра Павловича съ родителями, такъ какъ сближеніе это уничтожало всѣ ея планы. Поэтому она увидѣла необходимость прибѣгнуть къ содѣйствію великой княгини Маріи Θеодоровны, и поэтому тотчасъ послѣ крещенія Николая Павловича въ Царскомъ Селѣ, когда великій князь-отецъ уѣхалъ въ Павловскъ, она передала великой княгинѣ бумагу, въ которой предлагала ей потребовать отъ Павла Петровича отреченія отъ своихъ правъ на престолъ въ пользу великаго князя Александра Павловича; вмѣстѣ съ тѣмъ, она настаивала на томъ, чтобы Марія Θеодоровна скрѣпила своею подписью эту бумагу, какъ удостовѣреніе ея собственнаго согласія на ожидаемый актъ отреченія. Марія Θеодоровна наотрѣзъ отказалась исполнить желаніе Екатерины и, скрывъ ея предложенія отъ своего супруга, поспѣшила условиться съ Александромъ Павловичемъ о дальнѣйшемъ планѣ дѣйствій противъ настойчивыхъ домогательствъ императрицы.

Такимъ образомъ планъ Екатерины казался да и былъ въ дѣйствительности неосуществимымъ: содѣйствовать ему уклонились послѣдовательно и Салтыковъ, и Лагарпъ, и Марія Θеодоровна; даже то лицо, въ пользу котораго онъ былъ составленъ, ничѣмъ не выражало желанія идти наперекоръ чувствамъ и правамъ отца. Императрица, однако, была убѣждена въ неспособности Павла къ управленію имперіей и рѣшила не отступать отъ своего намѣренія. Но въ это самое время императрица занята была другимъ важнымъ семейнымъ дѣломъ—сватовствомъ шведскаго короля Густава IV на великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ. Вопросъ о вѣроисповѣданіи будущей шведской королевы и упрямство Густава внезапно разстроили дѣло казавшееся поконченнымъ: въ тотъ моментъ, когда императрица ожидала Густава на придворномъ балу, на которомъ должна была быть объявлена его помолвка съ великой княжной, — Густавъ отказался подписать брачный договоръ. Оскорбленная въ своемъ достоинствѣ Екатерина почувствовала легкій ударъ паралича. На слѣдующій день она оправилась и затѣмъ съ достоинствомъ простилась съ Густавомъ, но Павелъ Петровичъ, встрѣтивъ его во дворцѣ, повернулся къ нему спиною и уѣхалъ въ Гатчину, не простившись съ нимъ. Въ его отсутствіе императрица рѣшила покончить наконецъ съ мучившимъ ее дѣломъ о престолонаслѣдіи: она рѣшилась уже 16 сентября объясниться съ самимъ Александромъ Павловичемъ и выяснить ему необходимость устраненія его отца отъ престола. Александръ выразилъ бабушкѣ свое согласіе, но уже 23 сентября написалъ Аракчееву письмо, гдѣ именовалъ отца «императорскимъ величествомъ».

Чѣмъ-бы ни кончилось это печальное дѣло о престолонаслѣдіи, можно сказать утвердительно только одно, что настойчивость императрицы могла-бы въ концѣ концовъ поставить Павла Петровича въ тяжелое положеніе: ходили слухи, что 1 января 1797 г. будетъ обнародованъ весьма важный манифестъ и что самъ Павелъ Петровичъ будетъ арестованъ и отправленъ въ заключеніе въ замокъ Лоде...

Трудно сказать, какія чувства при такихъ слухахъ волновали Павла Петровича въ это время и спокойно-ли жилось ему въ Гатчинѣ. Осенью 1796 года, 5 ноября, онъ обѣдалъ съ Маріей Θеодоровной и приближенными ему лицами на гатчинской мельницѣ, когда внезапно явился туда изъ Гатчины арендаторъ ея, Штакеншнейдеръ, и, найдя у себя великаго

князя, сообщилъ ему, что въ Гатчину явился курьеръ съ извѣстіемъ о тяжкой болѣзни императрицы Екатерины.

Прибывъ въ Гатчину, Павелъ Петровичъ нашелъ тамъ графа Николая Зубова, присланнаго братомъ его, кн. Платономъ, къ наслѣднику съ извѣстіемъ объ апоплексическомъ ударѣ, постигшемъ императрицу. «Зубовъ, увидя наслѣдника» говоритъ современникъ, не шелъ, а бѣжалъ къ нему съ открытой головою, палъ предъ нимъ на колѣна и донесъ о безнадежномъ состояніи императрицы. Великій князь перемѣняетъ тогда цвѣтъ лица и дѣлается багровымъ; одной рукой поднимаетъ Зубова, а другой ударяетъ себя въ лобъ, восклицаетъ: «какое несчастіе!» и проливаетъ слезы, требуетъ карету, сердится, что не скоро подаютъ, ходитъ быстрыми шагами вдоль и поперекъ бесѣдки, третъ судорожно руки свои, обнимаетъ великую княгиню, Зубова, Кутайсова, и спрашиваетъ самого себя: «Застану ли ее въ живыхъ?» Словомъ, былъ внѣ себя... Опасались, чтобы быстрый переходъ отъ страха къ неожиданности не подѣйствовалъ сильно на его нервы. Кутайсовъ жалѣлъ впослѣдствіи, что не пустилъ великому князю немедленно кровь». Тѣмъ не менѣе, Павелъ, очевидно, не вполнѣ довѣрился и Зубову и поѣхалъ въ Петербургъ лишь тогда, когда явился къ нему нарочный отъ гр. Салтыкова, съумѣвшаго и на этотъ разъ побѣдоносно выйти изъ дворскихъ затрудненій. Въ пятомъ часу пополудни Павелъ Петровичъ, сопровождаемый супругой своей и нѣкоторыми изъ своихъ гатчинцевъ, уже выѣхалъ изъ Гатчины въ Петербургъ. Въ Софіи встрѣтилъ онъ Растопчина, явившагося посланцомъ отъ великаго князя Александра Павловича, и приказалъ ему слѣдовать за собою; кромѣ Растопчина, цесаревича встрѣтили на пути его отъ Гатчины до Петербурга до 25 курьеровъ, всѣ съ однимъ и тѣмъ же извѣстіемъ. «Проѣхавъ Чесменскій дворецъ», разсказываетъ Растопчинъ, «наслѣдникъ вышелъ изъ кареты. Я привлекъ его вниманіе на красоту ночи. Она была самая тихая и свѣтлая; холода было не болѣе 3°; луна то показывалась изъ-за облаковъ, то опять за оныя скрывалась. Стихіи, какъ-бы въ ожиданіи важной перемѣны, пребывали въ молчаніи, и царствовала глубокая тишина. Говоря о погодѣ, я увидѣлъ, что наслѣдникъ устремилъ свой взоръ на луну, и, при полномъ ея сіяніи, могъ я замѣтить, что глаза его наполнились слезами и даже текли слезы по лицу. Съ моей стороны, преисполненъ бывъ важности сего дня, преданъ будучи сердцемъ и душою тому, кто восходилъ на тронъ россійскій, любя отечество и представляя себѣ сильно всѣ послѣдствія, всю важность перваго шага, всякое онаго вліяніе на чувство преисполненнаго здоровьемъ, пылкостью и необычайнымъ воображеніемъ самовластнаго монарха, отвыкшаго владѣть собою, я не могъ воздержаться отъ повелительнаго движенія и, забывъ разстояніе между нимъ и мною, схватя его за руку, сказалъ: «Ah, Monseigneur, quel moment pour Vous!» На это онъ отвѣчалъ, пожавъ крѣпко мою руку: «Attendez, mon cher, attendez! J'ai vécu quarante deux ans. Dieu m'a soutenu; peut-être donnera-t-Il la force et la raison pour supporter l'état auquel Il me destine. Espérons tout de Sa bonté!»

Въ Петербургъ великокняжеская чета прибыла въ $8^{1}/_{2}$ часовъ вечера. Въ Зимнемъ дворцѣ собравшіеся придворные и высшія правительственныя лица встрѣтили Павла уже какъ государя, а не наслѣдника. Примѣръ для всѣхъ подали великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, явившіеся къ отцу въ гатчинскихъ своихъ мундирахъ, въ которыхъ прежде они не смѣли показываться при дворѣ Екатерины.

Есть основанія думать, что тотчасъ послѣ апоплексическаго удара, постигшаго императрицу, была сдѣлана попытка помѣшать вступленію Павла на престолъ и осуществить волю Екатерины о назначеніи ей преемникомъ любимаго внука ея, великаго князя Александра Павловича. О безнадежномъ положеніи государыни во дворцѣ знали уже достовѣрно въ 10 часовъ утра 5-го ноября, а къ великому князю Павлу Петровичу посланъ былъ съ извѣстіемъ о томъ графъ Николай Зубовъ лишь въ 12 часовъ дня. Невольно возникаетъ вопросъ, чѣмъ занимались въ этотъ промежутокъ времени приближенныя къ угасающей императрицѣ высшія придворныя и правительственныя лица. Будущность имперіи должна была, прежде всего, остановить на себѣ ихъ вниманіе. Всѣмъ имъ извѣстна была воля Екатерины о престолонаслѣдіи, а нѣко-

рые изъ нихъ, напр., Зубовы, не могли не знать и о существовавшемъ письменномъ согласіи великаго князя Александра исполнить желаніе бабушки. При такихъ условіяхъ вопросъ о престолонаслѣдіи между собравшимися въ Зимній дворецъ высшими государственными сановниками долженъ былъ подняться самъ собою: всѣ чувствовали себя скомпрометированными въ глазахъ законнаго наслѣдника престола и могли бояться поставить въ ложное положеніе и великаго князя Александра Павловича. Изъ разсказовъ нѣкоторыхъ современниковъ можно догадываться, что частное совѣщаніе вельможъ по этому дѣлу дѣйствительно происходило, что въ немъ участвовали братья Зубовы: Платонъ и Николай, гр. Безбородко, гр. Николай Салтыковъ, генералъ-прокуроръ Самойловъ, гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій, а также митрополитъ Гавріилъ, приглашенный для напутствія государыни Св. Тайнами, и что великій князь Александръ Павловичъ, призванный Салтыковымъ, не только отказался принять на себя бремя правленія, но, руководимый тѣмъ-же Салтыковымъ, воздержался послѣдовать первому движенію своей души—спѣшить къ умиравшей бабушкѣ, а, прежде всего, отправилъ отъ себя къ отцу съ извѣстіемъ о ея болѣзни Ѳ. В. Растопчина и, въ сопровожденіи супруги своей, великой княгини Елизаветы Алексѣевны, прослѣдовалъ къ императрицѣ лишь въ шестомъ часу вечера. Во всякомъ случаѣ, даже заклятые недоброжелатели Павла Петровича, послѣ нѣкотораго размышленія, должны были прійти къ заключенію, что думать объ устраненіи его отъ престолонаслѣдія было возможно лишь при жизни Екатерины. «Но», говоритъ Болотовъ, «даже тогда всѣ трепетали и отъ помышленія одного о томъ, ибо всякій благомыслящій сынъ отечества легко могъ предусматривать, что случай таковой могъ-бы произвесть безчисленныя бѣдствія и подвергнуть всю Россію необозримымъ несчастіямъ, опасностямъ и смутнымъ временамъ и нанесть великій ударъ ея славѣ и блаженству, и потому чистосердечно радовался и благославлялъ судьбу, что сего не совершилось, а вступилъ на престолъ законный наслѣдникъ, и вступленіе сіе не обагрено было ни кровью, ни ознаменовано жестокостью, а произошло мирно, тихо и съ сохраненіемъ всего народнаго спокойствія. Всѣ радовались потому и не сомнѣвались уже въ томъ, что помянутая молва (о нежеланіи императрицы оставить престолъ своему сыну) была пустая».

По прибытіи въ Петербургъ, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, прежде всего, отправились къ умиравшей императрицѣ. Видя мать свою лежащей безъ движенія, великій князь отдался, по свидѣтельству современниковъ, глубокой горести: онъ плакалъ, цѣловалъ у нея руки и, вообще, проявлялъ всѣ чувства истинно любящаго сына. Ночь великій князь провелъ въ смежномъ со спальной Екатерины угольномъ кабинетѣ, куда призывалъ всѣхъ, преимущественно гатчинцевъ, съ кѣмъ хотѣлъ разговаривать или кому что-либо приказывалъ, такъ что всѣ эти лица поневолѣ должны были проходить мимо умиравшей государыни. Это была первая неумышленная ошибка Павла Петровича, давшая поводъ его врагамъ обвинять его въ неуваженіи къ матери. Вообще весь дворецъ наполнялся ночью постепенно прибывавшими, по приказанію Павла, гатчинцами, появленіе которыхъ во внутреннихъ комнатахъ дворца возбуждало всеобщее удивленіе придворныхъ, шепотомъ освѣдомлявшихся другъ у друга о «новыхъ остготахъ», дотолѣ невиданныхъ даже въ дворцовыхъ переднихъ.

Когда, около трехъ часовъ утра, великій князь Александръ Павловичъ возвратился наконецъ къ своей супругѣ, великой княгинѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, не видавшей его съ вечера, то видъ гатчинскаго его мундира, котораго великая княгиня никогда не видала на немъ при екатерининскомъ дворѣ и надъ которымъ она постоянно смѣялась, вызвалъ у нея потоки слезъ: ей показалось, что изъ спокойнаго и пріятнаго мѣстопребыванія она внезапно перенесена въ крѣпость.

На слѣдующій день, 6-го ноября, Павелъ Петровичъ распоряжался уже какъ полновластный государь. «На разсвѣтѣ чрезъ 24 часа послѣ удара», разсказываетъ Растопчинъ, «пошелъ наслѣдникъ въ ту комнату, гдѣ лежало тѣло императрицы. Сдѣлавъ вопросъ докторамъ, имѣютъ-ли они надежду, и получивъ въ отвѣтъ, что никакой, онъ приказалъ позвать преосв. Гавріила съ духовенствомъ читать глухую исповѣдь и причастить императрицу Святыхъ Таинъ, что и было исполнено». «Вслѣдъ за тѣмъ», говоритъ придворная

запись, «отдалъ приказаніе оберъ-гофмейстеру гр. Безбородко и генералъ прокурору гр. Самойлову взять императорскую печать, разобрать въ присутствіи ихъ высочествъ, великихъ князей Александра и Константина, всѣ бумаги, которыя находились въ кабинетѣ императрицы, и потомъ запечатавши сложить ихъ въ особое мѣсто. Къ этому приступилъ его высочество самъ, взявъ тетрадь, на которой находилось послѣднее писаніе ея величества, и положивъ ее, не складывая, въ скатерть, уже на этотъ случай приготовленную, куда потомъ положили выбранныя изъ шкафовъ, ящиковъ и т. п. тщательно опорожненныхъ, собственноручныя бумаги, которыя послѣ были перевязаны лентами, завязаны въ скатерть и запечатаны камердинеромъ Ив. Тюльпинымъ въ присутствіи вышеупомянутыхъ высокихъ свидѣтелей». Опечатаны были бумаги, въ присутствіи великаго князя Александра, и у князя Платона Зубова.

Агонія императрицы Екатерины продолжалась послѣ пріѣзда Павла Петровича въ Зимній дворецъ еще сутки. Вечеромъ 6-го ноября, въ три четверти десятаго часа, Великая Екатерина вздохнула въ послѣдній разъ и отошла въ вѣчность. Въ двѣнадцатомъ часу ночи, въ придворной церкви, совершена уже была высшимъ духовенствомъ, всѣми сановниками и придворными чинами присяга на вѣрность императору Павлу Петровичу и его наслѣднику, великому князю Александру Павловичу.

Павелъ Петровичъ — императоръ (1796 — 1801).

Вступленіе на престолъ великаго князя Павла Петровича, послѣ внезапной кончины императрицы Екатерины, для огромнаго большинства русскаго общества того времени было ударомъ грома при ясномъ, безоблачномъ небѣ. Крѣпкое здоровье императрицы не внушало никакихъ опасеній за ближайшее будущее, а долговременное, 34-лѣтнее ея управленіе пріучило всѣхъ къ ровному, естественному теченію государственныхъ дѣлъ, къ извѣстной, строго опредѣленной правительственной системѣ, въ основѣ которой лежали величіе и польза Россіи въ дѣлахъ внѣшнихъ, кротость и попечительность въ дѣлахъ внутреннихъ. Личныя свойства сѣверной Семирамиды, страстная любовь ея къ Россіи, высокое разностороннее образованіе, неустанная дѣятельность не только на государственномъ, но и на литературномъ поприщахъ,—также производили на современниковъ чарующее впечатлѣніе; въ самыхъ слабостяхъ своей государыни они видѣли лишь неизбѣжныя солнечныя пятна, присущія великому всеозаряющему свѣтилу. При вѣсти о кончинѣ «Великой Екатерины» забыты были даже нестроенія послѣднихъ лѣтъ царствованія состарѣвшейся императрицы, приписанныя почти исключительно всемогущему вліянію ея послѣдняго фаворита, Платона Зубова. Въ особенности поражено было дворянство, которое было тогда единственнымъ культурнымъ классомъ русскаго общества и пользовалось поэтому предпочтительнымъ покровительствомъ скончавшейся императрицы, упрочившей его экономическія и сословныя привиллегіи. Нѣсколько поколѣній выросли и воспитались въ царствованіе Екатерины, сходясь въ одномъ чувствѣ къ ней и восторженно повторяя слова гимна того времени:

«Славься, славься симъ, Екатерина,
«Славься, нѣжная къ намъ мать!»

И какъ неожиданно, какъ внезапно все измѣнилось!

Даже враги Екатерины, «врали» и «персональные ея оскорбители», лично ей извѣстные и, несмотря на то, тихо и спокойно проживавшіе въ столицахъ, не замедлили почувствовать значеніе совершившейся перемѣны: всѣми овладѣло смутное опасеніе за будущее, полная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Новаго императора знали весьма мало и, притомъ, главнымъ образомъ, лишь съ невыгодной стороны: молва о его странностяхъ, о его раздражительномъ и своенравномъ характерѣ,—ходила по всей Россіи. Въ придворныхъ кружкахъ объ устраненіи Павла Петровича отъ престола говорили какъ о дѣлѣ весьма возможномъ, а лица, посвященныя императрицей въ ея планы, какъ, напр., братья Зубовы, смотрѣли уже на опальнаго великаго князя, какъ на мертваго человѣка, и часто позволяли себѣ даже и обращаться съ нимъ соотвѣтственно. Образъ мыслей Павла Петровича, его вкусы и наклонности, большинству были вовсе незнакомы: извѣстна была, главнымъ образомъ, только любовь его къ мелочамъ военнаго дѣла и несочувствіе къ системѣ управленія,

принятой его царственной матерью. Поэтому, со вступленіемъ Павла Петровича на престолъ, ожидали суровыхъ наказаній за прошлые поступки, всеобщей перемѣны въ составѣ двора и высшей администраціи и какой-то безпощадной ломки въ организаціи государственнаго управленія, хотя о сущности новыхъ вѣяній въ этомъ отношеніи никто ничего не зналъ навѣрное. Притомъ русское общество XVIII-го вѣка слишкомъ привыкло къ женскому управленію, чтобы сразу освоиться съ мыслію о *государѣ*, а короткое царствованіе Петра III, память котораго сыновне чтилъ новый императоръ, оставило по себѣ много горькихъ воспоминаній...

Но Павелъ Петровичъ вступилъ на престолъ съ искреннимъ желаніемъ добра народу во всемъ его цѣломъ, съ готовыми проектами реформъ, которыя, по его мнѣнію, должны были «исцѣлить» Россію, дать новое направленіе ея политической и государственной жизни. Практическое примѣненіе этихъ реформъ, однако, не могло осуществиться безъ тяжелой борьбы съ прочно установившимися порядками и съ массой лицъ, прямо или косвенно заинтересованныхъ въ сохраненіи ихъ. Разумѣется, что характеръ этой борьбы и возможный исходъ ея зависѣлъ во многомъ отъ личныхъ свойствъ новаго государя, отъ его сдержанности и благоразумія: въ 1778 г., въ перепискѣ своей съ Панинымъ, самъ Павелъ Петровичъ объяснялъ гибель своего отца «стремительностію, можетъ быть, бывшею у него въ характерѣ», и «отъ нея, прибавлялъ Павелъ, дѣлалъ онъ вещи, наводящія дурныя импрессіи, которыя, соединившись съ интригами противъ персоны его, а не самой вещи, погубили его и заведеніямъ его порочный видъ старались дать. Чего интрига не въ состояніи повести, если благоразуміе, осторожность и твердость духа не противостоятъ имъ!» Къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій въ гатчинскій періодъ своей жизни, самъ Павелъ обнаружилъ въ себѣ свойства, не обѣщавшія въ будущемъ ничего хорошаго: помимо крайней нервности и впечатлительности, въ государѣ усилилась чрезвычайно желчная раздражительность, развивавшаяся до бѣшенства и происходившая, вѣроятно, отъ болѣзни печени, которою страдалъ онъ. Кромѣ того, событія послѣднихъ лѣтъ гатчинской жизни сильно отразились на его міросозерцаніи. Идеалъ добраго, всѣми любимаго государя, олицетворявшійся для Павла въ лицѣ Генриха IV, видоизмѣнился подъ вліяніемъ событій французской революціи: французскіе эмигранты убѣдили его, что причиной несчастій Людовика XVI явилось пренебреженіе его къ этикету и что управлять подданными необходимо желѣзнымъ прутомъ, требуя лишь безусловнаго повиновенія. Внушенія эти нашли въ себѣ благодарную почву, потому что распущенность въ управленіи и въ нравахъ Павелъ склоненъ былъ смѣшивать съ «либеральными идеями», а въ излюбленныхъ имъ военныхъ упражненіяхъ увидѣлъ средство постояннымъ «дѣйствіемъ» помѣшать развитію въ войскахъ либерализма, такъ какъ, по его мнѣнію, «праздное положеніе отворяетъ двери къ размышленіямъ часто непріятнымъ». Суровое, даже жестокое соблюденіе дисциплины и порядка казалось Павлу необходимымъ и для того, чтобы обезопасить себя отъ заговоровъ, которыхъ онъ сталъ чрезвычайно бояться послѣ того, какъ желаніе Екатерины устранить его отъ престола указало ему опасность, угрожавшую ему даже въ средѣ собственной его семьи. Боязнь эта, поддерживаемая мелочною подозрительностію, постоянно должна была находить себѣ пищу въ убѣжденіи, что задуманное имъ преобразованіе Россіи встрѣтитъ крайнее неудовольствіе въ правящемъ слоѣ общества—въ дворянскомъ сословіи и во всѣхъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ сановникахъ. «Меня никогда не допустятъ взойти на престолъ», сказалъ онъ незадолго до кончины Екатерины графинѣ Розенбергъ: «на это я не стану разсчитывать; но, если судьба доведетъ меня до этого, не удивляйтесь тому, что̀, какъ вы увидите, я сдѣлаю. Вы знаете мое сердце, но вы не знаете этихъ людей, а я знаю, какъ нужно ими управлять».

Этими побужденіями объясняется крайняя поспѣшность императора Павла перенести гатчинскую свою обстановку въ Зимній дворецъ и въ екатерининскую гвардію. Величавость и блескъ двора Екатерины исчезли какъ бы по мановенію волшебнаго жезла: «повсюду загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки», говоритъ Державинъ, «и, будто по завоеваніи города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ». «Дворецъ какъ будто обратился въ казармы», говоритъ

другой современникъ, князь Голицынъ: «внутренніе бекеты, безпрестанно входящіе и выходящіе офицеры съ повелѣніями, съ приказами, особливо поутру, стукъ ихъ сапоговъ, шпоръ и тростей,— все сіе представляло совсѣмъ новую картину, къ которой мы не привыкли». Комендантомъ дворца назначенъ былъ Аракчеевъ, произведенный въ генералъ-маіоры и занявшій во дворцѣ покои Зубова, а генералъ-адъютантомъ по военной части при императорѣ — Растопчинъ. Вахтъ-парады возведены были на степень государственнаго учрежденія, и приказы государя, отдаваемые при паролѣ, повелѣно было считать за именные указы. Въ день своего восшествія на престолъ, 7 ноября, Павелъ Петровичъ уже былъ на первомъ вахтъ-парадѣ отъ измайловскаго полка, офицеры котораго были уже въ новомъ, гатчинскомъ одѣяніи, а 10 ноября прибыли въ Петербургъ гатчинскія войска. По приказанію императора вся гвардія ожидала ихъ въ строю на Дворцовой площади, какъ будущихъ своихъ просвѣтителей. Государь благодарилъ ихъ за вѣрную службу и затѣмъ распредѣлилъ баталіоны по гвардейскимъ частямъ, при чемъ офицеры вошли въ нихъ чинъ въ чинъ. Этимъ распоряженіемъ Павелъ достигалъ сразу двухъ цѣлей: съ одной стороны, облегчалась скорость устройства гвардіи по новому образцу, а съ другой—въ гвардіи, не имѣвшей причинъ быть довольной новыми порядками, водворялся элементъ, вполнѣ преданный новому государю и чуждый екатерининскимъ гвардейцамъ, смотрѣвшимъ на новыхъ своихъ товарищей свысока, какъ на людей грубыхъ, необразованныхъ и худородныхъ. Вслѣдъ затѣмъ начались перемѣны въ обмундированіи, съ пуклями и косами, по гатчинскому образцу, въ обученіи и въ хозяйственномъ устройствѣ гвардіи, а также въ арміи и во флотѣ. Уже 29 ноября, чрезъ три недѣли по воцареніи Павла, изданы были имъ воинскіе уставы о конной и пѣхотной службѣ, а 25 февраля морской уставъ. Строевая часть и служба въ войскахъ этими уставами опредѣлены были въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ; но, кромѣ того, особыми положеніями и частными повелѣніями государя, и въ другихъ отрасляхъ военнаго дѣла, совершены были крупныя преобразованія. Содержаніе солдатъ было улучшено, а въ хозяйственную часть введена строгая отчетность; устраненъ былъ произволъ частныхъ начальниковъ; для замѣщенія вакансій и для передвиженій въ личномъ составѣ офицеровъ установлены были строгія правила, военно-судная часть также преобразована на новыхъ основаніяхъ; наконецъ, для удобства въ администраціи, вся армія раздѣлена была на 11 дивизій, или округовъ, и 7 инспекцій. Короче, не было ни одной стороны въ военномъ дѣлѣ и военной администраціи, на которую не обратилъ бы вниманія новый императоръ, зорко слѣдившій за каждою мелочью въ примѣненіи новыхъ установленій и лично входившій во всѣ подробности военнаго управленія. Отъ фельдмаршала до солдата — всѣ должны были переучиваться, зажить внезапно нахлынувшей новой жизнію. Возбужденіе, охватившее войско, было тѣмъ сильнѣе, что, на первыхъ же порахъ, всѣ увидѣли послѣдствія небреженія къ тому, что Павелъ называлъ «службой». Послѣдствія эти особенно чувствительны были въ гвардіи, находившейся постоянно предъ глазами государя. «При императрицѣ»,— разсказываетъ Комаровскій, «мы думали только о томъ, чтобы ѣздить въ театры, въ общества, ходили во фракахъ, а теперь съ утра до вечера сидѣли на полковомъ дворѣ и учили насъ всѣхъ, какъ рекрутъ»; гвардейскіе солдаты, занимавшіеся прежде, въ свободное отъ службы время, торговлею, были такъ обременены постоянными ученьями и мелочами въ обмундированіи, что едва имѣли время для сна. И нельзя было не учиться: ежедневно, не смотря ни на какую погоду, императоръ присутствовалъ на вахтъ-парадѣ, и малѣйшія отступленія отъ устава не ускользали отъ его взгляда: тутъ же на мѣстѣ подвергалъ онъ взысканію виновныхъ и, какъ бы въ противовѣсъ этому, поощрялъ усердныхъ. Гвардейцы, однако, сами желали угодить новому своему государю, и чрезъ нѣсколько дней екатерининская гвардія, по крайней мѣрѣ по внѣшности, превратилась въ «гатчинскую».

Петербургъ также принялъ весьма быстро, насколько было возможно, гатчинскую физіономію. Шлагбаумы, мосты, будки, верстовые столбы окрашены были полосами черной и бѣлой краски, опредѣлены были формы одежды, угодной государю, число лошадей въ запряжкѣ, соотвѣтственно чинамъ обывателей, и строго воспрещено ношеніе круглыхъ шляпъ и

фраковъ; тогда же велѣно было, при встрѣчѣ съ императоромъ и императрицею, всѣмъ ѣхавшимъ въ экипажахъ выходить изъ нихъ и отдавать поклонъ, причемъ дамы могли стоять на подножкѣ экипажа. Даже образъ жизни обитателей столицы измѣнился сообразно привычкамъ государя, встававшаго очень рано, въ 5 часовъ утра, а въ 6 часовъ уже принимавшаго сановниковъ съ докладами: въ 10 часовъ вечера въ Петербургѣ уже гасили повсюду огни, и городъ казался вымершимъ. Простота образа жизни, единообразіе, водворялись въ столицѣ, къ радости государя и величайшему неудовольствію жителей, стѣсненныхъ въ своихъ ежедневныхъ привычкахъ.

Павелъ Петровичъ на первыхъ порахъ, однако, ничѣмъ, повидимому, не обнаруживалъ суровости и мелочности своего характера, а также стремленія отомстить за прежнія свои обиды ближайшимъ сотрудникамъ Екатерины. Оставивъ ихъ до времени на занимаемыхъ ими мѣстахъ, онъ отнесся къ нимъ вообще благосклонно, а многихъ, въ томъ числѣ князя Зубова, графа Безбородко, графа Остермана, онъ даже осыпалъ наградами наравнѣ со старыми гатчинскими своими слугами: Аракчеевымъ, Растопчинымъ, Плещеевымъ, Обольяниновымъ, Кутайсовымъ, братьями Куракиными, Кушелевымъ и др. Это былъ, говоря словами Рожерсона, «не дождь, а потопъ всякого рода милостей». Но, само собою разумѣется, екатерининскіе вельможи сами чувствовали невозможность для себя оставаться у дѣлъ правленія при новомъ режимѣ, а Павелъ Петровичъ отнюдь не питалъ къ нимъ довѣрія и стремился окружить себя людьми, себѣ преданными. Еще въ то время, когда Екатерина томилась въ агоніи, онъ вызвалъ въ Петербургъ изъ Литвы князя Репнина, пожаловавъ его въ генералъ-фельдмаршалы, а изъ Москвы князя Александра Куракина, возведеннаго въ чинъ тайнаго совѣтника; вслѣдъ затѣмъ онъ призвалъ, для занятія при себѣ должности секретаря И. В. Лопухина и приглашалъ къ себѣ для совѣщаній по церковнымъ вопросамъ бывшаго своего законоучителя, московскаго митрополита Платона; вспомнилъ Павелъ Петровичъ и просилъ возвратиться ко двору своему и стараго своего друга, проживавшаго въ Смольномъ институтѣ, фрейлину Нелидову. Милости государя простерлись и на лицъ, пострадавшихъ въ предыдущее царствованіе: освобожденъ былъ изъ Шлиссельбургской крѣпости Новиковъ, дозволено было безвыѣздно жить у себя въ деревнѣ Радищеву, сосланному при Екатеринѣ въ Сибирь, и дарована была свобода, вмѣстѣ съ другими польскими плѣнными, Костюшко, которому Павелъ лично объявилъ объ освобожденіи; при этомъ Костюшко пожаловано было 80.000 рублей. Наконецъ повелѣно было освободить всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по тайной экспедиціи, кромѣ повредившихся въ умѣ, о которыхъ «усугубить попеченіе къ возможному ихъ излеченію» также для освобожденія ихъ по выздоровленіи; указано было, вмѣстѣ съ тѣмъ, тайной экспедиціи принять мѣры «къ лучшему и сколь можно спокойнѣйшему содержанію арестантовъ». Всѣ нижніе чины, находившіеся подъ судомъ и подъ слѣдствіемъ, кромѣ обвиненныхъ въ важныхъ преступленіяхъ, также были прощены. Поразительнѣе всего казалась милость Павла къ сыну Екатерины и Орлова—Бобринскому: указомъ 12 ноября 1796 г. ему пожаловано было графское достоинство, а затѣмъ укрѣплены были за нимъ имѣнія, предназначавшіяся ему при Екатеринѣ.

Въ одномъ отношеніи Павелъ Петровичъ остался непоколебимъ и послѣдователенъ—въ желаніи воздать должное памяти своего отца. Князь Ѳедоръ Барятинскій и графъ Алексѣй Орловъ были удалены отъ двора, съ запрещеніемъ въѣзда въ столицы, и, какъ бы въ противовѣсъ, призваны въ Петербургъ и обласканы дряхлые приверженцы Петра III: Гудовичъ, Измайловъ и др.; тогда же повелѣно было московскому главнокомандующему объявить княгинѣ Дашковой, проживавшей въ Москвѣ, «чтобы она, напамятовавъ проишествія, случившіяся въ 1762 г., выѣхала изъ Москвы въ дальнія деревни», и «чтобъ она выѣхала немедленно», прибавлялъ Павелъ. Желаніе воздать праху своего родителя почести, которыхъ онъ лишенъ былъ при своемъ погребеніи, возбудило въ горячей, мистически настроенной головѣ императора мысль устроить какъ бы загробное примиреніе его отца и матери, совершенное сыновней рукой: онъ велѣлъ выкопать прахъ отца изъ могилы, находившейся въ Александро-Невской лаврѣ, возложилъ на него корону и устро-

илъ торжественные совмѣстные отца и матери похороны въ Петропавловскомъ соборѣ; въ процессіи графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій долженъ былъ, по приказанію государя, нести императорскую корону. Похороны эти на всѣхъ современниковъ произвели тяжелое впечатлѣніе: они видѣли и чувствовали въ нихъ оскорбленіе памяти почившей императрицы. Несомнѣнно, однако, что, ознакомившись послѣ смерти Екатерины съ ея бумагами, Павелъ стремился, наоборотъ, выразить этими похоронами чувство, овладѣвшее имъ тогда при мысли, что рѣшеніе печальной судьбы отца зависѣло не отъ воли матери.

Отпечатокъ стремительности и впечатлительности въ характерѣ новаго государя, едва сдерживаемомъ обстоятельствами, нашелъ себѣ полное выраженіе и въ государственной его дѣятельности, въ которой онъ желалъ осуществить идеалъ государя, «для всѣхъ одинаково добраго и справедливаго». Императоръ Павелъ получилъ отъ матери тяжелое наслѣдіе. Злоупотребленія фаворитовъ, безотвѣтственность администраціи, войны съ сосѣдями, финансовыя трудности, вліяніе французской революціи на политику главныхъ европейскихъ державъ,—все это тяготѣло надъ русскимъ народомъ; мудрая его правительница, увѣнчанная славою, но удрученная и горестными вокругъ себя разочарованіями, и годами, начинала терять ту энергію, ту силу, кои знаменовали успѣхами первые годы ея царствованія.

Павелъ Петровичъ ясно понималъ всю трудность своего положенія и необходимость, при такихъ условіяхъ, дѣйствовать твердо и рѣшительно. «По вступленіи нашемъ на всероссійскій императорскій престолъ», свидѣтельствуетъ самъ Павелъ, «входя по долгу нашему въ различныя части государственнаго управленія, при самомъ начальномъ ихъ разсмотрѣніи, увидѣли мы, что хозяйство государственное, не взирая на учиненныя въ разныя времена измѣненія доходовъ, отъ продолженія чрезъ многіе годы безпрерывной войны и отъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ, яко о прошедшихъ, излишнимъ считаю распространяться, подвержено было крайнимъ неудобностямъ. Расходы превышали доходы. Недостатокъ годъ отъ года возрасталъ, умножая долги внутренніе и внѣшніе; къ наполненію же части таковаго недостатка заимствованы были средства, большой вредъ и разстройство за собою влекущія. Въ трудномъ семъ положеніи предпочли мы однако-жъ искать поправленія подобныхъ вредныхъ средствъ и преграды имъ на будущее время, а потомъ уже положить лучшее и достаточнѣйшее основаніе государственному хозяйству». Изъ золъ екатерининскаго царствованія, которыя Павелъ находилъ нужнымъ пресѣчь въ самомъ началѣ, онъ указалъ наиболѣе важныя: «распространеніе военнаго пламени, которое изъ вознамѣреннаго предъ вступленіемъ нашимъ на престолъ содѣйствія большими силами противу французовъ неминуемымъ было бы слѣдствіемъ»; «тягость для подданныхъ нашихъ, уже готовую отъ умноженія арміи, для котораго и наборъ рекрутъ по одному со ста былъ тогда же предписанъ»; «сборъ провіанта и фуража, сопрягавшій съ собою безмѣрное для поселянъ изнуреніе, подвергая ихъ злоупотребленіямъ, которыя въ подобныхъ случаяхъ едва ли какое бдѣніе предостеречь можетъ», «необузданное своевольство, съ каковымъ предназначенныхъ на военную службу людей растаскивали на домашнія услуги, на поселенія въ собственныхъ деревняхъ и на такія употребленія, хотя при войскахъ, кои не для нужды и помощи оныхъ, но для одной прихоти и суетнаго оказательства служили»; своевольство это для Павла было тѣмъ возмутительнѣе, что оно мѣшало облегченію поселянъ «въ пунктѣ самомъ важнѣйшемъ, гдѣ сіи добрые и полезные члены государства жертвуютъ своею собратіею на оборону отечества».

Павелъ спѣшилъ осуществленіемъ своихъ намѣреній. Война съ Персіей была прекращена, и войскамъ, находившимся подъ начальствомъ Валеріана Зубова, приказано было возвратиться въ отечество. Въ то же время, извѣщая дружественные дворы о восшествіи своемъ на престолъ, императоръ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи со всѣми поддерживать добрый миръ и согласіе. «Россія», сказано было въ циркулярной нотѣ канцлера, графа Остермана, «будучи въ безпрерывной войнѣ съ 1756 года, есть поэтому единственная въ свѣтѣ держава, которая находилась 40 лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе. Человѣколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ

пренужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи, послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній. Однако же, хотя россійское войско не будетъ дѣйствовать противъ Франціи по вышеозначенной и необходимой причинѣ, государь, не менѣе затѣмъ, какъ и покойная его родительница, остается въ твердой связи со своими союзниками и чувствуетъ нужду всевозможными мѣрами противиться неистовой французской республикѣ, угрожающей всю Европу совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія». Забывая старыя свои симпатіи къ Пруссіи, императоръ Павелъ выражалъ намѣреніе ни къ ней, ни къ Австріи «не показывать особливаго пристрастія», а, напротивъ, «приличнымъ почитаемъ», писалъ онъ, «руководствоваться въ разсужденіи ихъ свойственнымъ намъ лично и политикѣ нашей безпристрастіемъ». Въ этомъ смыслѣ даны были увѣренія Австріи, боявшейся не столько французской республики, сколько давней своей соперницы въ Германіи, Пруссіи. Давній другъ Павла Петровича, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ II, спѣшилъ поздравить императора со вступленіемъ на престолъ, отправивъ къ нему графа Брюля съ собственноручнымъ дружественнымъ письмомъ. «Я желалъ бы», отвѣчалъ ему Павелъ, «имѣть всегда возможность дѣйствовать по соглашенію съ вашимъ величествомъ. Скажу притомъ, что, будучи врагомъ модныхъ философическихъ системъ, я полагалъ бы заодно съ вами принять мѣры, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшимъ потрясеніямъ и переворотамъ, — только уже не тѣми средствами, которыя возможны были въ самомъ началѣ, а согласно настоящему положенію дѣлъ, т. е. чрезъ водвореніе общаго мира. Этимъ единственно способомъ можно возстановить равновѣсіе». Когда же берлинскій дворъ сообщилъ императору Павлу секретные пункты договора своего съ Франціей объ уступкѣ ей лѣваго берега Рейна и о вознагражденіи Пруссіи, посредствомъ секуляризаціи, духовными германскими владѣніями, то получилъ отъ него совѣтъ отказаться отъ всякихъ посягательствъ на цѣлость германской имперіи. Для возстановленія всеобщаго мира въ Европѣ Павелъ Петровичъ не отклонилъ даже попытокъ Франціи завязать съ нимъ сношеніе черезъ посредство Пруссіи. Всего болѣе поражена была миролюбивыми рѣшеніями новаго императора Англія. Русской эскадрѣ, дѣйствовавшей совмѣстно съ англійскимъ флотомъ, повелѣно было немедленно возвратиться въ Россію. Именно въ это время возмущеніе матросовъ въ англійскомъ флотѣ поставило Англію въ крайне затруднительное положеніе: берега ея открыты были для враждебныхъ дѣйствій голландскаго флота. Русскій посолъ въ Лондонѣ, графъ С. Р. Воронцовъ, по усильной просьбѣ англійскаго правительства, согласился задержать русскую эскадру у береговъ Англіи на три недѣли, въ теченіе которыхъ бунтъ матросовъ былъ подавленъ. Англійскій король благодарилъ императора Павла за спасеніе Англіи въ моментъ величайшей для нея опасности.

Послѣдствія внезапной перемѣны внѣшней политики Россіи со вступленіемъ на престолъ императора Павла ясно доказали, какимъ вліяніемъ пользовалась Россія въ Западной Европѣ въ концѣ царствованія Екатерины. Устраняя себя отъ вмѣшательства въ чужія дѣла и настойчиво преслѣдуя выполненіе историческихъ задачъ своей страны, Екатерина достигла того, что Россія получила преобладающее значеніе среди европейскихъ державъ и ея содѣйствія заискивали одинаково и друзья, и недруги. Мирная политика Павла Петровича могла только укрѣпить это выгодное положеніе Россіи, если бы въ то же время онъ не счелъ нужнымъ объявить себя защитникомъ легитимности въ Европѣ: въ основаніе политической системы Россіи положено было такимъ образомъ новое, крайне шаткое и неопредѣленное начало открывавшее возможность для европейскихъ державъ увлечь императора Павла на путь активнаго вмѣшательства въ дѣла Европы. Вполнѣ яснымъ выраженіемъ симпатій императора къ жертвамъ нарушенія началъ легитимности явились, съ самаго начала, милости его къ французскимъ эмигрантамъ и конвенція, заключенная имъ съ мальтійскимъ орденомъ, 4-го января 1797 года, о принятіи этого ордена подъ его покровительство и о введеніи его въ предѣлахъ Россіи: Павелъ еще съ дѣтства сочувствовалъ рыцарскимъ традиціямъ ордена и въ 1776 г. въ честь его основалъ инвалидный домъ для 50 матросовъ на Каменномъ островѣ; входъ въ этотъ домъ до сихъ поръ осѣненъ мальтійскимъ крестомъ.

Твердое намѣреніе государя соблюдать миръ дало ему увѣренность приступить

къ перемѣнамъ и во внутреннихъ дѣлахъ государства. Нескрываемое желаніе государя искоренить «тунеядцевъ—дворянъ» и облегчить тягости крестьянъ, «сихъ добрыхъ и полезныхъ членовъ государства»,—выразилось немедленно по восшествіи императора на престолъ въ цѣломъ рядѣ его распоряженій. Уже на второй день своего царствованія, 8 ноября, присутствуя на вахтъ-парадѣ, онъ объявилъ слѣдующее повелѣніе: всѣхъ числившихся въ полкахъ, но въ дѣйствительности не исполнявшихъ обязанностей военной службы, какъ то: камергеровъ, камеръ-юнкеровъ и т. п., изъ таковыхъ списковъ исключить, а всѣмъ гвардейскимъ офицерамъ, находившимся въ отпуску, немедленно явиться на службу. Послѣднее повелѣніе государя сообщено было начальникамъ всѣхъ губерній съ препровожденіемъ къ нимъ списковъ офицеровъ, числившихся въ отпуску, съ тѣмъ, чтобы, если въ подвѣдомственныхъ имъ губерніяхъ найдутся такіе офицеры, немедленно ихъ выслать въ Петербургъ. Это распоряженіе, повидимому мелочное, произвело величайшее возбужденіе. «Вездѣ и вездѣ», говоритъ Болотовъ, «слышны были одни только сѣтованія, озабочиванія и горееванія; вездѣ воздыханіе и утираніе слезъ, текущихъ изъ глазъ матерей и сродниковъ: никогда такое множество слезъ повсюду проливаемо не было, какъ въ сіе время. Со всѣмъ тѣмъ повелѣніе государское должно было выполнить... Всѣ большія дороги усѣяны были кибитками скачущихъ гвардейцевъ и матерей, везущихъ на службу и на смотры къ государю своихъ малютокъ. Повсюду скачка и гоньба; повсюду сдѣлалась дороговизна въ наймѣ лошадей и повсюду неудовольствія». Объявлены были и другія распоряженія государя, клонившіяся къ уничтоженію «разврата» дворянъ на службѣ. Ни одинъ дворянинъ не могъ уже вступить въ службу иначе, какъ только нижнимъ чиномъ, а за поведеніемъ и службой въ гвардіи нижнихъ чиновъ изъ дворянъ установленъ былъ строгій надзоръ: если же они, говорилось въ указѣ, «будутъ не прилежны къ службѣ и не вѣжливы, также усмотрятся во фракахъ одѣтыми и дѣлать шалости по городу, то будутъ выписаны въ солдаты въ полевые полки».

10 ноября именнымъ указомъ отмѣненъ былъ чрезвычайный рекрутскій наборъ по 10 человѣкъ съ тысячи, объявленный незадолго до кончины Екатерины II. «Нельзя изобразить», говоритъ тотъ же Болотовъ, «какое пріятное дѣйствіе произвелъ сей благодѣтельный указъ во всемъ государствѣ,—и сколько слезъ и вздоховъ благодарности выпущено изъ очей и сердецъ многихъ милліоновъ обитателей Россіи. Все государство и всѣ концы и предѣлы онаго были имъ обрадованы, и повсюду слышны были единыя только пожеланія всѣхъ благъ новому государю». Затѣмъ 27 ноября «людямъ, ищущимъ вольности», предоставлено было право аппеллировать на рѣшенія присутственныхъ мѣстъ, а 10 декабря послѣдовала отмѣна хлѣбной подати, крайне тягостной и разорительной для крестьянъ, вслѣдствіе притѣсненій и злоупотребленій администраціи: взамѣнъ ея установленъ былъ особый денежный сборъ—по 15 коп. за четверикъ. Наконецъ, желая «открыть всѣ пути и способы, чтобы гласъ слабаго угнетеннаго былъ услышанъ», государь приказалъ поставить въ окнѣ нижняго этажа Зимняго дворца желѣзный желтый ящикъ съ прорѣзаннымъ отверстіемъ, куда просители могли опускать свои прошенія. Прошенія прочитывались секретарями императора для доклада ему, и государь немедленно клалъ на нихъ свои резолюціи.

Эти отношенія императора къ «господамъ» и льготы его, дарованныя поселянамъ, имѣли неожиданныя для него послѣдствія: въ нихъ закрѣпощенный народъ искалъ отвѣта на постоянно жившее въ немъ стремленіе къ освобожденію отъ помѣщичьей власти. Имя Павла въ народномъ представленіи уже связано было и съ пугачевскимъ движеніемъ, хотя и независимо отъ его воли, и съ дѣятельностью его въ Гатчинѣ. Въ Петербургѣ, въ первые же дни царствованія Павла Петровича, крѣпостные люди, собравшись толпою, подали ему на разводѣ челобитную, прося освободить ихъ отъ тиранства помѣщиковъ, говоря прямо, что они не хотятъ быть у нихъ въ услуженіи, а желаютъ лучше служить самому государю. «Сихъ дерзновенныхъ», разсказываетъ Болотовъ, «во страхъ другимъ и дабы никто другой не отваживался утруждать его такими недѣльными просьбами, императоръ приказалъ наказать публично нещаднымъ образомъ плетями. Симъ единымъ разомъ погасилъ онъ искру, которая могла

бы произвесть страшный пожаръ и прогналъ у всѣхъ слугъ и рабовъ желаніе просить на господъ своихъ. Поступкомъ же симъ пріобрѣлъ себѣ всеобщую похвалу и благодарность отъ всего дворянства». Тѣмъ не менѣе, молва, будто всѣмъ крѣпостнымъ дана будетъ свобода новымъ государемъ, быстро распространялась среди крестьянъ. Уже 22 декабря появилось въ Петербургѣ извѣстіе о бунтѣ крестьянъ въ олонецкой губерніи; а вслѣдъ затѣмъ донесено было императору о неповиновеніи крестьянъ помѣщикамъ и о безпорядкахъ въ губерніяхъ: вологодской, орловской, московской, псковской, новгородской, ярославской, костромской, нижегородской, пензенской, калужской, тверской и новгородъ-сѣверской. Между крестьянами ходили слухи, что все будетъ «государщина», что дворянъ не будетъ; съ другой стороны, помѣщики были въ сильномъ страхѣ, боясь повторенія пугачевскаго бунта и истребленія дворянъ; любопытно, что въ Петербургъ, для доклада государю, самъ извѣстный масонъ-помѣщикъ Поздѣевъ писалъ, что крестьянскіе безпорядки «суть точно иллюминантическій духъ безначальства и независимости, распространившійся по всей Европѣ», и что «спокойство здѣшняго края требуетъ такова экзекутнаго духа, каковъ государевъ, для присылки команды». Павелъ вообще ненавидѣлъ своевольство черни и хотя желалъ оградить крестьянъ отъ злоупотребленій помѣщичьей власти, но въ то же время думалъ, что до поры до времени помѣщики являются лучшими блюстителями тишины и спокойствія въ государствѣ. Награждая своихъ приверженцевъ и сотрудниковъ своего отца и матери, онъ въ первые два мѣсяца своего царствованія онъ роздалъ имъ населенныя земли свыше чѣмъ съ 50 тысячами душъ крестьянъ, полагая, между прочимъ, что имъ легче будетъ жить подъ властью помѣщиковъ, чѣмъ въ казенномъ управленіи. Поэтому онъ спѣшилъ принять энергическія мѣры для подавленія безпорядковъ, тѣмъ болѣе, что крестьянское движеніе разрасталось и количественно, и качественно, находя себѣ пособниковъ среди сельскаго духовенства. Какую важность придавалъ Павелъ этому движенію, видно изъ того, что усмиреніе взбунтовавшихся крестьянъ онъ поручилъ генералъ-фельдмаршалу Н. В. Репнину и вслѣдъ затѣмъ намѣревался самъ лично отправиться на мѣсто безпорядковъ, если бы къ этому представился поводъ; но, благодаря благоразумнымъ дѣйствіямъ кн. Репнина, безпорядки были прекращены еще въ началѣ марта 1797 г. частію путемъ убѣжденій, частію военною силою. Подавленіе крестьянскаго движенія, однако, не ослабило и въ дворянствѣ, ни среди крестьянъ убѣжденія, что императоръ скорѣе на сторонѣ послѣднихъ, чѣмъ первыхъ. Когда движеніе это стало затихать, Павелъ Петровичъ ясно выразилъ свой взглядъ, что крестьяне прикрѣплены лишь къ землѣ, а не составляютъ личной собственности помѣщиковъ. Именнымъ указомъ отъ 16 февраля 1797 г. было повелѣно «дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли не продавать съ молотка или съ подобнаго на сію продажу торга». Еще ранѣе, указомъ отъ 3 января 1797 года, дворяне поставлены были на одну доску съ своими крѣпостными лишеніемъ важнѣйшей изъ привиллегій, дарованной имъ въ жалованной грамотѣ,—свободы отъ тѣлеснаго наказанія: «коль скоро снято дворянство», написалъ Павелъ на докладѣ Сената по одному судебному дѣлу, «то ужъ и привиллегія до него не касается, почему и впредь поступать» во мнѣнію государя, дворянское достоинство обязывало каждаго не доводить себя до преступленій, грозившихъ лишеніемъ дворянства.

Духовное сословіе также обратило на себя особое вниманіе государя. Съ дѣтства отличался онъ религіозностію, а отъ законоучителя своего Платона воспринялъ онъ любовь къ православію. «Модныя философическія системы», главнымъ образомъ «вольтерьянство», развившееся съ такою силою въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка, поселяли въ немъ то безпочвенное невѣріе, тотъ духъ отрицанія, которые, по мнѣнію Павла Петровича, послужили главною причиною къ «развращенію нравовъ» и къ развитію «революціоннаго буйства» современной ему Франціи. Естественно, поэтому, что для нравственнаго и религіознаго подъема общества Павелъ считалъ необходимымъ придать болѣе значенія церковной жизни въ Россіи, возвысить въ глазахъ общества духовное сословіе, которое въ то время, въ лицѣ и низшихъ, и высшихъ своихъ представителей, находилось въ печальномъ нравственномъ и матеріальномъ положеніи. Возвышеніе это на-

чалось, конечно, прежде всего съ показной, внѣшней стороны. Смотря на духовенство съ точки зрѣнія службы государству, значеніе которой для отдѣльныхъ лицъ измѣрялось табелью о рангахъ, Павелъ косвеннымъ образомъ примѣнилъ эту табель и къ духовному сословію, чтобы сравнять его въ этомъ отношеніи съ главнымъ служилымъ сословіемъ — дворянствомъ. Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, награждая свѣтскихъ лицъ, онъ пожаловалъ, ко всеобщему удивленію, орденами и духовныхъ лицъ, чего прежде не было въ обычаѣ: митрополитъ Гавріилъ получилъ орденъ св. Андрея, архіепископы Амвросій и Иннокентій—св. Александра Невскаго; многія лица изъ бѣлаго духовенства также пожалованы были орденскими знаками; для священниковъ, всѣхъ вообще, тогда же предположено было, кромѣ того, установить и другія знаки отличія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, лица священнаго сана наряду съ дворянствомъ и купечествомъ, указомъ отъ 22 декабря 1796 г., освобождены были отъ тѣлесныхъ наказаній за уголовныя преступленія, «ибо чинимое имъ наказаніе, въ виду самыхъ тѣхъ прихожанъ, кои получали отъ нихъ спасительныя тайны, располагаетъ народныя мысли къ презрѣнію священнаго сана». Чтобы очистить духовное сословіе отъ «праздныхъ» его членовъ, императоръ прибѣгнулъ къ оригинальной мѣрѣ, приказавъ «всѣхъ священно и церковнослужительскихъ дѣтей, праздно живущихъ при отцахъ своихъ, для устройства состоянія ихъ съ лучшею выгодою какъ для общества, такъ и для нихъ собственно, обратить въ военную службу, гдѣ они будутъ употреблены съ пользою, по примѣру древнихъ левитовъ, которые на защиту отечества вооружались». Это распоряженіе Павла Петровича, закрѣпощавшее исключительно одно духовное сословіе на службу государству, вызвало въ духовенствѣ такое же волненіе, какое незадолго предъ тѣмъ возникло въ дворянскихъ семьяхъ при призывѣ отпускныхъ военныхъ на дѣйствительную службу.

Перечисленіе всѣхъ этихъ мѣръ императора Павла по отношенію къ сословіямъ приводитъ къ тому заключенію, что, по его взгляду, сословныя привиллегіи должны были существовать лишь тогда, когда онѣ требовались для пользы служенія даннаго сословія государству, тѣсно связаны были съ его обязанностями: дворяне, жившіе въ своихъ имѣніяхъ, все-таки были, по мнѣнію государя, на службѣ государства, выполняя роль земской полиціи, а дѣти духовныхъ лицъ, жившія у своихъ отцовъ, являлись людьми «праздными». Легко понять поэтому стремленіе Павла, чтобы тѣ органы, которыми онъ долженъ былъ пользоваться для водворенія законности въ государственной и народной жизни, т. е. судъ и администрація, лишены были дворянскаго, сословнаго характера, какой они носили при Екатеринѣ, а выражали бы собою одну лишь волю самодержца. Сословнымъ характеромъ суда и администраціи Павелъ объяснялъ себѣ также, при распущенности нравовъ, бездѣятельность и злоупотребленія ихъ въ концѣ царствованія Екатерины. Въ центральныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ годами накоплялись нерѣшенныя дѣла: даже въ сенатѣ такихъ дѣлъ было свыше 11 тысячъ; взяточничество, произволъ чиновниковъ доходили до крайней степени и оставались безнаказанными. Принявъ временныя мѣры къ скорѣйшему окончанію старыхъ дѣлъ, Павелъ Петровичъ спѣшилъ, прежде всего, установленіемъ того же внѣшняго порядка въ чиновничьей службѣ, какой онъ ввелъ въ военной. Для чиновниковъ введены были мундиры по губерніямъ; въ присутственныхъ мѣстахъ занятія должны были начинаться съ 6-ти часовъ утра, а сенаторы являться въ засѣданія къ 8-ми часамъ утра. Государь лично невзначай наблюдалъ въ Петербургѣ за исполненіемъ этихъ постановленій, и на первыхъ же порахъ далъ строгій, публичный выговоръ старому своему другу, президенту военной коллегіи, Н. И. Салтыкову, котораго онъ не засталъ на мѣстѣ его службы въ установленное время. Этими мѣрами Павелъ предполагалъ уничтожить медлительность въ производствѣ дѣлъ и укоренившееся пренебреженіе къ обязанностямъ службы. Для искорененія взяточничества и неправосудія приняты были суровыя мѣры взысканія, но такъ какъ неправосудіе въ значительной мѣрѣ облегчалось хаотическимъ состояніемъ законодательства, то, указомъ отъ 16-го декабря 1796 г., повелѣно было давно бездѣйствовавшей екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія «собрать изданныя донынѣ узаконенія и извлечь изъ оныхъ три законовъ россійскихъ книги: 1) уголовную, 2) гражданскихъ и 3) казенныхъ дѣлъ,

показавъ въ оныхъ прямую черту закона, на которой судья утвердительно основаться можетъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссія переименована была въ «комиссію для составленія новыхъ законовъ». Чтобы возвысить уровень познаній гражданскихъ чиновниковъ и облагородить личный составъ ихъ привлеченіемъ на гражданскую службу молодыхъ дворянъ, императоръ 1-го января 1797 г. приказалъ возстановить при сенатѣ и коллегіяхъ бывшее при Петрѣ Великомъ учрежденіе юнкеровъ изъ молодыхъ дворянъ, не моложе 12 лѣтъ, для «обученія ихъ, сверхъ канцелярскаго дѣлопроизводства, прочимъ наукамъ, способствующимъ искусству въ штатскихъ должностяхъ и приличнымъ достоинству дворянина»; съ этою цѣлью при сенатѣ учреждены были двѣ школы. Быть можетъ, жалобы на плачевное состояніе русскихъ судовъ побудили Павла, не смотря на любовь его къ однообразію въ управленіи, возстановить старинные суды и мѣстныя привиллегіи въ прибалтійскомъ краѣ, въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, а также въ Выборгской и въ Малороссіи, отмѣнивъ мѣры Екатерины къ слiянію этихъ областей съ коренною Россіей. Въ связи съ этимъ установлено было вызванное экономическими соображеніями новое раздѣленіе государства на губерніи, сокращавшее число ихъ: образовано было 30 губерній, управлявшихся общими для всей имперіи законами, и 11 губерній—«на особыхъ по правамъ и привиллегіямъ ихъ основаніямъ». Въ этомъ распоряженіи государя современники болѣе всего отмѣтили неуваженіе къ памяти Екатерины, такъ какъ екатеринославская губернія переименована была въ новороссійскую.

Наконецъ состояніе финансовъ и государственнаго хозяйства также обратило на себя вниманіе императора. Прежде всего остановлена была предположенная Зубовымъ при Екатеринѣ перечеканка мѣдной монеты съ уменьшеніемъ ея стоимости, установлена высшая проба золотой и серебряной монеты и повелѣно было Совѣту при высочайшемъ дворѣ изыскать средства къ повышенію курса обезцѣненныхъ ассигнацій, признанныхъ императоромъ «истиннымъ и священнѣйшимъ общенароднымъ долгомъ на казнѣ нашей», и вообще «къ уплатѣ внутреннихъ долговъ дѣйствительными деньгами», такъ какъ «воля государя императора есть перевесть въ государствѣ всякаго рода бумажную монету и совсѣмъ ея не имѣть». Вслѣдъ затѣмъ, по приказанію Павла Петровича сожжено было предъ Зимнимъ дворцомъ ассигнацій на пять слишкомъ милліоновъ рублей, а масса придворныхъ серебряныхъ сервизовъ переплавлена была въ монету; передавали слова Павла, что онъ согласится до тѣхъ поръ ѣсть самъ на оловѣ, пока не доведетъ до того, чтобы рубли ходили рублями. Для лучшаго устройства финансовой части, она изъята была изъ вѣдѣнія генералъ-прокурора и поручена новому должностному лицу—государственному казначею, которымъ назначенъ былъ извѣстный екатерининскій дѣлецъ, тайный совѣтникъ Васильевъ. При разсмотрѣніи въ Совѣтѣ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1797 годъ императоръ Павелъ приказалъ обсудить и вѣдомость о государственныхъ расходахъ, «которая была учинена примѣрно по предположеніямъ его императорскаго величества», но по «надлежащемъ соображеніи дѣйствительныхъ государственныхъ расходовъ съ содержавшимся въ оной вѣдомости росписаніемъ», вѣдомость эта, произведеніе кабинетныхъ гатчинскихъ упражненій Павла, оказалась несостоятельной. Въ ней сумма ежегодныхъ государственныхъ расходовъ исчислялась въ 31.500.000 р., тогда какъ въ дѣйствительности ихъ оказалось до 80 милліоновъ, при расходѣ на одну военную часть свыше 34 милліоновъ, и бюджетъ на 1797 годъ заключенъ былъ съ дефицитомъ въ 8 слишкомъ милліоновъ рублей. Уменьшить расходы Павелъ старался пресѣченіемъ злоупотребленій, вкоренившихся въ разныхъ частяхъ управленія, особенно въ военной и придворной, а также прямымъ сокращеніемъ расходовъ по этимъ частямъ, и въ то же время для развитія торговли и промышленности возстановилъ бергъ и мануфактуръ коллегіи и издалъ новый тарифъ. Такъ какъ общее государственное оскудѣніе отзывалось крайней дороговизной хлѣба, то для пониженія цѣнъ императоръ приказалъ продавать хлѣбъ изъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ; послѣдствіемъ этой мѣры было пониженіе цѣны хлѣба до двухъ рублей на четверть.

Заботы императора Павла, направленныя къ внутреннему благоустройству государства, сопровождались также мѣрами къ огражденію его отъ «революціонной заразы»

и «духа якобинства» извнутри и извнѣ. Въ Петербургѣ и Москвѣ за проживавшими тамъ иностранцами установленъ былъ строгій надзоръ, и замѣченныхъ въ числѣ ихъ «людей подозрительныхъ, поведенія нескромнаго или непристойнаго», повелѣно «выгонять вонъ за границу съ запрещеніемъ паки показываться въ столицѣ подъ страхомъ неизвѣстнаго (sic) наказанія». 16 февраля 1797 г. утвержденъ былъ авломъ весьма важный указъ, данный сенату императрицей Екатериной незадолго до ея кончины. Указомъ этимъ, «въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ», повелѣно было закрыть всѣ вольныя типографіи, существовавшія безъ дозволенія правительства, и учредить духовную и свѣтскую цензуру—въ Петербургѣ и Москвѣ для книгъ, издаваемыхъ въ Россіи, а въ Ригѣ, Радзивилловѣ и Одессѣ—для книгъ, привозимыхъ чрезъ таможни изъ-за границы, чтобы не была напечатана въ Россіи или введена въ нее ни одна книга, «противная закону Божію, правиламъ государственнымъ, верховной власти и благонравію». Чтобы возвысить внѣшнимъ образомъ достоинство монархической власти, которое, по мнѣнію Павла, унижено было въ царствованіе его матери въ глазахъ высшаго дворянства, императоръ, по природѣ добрый и простой въ обхожденіи, установилъ при дворѣ строжайшій этикетъ, которому должны были подчиняться всѣ безъ исключенія, и малѣйшее уклоненіе отъ него влекло за собою строжайшее взысканіе, такъ какъ могло быть преднамѣреннымъ: мужчины и дамы преклоняли колѣно предъ императоромъ и цѣловали ему руку; въ его присутствіи всѣ стояли и соблюдали строгое молчаніе. Желая поддержать монархическій принципъ и притомъ побуждаемый рыцарскимъ чувствомъ, Павелъ вызвалъ изъ Гродно въ Петербургъ развѣнчаннаго польскаго короля Станислава Понятовскаго, поселилъ его въ Мраморномъ дворцѣ, велѣлъ оказывать ему королевскія почести, но когда этотъ несчастный король, страдавшій подагрой, вздумалъ было присѣсть на одномъ изъ придворныхъ пріемовъ, то получилъ отъ императора чрезъ камергера приказаніе встать. Находившіяся при дворѣ лица постоянно испытывали боязнь какимъ-либо неумышленнымъ нарушеніемъ этикета разгнѣвать императора. Оттого на придворныхъ собраніяхъ, при Екатеринѣ столь веселыхъ и для всѣхъ привлекательныхъ, легла печать стѣсненія и скуки.

Всѣ эти разнообразныя по своему характеру и значенію мѣры новаго государя, сопровождаемыя массой распоряженій болѣе частныхъ, производили потрясающее дѣйствіе въ русскомъ обществѣ: ими охвачена была вся государственная жизнь Россіи, и, казалось, не было учрежденія или частнаго лица, котораго онѣ не касались бы въ насущныхъ его интересахъ. Впечатлѣніе было огромное, тѣмъ болѣе, что авелъ Петровичъ, изъ боязни, что его м гутъ обманывать и желая ускорить исполненіе своей воли, приказалъ печатать въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» всѣ свои повелѣнія, отдаваемыя при паролѣ, и фельдегеря ежедневно развозили по всей Россіи приказы государя, по ажавшіе своею овостью или суровостью. р ервыя дѣйствія Навла Петровича, направленныя къ водворенію порядка, были встрѣчены сочувственно, но, вслѣдъ затѣмъ, возникло неудовольствіе. Быстрота, съ какою приводились въ исполненіе всѣ эти важныя и мелочныя преобразованія усиливали это впечатлѣніе: нелегко было оставлять сразу свои старыя привычки и рѣшительно невозможно было усвоить, въ ущербъ себѣ, новые взгляды правительства. Императоръ, между тѣмъ, не считалъ нужнымъ подготовить почву для проведенія въ жизнь правительственной своей системы и, ни съ кѣмъ не совѣщаясь, издавалъ законъ за закономъ, не обращая вниманія на то, возможно ли на практикѣ немедленное ихъ осуществленіе, и «суровыми и сильными мѣрами» наказывалъ всякое противорѣчіе его волѣ. Сенатъ и Совѣтъ при высочайшемъ дворѣ утратили почти всякое законодательное значеніе: государь хотѣлъ самъ все видѣть, все рѣшать и всѣмъ лично управлять. Зато особое значеніе пріобрѣли полицейскіе органы власти, наблюдавшіе за исполненіемъ воли государя, а еще болѣе лица безотвѣтственныя, не несшія никакой службы, а пользовавшіяся лишь случайною протекціею, дававшею имъ возможность видѣть государя, и своими льстивыми внушеніями умѣвшія давать направленіе его впечатлѣніямъ и дѣйствіямъ.

При вступленіи на престолъ Павла Петровича, всѣ сановники Екатерины, заправлявшіе дѣлами имперіи, остались

на своихъ мѣстахъ. Но, разумѣется, и они не могли сочувствовать новой правительственной системѣ, бывшей осужденіемъ ихъ прежней дѣятельности, и самъ императоръ къ сотрудникамъ своей матери питалъ лишь одно недовѣріе. Поэтому, въ скоромъ времени изъ екатерининскихъ дѣльцовъ стали пользоваться милостію Павла Петровича только Безбородко, Трощинскій и с.-петербургскій военный губернаторъ Архаровъ, съумѣвшій угодить Павлу своею исполнительностью; другіе же, одинъ за другимъ, подвергались удаленію отъ дѣлъ, а нѣкоторые даже опалѣ, какъ напримѣръ Суворовъ, за рѣзкое осужденіе новыхъ порядковъ. Ближайшими исполнителями воли государя явились старые гатчинскіе его друзья и слуги, лично ему преданные, усердные, но вовсе не знакомые съ государственными дѣлами и, въ большинствѣ случаевъ, люди необразованные, неразвитые, не понимавшіе духа задуманныхъ Павломъ преобразованій; мало того, многіе изъ нихъ, хорошо зная нервную, впечатлительную натуру государя, въ своихъ дѣйствіяхъ руководились только мыслію сохранить его благоволеніе къ себѣ, примѣняясь къ его мелочнымъ требованіямъ, и обезопасить себя отъ возможныхъ интригъ своихъ недоброжелателей.

Ближайшими лицами къ Павлу Петровичу въ моментъ вступленія его на престолъ, были супруга его, императрица Марія Θеодоровна, и Плещеевъ, но, чтобы сдерживать порывистый характеръ императора въ должныхъ предѣлахъ, они скоро почувствовали необходимость заручиться содѣйствіемъ давняго друга Павла Петровича, фрейлины Нелидовой, продолжавшей жить въ Смольномъ монастырѣ. Императрица Марія рѣшилась пожертвовать своими предубѣжденіями и, принявъ главное начальство надъ Смольнымъ уже чрезъ шесть дней по кончинѣ Екатерины, увидѣлась тамъ съ Нелидовой и заключила съ ней, послѣ трогательнаго объясненія, дружескій союзъ для блага императора и имперіи. Правда, Нелидова не согласилась оставить Смольнаго, но часто появлялась при дворѣ и, пользуясь своимъ вліяніемъ на государя, съ одной стороны, обуздывала порывы его раздражительности и суровости, а съ другой—помогала Маріи Θеодоровнѣ въ осуществленіи ея плановъ. Нелидова убѣдила императора не упразднять ордена св. Георгія, какъ ни желалъ онъ этого, и содѣйствовала мягкому отношенію его къ дѣятелямъ прежняго царствованія, когда постепенно обнаруживались при новыхъ порядкахъ ихъ старыя злоупотребленія; такъ, лишь благодаря ей, опала князя Платона Зубова ограничилась сначала лишь тѣмъ, что онъ получилъ приказаніе возмѣстить казнѣ начисленные на него убытки съ дозволеніемъ уѣхать за-границу. Вмѣстѣ съ Нелидовой, императрица побудила Павла продолжать переговоры о бракѣ великой княжны Александры Павловны съ шведскимъ королемъ Густавомъ IV, и на этотъ разъ, впрочемъ, окончившіеся неудачей. Но внѣ области чувствъ, въ дѣлахъ внутренней политики, императрица и Нелидова проявляли свое вліяніе только тѣмъ, что поддерживали старыхъ своихъ друзей, князей Куракиныхъ: Александра, назначеннаго вице-канцлеромъ, и Алексѣя, получившаго должность генералъ-прокурора. На ряду съ Куракиными, пріобрѣталъ значеніе у государя и Растопчинъ, состоявшій при немъ генералъ-адъютантомъ по военной части, — человѣкъ образованный, умный, но неразборчивый на средства и, подъ личиной преданности монарху, стремившійся къ собственному возвышенію: Екатерина отзывалась о немъ не иначе, какъ «сумасшедшій Θедька». Государь довѣрилъ его перу окончательную редакцію военнаго устава, составленнаго по прусскому образцу, и Растопчинъ, въ личныхъ своихъ цѣляхъ, отступилъ отъ своего образца, ослабивъ власть фельдмаршаловъ и усиливъ значеніе инспекторовъ войскъ, что было главною причиною неудовольствія Суворова; онъ же побудилъ государя удалить отъ себя Плещеева и Лопухина, увѣривъ его, что масоны были проводниками въ Россіи разрушительныхъ стремленій иллюминатовъ и намѣревались покуситься на жизнь Екатерины. Одновременно съ Растопчинымъ вкрался въ довѣріе Павла Петровича Архаровъ, ежедневно докладывавшій ему, въ качествѣ военнаго губернатора Петербурга, о всѣхъ событіяхъ въ жизни столицы: онъ съ неумолимою строгостью приводилъ въ исполненіе всѣ мелочныя повелѣнія Павла Петровича объ образѣ жизни обывателей столицы и въ то же время доводилъ до его свѣдѣнія о ихъ неудовольствіи, питая тѣмъ его подозрительность и возбуждая въ немъ боязнь

заговоровъ. Роль Архарова въ гвардіи исполнялъ Аракчеевъ, отличавшійся своимъ жестокимъ и грубымъ обращеніемъ съ офицерами и солдатами, но, въ отличіе отъ Архарова, онъ дѣйствовалъ вполнѣ добросовѣстно, съ полнымъ сознаніемъ важности своихъ обязанностей и исполняемаго долга. Надъ всѣми этими далеко не государственными людьми высоко стоялъ по своимъ качествамъ Безбородко, хотя онъ мало вмѣшивался въ дѣла, желая только сохранить милость государя.

При такихъ условіяхъ, увлекавшійся преобразовательными планами Павелъ Петровичъ работалъ одинъ, безъ сотрудниковъ. Оттого законодательная его дѣятельность лишена была системы и устойчивости, часто зависѣла отъ настроенія его духа и свойства представлявшихся ему частныхъ поводовъ для законоположеній, не всегда строго обдуманныхъ и еще чаще дурно редактированныхъ. Павелъ не питалъ ненависти къ памяти матери, но онъ ненавидѣлъ порядки, установившіеся въ ея царствованіе, и все, что напоминало ему о нихъ. Этимъ объясняется порывистость въ его распоряженіяхъ: онъ ломалъ то, что попадалось ему на глаза, большое или малое, въ пылу борьбы съ остатками прошлаго, не отдавая себѣ отчета въ размѣрахъ зла, сопровождавшаго эту ломку. Между тѣмъ, около государя не было развитыхъ общественныхъ элементовъ, на которые онъ могъ бы опереться въ своей дѣятельности; отсюда возникло стремленіе Павла Петровича въ цѣломъ рядѣ его распоряженій создать новое орудіе правительственной власти—чиновничество, которое должно было стоять внѣ круга сословныхъ интересовъ и быть точнымъ исполнителемъ воли монарха. Между тѣмъ, сознавая отсутствіе твердой для себя опоры, мнительный государь склоненъ былъ видѣть вокругъ себя измѣну и оттого крайне нервно относился ко всякому, хотя бы косвенному порицанію его дѣйствій. Когда обнаружилась невинность гвардейскихъ офицеровъ Дмитріева и Лихачева въ составленномъ ими будто бы заговорѣ противъ государя, чрезъ мѣсяцъ по вступленіи его на тронъ, и всѣ офицеры гвардіи увѣрили его по этому поводу въ своей преданности, государь сказалъ императрицѣ съ восхищеніемъ: «теперь я увѣренъ, что крѣпко сижу на престолѣ». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, много лицъ навлекали на себя неудовольствіе императора какимъ-либо неумышленнымъ словомъ или дѣйствіемъ, въ которыхъ онъ неосновательно заподозрѣвалъ противорѣчіе его волѣ или неодобреніе его распоряженіямъ. Въ числѣ пострадавшихъ были даже такіе, доказавшіе ему преданность люди, какъ митрополитъ Платонъ, бывшій его наставникъ, и князь Репнинъ; въ особенности часто, по совершенно ничтожнымъ поводамъ, дѣлались жертвами его подозрительности и повидимому безпричиннаго гнѣва придворные и военные чины, постоянно находившіеся у него на глазахъ. Желаніе придать скорѣе своей власти священный характеръ побудило Павла поспѣшить и своею коронаціей: манифестомъ 18 декабря 1796 г., въ день погребенія Екатерины II и Петра III, императоръ объявилъ, что коронованіе совершится въ апрѣлѣ 1797 года. Вслѣдъ затѣмъ сдѣланы были съ возможною поспѣшностію всѣ приготовленія къ ней; въ томъ числѣ изданъ былъ, для свѣдѣнія дворянству, собиравшемуся въ Москву на коронацію, указъ противъ роскоши въ одеждѣ и экипажахъ.

Коронація императора Павла совершилась въ Москвѣ 5 апрѣля 1797 года, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. И день, назначенный для коронаціи, и вся ея обстановка соотвѣтствовали высокому, религіозному понятію Павла о значеніи власти русскаго самодержца: въ этотъ день Павелъ Петровичъ объявилъ себя главою церкви и при коронованіи, прежде чѣмъ облечься въ порфиру, приказалъ возложить на себя далматикъ — одну изъ царскихъ одеждъ византійскихъ императоровъ, сходственный съ архіерейскимъ саккосомъ, но Св. Тайны въ алтарѣ принялъ изъ рукъ священнослужителя, а не самъ лично, вопреки распространившимся тогда слухамъ; при входѣ государя въ Царскія врата, митрополитъ Платонъ замѣтивъ шпагу, висѣвшую у его пояса, остановилъ императора словами: «здѣсь приносится безкровная жертва; отними, благочестивѣйшій государь, мечъ отъ бедра твоего». Вмѣстѣ съ тѣмъ, коронована была и супруга государя, императрица Марія, на главу которой императоръ возложилъ малую корону. Тотчасъ послѣ совершенія обряда коронованія, Павелъ Петровичъ исполнилъ давнюю свою мечту — о дарованіи государству «фундаментальныхъ законовъ»: съ высоты трона онъ самъ прочелъ въ

храмѣ во всеуслышаніе актъ о престолонаслѣдіи по прямой линіи по мужескому колѣну, составленный имъ вмѣстѣ съ своей супругой еще въ 1788 году, затѣмъ царскими вратами вошелъ въ алтарь и положилъ этотъ актъ въ особомъ ковчегѣ на св. престолъ для храненія на вѣчныя времена; вслѣдъ затѣмъ прочитаны были новыя узаконенія: «Учрежденіе объ императорской фамиліи», опредѣлявшее права и обязанности членовъ царствующаго дома, и «Установленіе о россійскихъ императорскихъ орденахъ». Милости народу были объявлены только для крестьянъ слѣдующимъ знаменитымъ манифестомъ въ день коронованія: «Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ Законъ Божій, въ девятословіи Намъ преподанный научаетъ Насъ седьмый день посвящать Ему; почему въ день настоящій, торжествомъ Вѣры Христіанской прославленный, и въ который Мы удостоилися воспріять священное мvропомазаніе и Царское на Прародительскомъ Престолѣ Нашемъ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ Нашимъ предъ Творцемъ всѣхъ благъ Подателемъ подтвердить во всей Имперіи Нашей о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлѣ шесть дней, по равному числу оныхъ вообще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ». Въ тотъ же день, 5 апрѣля, объявлены были щедрыя награды лицамъ, окружавшимъ императора. Крестьянъ роздано было до 82.000 душъ. Болѣе всѣхъ получили Безбородко, возведенный въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости и князья Александръ и Алексѣй Куракины.

Торжество коронованія сопровождалось праздниками и балами. Всѣ они, по словамъ современниковъ, были утомительны и скучны: государь обращалъ строгое вниманіе на соблюденіе всѣхъ требованій этикета и самъ первый уставалъ отъ нихъ. Парады и смотры войскъ, собранныхъ подъ Москвой и не вполнѣ еще усвоившихъ всѣ требованія новаго устава, также происходили при напряженномъ состояніи духа всѣхъ участвующихъ, и императоръ неоднократно выражалъ свое неудовольствіе на «потемкинскій духъ» офицеровъ; многіе изъ нихъ тогда же пострадали по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Дурное настроеніе государя выразилось уже черезъ недѣлю послѣ коронаціи совершенно несвоевременнымъ указомъ отъ 13 апрѣля, которымъ не только подтверждался указъ отъ 12 января о тѣлесномъ наказаніи дворянъ за уголовныя преступленія, но онъ распространялся еще на гильдейскихъ гражданъ, священниковъ и діаконовъ, впавшихъ въ тѣ же преступленія, и такимъ образомъ отмѣнялись привиллегіи, незадолго предъ тѣмъ дарованныя духовенству самимъ же Павломъ. Митрополитъ Платонъ, въ качествѣ бывшаго наставника Павла, взялся быть предъ нимъ, по просьбѣ дворянъ, выразителемъ ихъ недовольства: дворяне просили митрополита доложить государю, что онъ крайне строгъ и что онъ долженъ перемѣнить свое обращеніе съ ними. Но Павелъ Петровичъ дурно встрѣтилъ слова Платона и приказалъ ему не выѣзжать изъ Москвы. Вмѣшательство Платона было тѣмъ непріятнѣе для Павла, что Платонъ еще до коронаціи отказывался принять орденъ св. Андрея Первозваннаго, не одобряя намѣренія государя изъ духовныхъ дѣлать «кавалеровъ». Павелъ Петровичъ перебилъ его рѣзко при многихъ свидѣтеляхъ и, пославъ ему рукою поцѣлуй, сказалъ: «прощайте, съ вами не сговоришь». Какъ бы въ отвѣтъ на неудовольствіе дворянства, часто проявлявшееся наружу во время пребыванія Павла въ Москвѣ, 29 апрѣля послѣдовалъ манифестъ о прощеніи отлучившихся самовольно нижнихъ чиновъ и всякаго званія людей, а 4 мая, на другой день послѣ отъѣзда императора изъ Москвы, объявленъ былъ именной указъ Сенату, «чтобы ни отъ кого ни въ какихъ мѣстахъ прошеній многими подписанныхъ не принимать», чѣмъ отмѣнялось право дворянства представлять о своихъ нуждахъ губернаторамъ, сенату и императорскому величеству. Воспоминанія о прошломъ не оставляли государя, и борьба со старыми порядками видимо подогрѣвала его старыя, горькія чувства. Проникнутый сознаніемъ полноты своей власти и подозрѣвая во всѣхъ сочувствіе къ порядкамъ прошлаго царствованія, онъ не терпѣлъ противорѣчія и

дѣйствовалъ часто по минутному впечатлѣнію. «Когда императоръ чего либо *хочетъ*, — писалъ Рожерсонъ 10 іюня 1797 г., — не осмѣливаются дѣлать ему возраженій, такъ какъ на каждый совѣтъ или представленіе онъ смотритъ какъ на ослушаніе. Иногда императрица и еще чаще Нелидова, въ особенности, когда онѣ дѣйствуютъ совмѣстно, успѣваютъ пріостановить его рѣшеніе, но это случается очень рѣдко». Такъ, орденъ св. Георгія не вошелъ въ «Установленіе» объ орденахъ, изданное въ день коронаціи, и лишь во время чтенія «Установленія» въ Успенскомъ соборѣ послѣ чина коронованія, Павелъ очевидно уступая настояніямъ Нелидовой, изустно съ престола узаконилъ этотъ военный орденъ. Павелъ не желалъ ни съ кѣмъ совѣтоваться, а приближенныя къ нему лица, примѣняясь къ его нраву, думали лишь о личныхъ выгодахъ. «При рѣдкомъ государѣ больше, какъ при Павлѣ», говоритъ изгнанный незадолго предъ тѣмъ Растопчинымъ секретарь государя Лопухинъ, «можно было бы сдѣлать добра для государства, если бы окружавшіе его руководились усердіемъ къ отечеству, а не видали собственной корысти». Оттого даже на манифестѣ отъ 5 апрѣля о крестьянской барщинѣ лежитъ печать необдуманности и поспѣшности: не было точно опредѣлено положеніе ни крестьянъ земледѣльцевъ, ни дворовыхъ, а дурная редакція закона привела къ тому, что помѣщики смотрѣли на него съ разныхъ точекъ зрѣнія, сообразно съ своими выгодами: въ Малороссіи, гдѣ до тѣхъ поръ была лишь двухдневная барщина,—какъ на средство возвысить крестьянскія повинности, а въ Великороссіи, гдѣ барщина была чуть не повседневная,—только какъ на «совѣтъ» правительства, ни для кого не обязательный. Дворянство однако видѣло опасность для себя въ будущемъ при такомъ направленіи мыслей государя: шли глухіе, но оживленные толки о его деспотизмѣ, нарушеніи ихъ политическихъ правъ. «Неудовольствіе противъ императора», доносилъ 1 мая своему правительству изъ Москвы прусскій генералъ Брюль, «всеобщее. Наклонность русскихъ къ революціямъ, привычка ихъ къ женскому управленію, безнравственность ихъ побужденій,—все это могло бы повлечь за собою самыя прискорбныя послѣдствія, если бы добродѣтели императрицы не ставили ея выше всякаго искушенія. Императоръ, желая исправить ошибки предыдущаго царствованія, вводитъ новую систему въ управленіе, которая не нравится націи и недостаточно обдумана, а между тѣмъ осуществляется съ поспѣшностію, малопонятной и ничѣмъ не вызванной. При этомъ государь занимался лишь мелочами, всякаго рода церемоніями и пріемами, теряя оттого изъ виду важныя дѣла и принимая совѣты только отъ князя Безбородко и иногда отъ князя Репнина. Но Безбородко—человѣкъ лѣнивый и небрежный».

Наканунѣ отъѣзда своего изъ Москвы Павелъ Петровичъ назначилъ 2 мая императрицу Марію Θеодоровну главноначальствующею надъ воспитательными домами въ обѣихъ столицахъ и такимъ образомъ пріобщилъ ее къ дѣламъ управленія. 3 мая императорская чета выѣхала изъ Москвы—Марія Θеодоровна прямой дорогой въ Петербургъ, а Павелъ Петровичъ, сопровождаемый великими князьями, кружнымъ путемъ чрезъ литовскія губерніи. Предъ путешествіемъ императоръ отдалъ строгій приказъ, чтобы на пути его, для избѣжанія тягостей для крестьянъ, отнюдь не дѣлали никакихъ приготовленій, не поправляли дорогъ и не чинили мостовъ. Проѣзжая чрезъ слободу Пневу смоленской губерніи, государь увидѣлъ множество крестьянъ, чинившихъ дорогу. Помѣщикъ ихъ Храповицкій, на притѣсненія котораго при этомъ пожаловались государю крестьяне, едва было не пострадалъ, а крестьянамъ Павелъ Петровичъ приказалъ выдать 2500 рублей. Замѣчательно, что, отдавая въ первомъ порывѣ гнѣва приказъ о разстрѣляніи Храповицкаго, императоръ поручилъ написать приказъ объ этомъ великому князю Александру Павловичу, прибавивъ: «и напишите, чтобы народъ это зналъ, что дышете однимъ со мною духомъ». Въ Оршѣ государь посѣтилъ, между прочимъ, іезуитскій коллегіумъ, гдѣ обласкалъ іезуитовъ и прочее католическое духовенство, видя въ немъ оплотъ противъ революціонныхъ ученій на Западѣ, а въ Вильнѣ, Гроднѣ и Ковнѣ осмотрѣлъ войска, обученныя по новому уставу. Въ общемъ путешествіе произвело на Павла благопріятное впечатлѣніе.

Пока государь путешествовалъ, императрица Марія получила подробныя свѣдѣнія о неудовольствіи, господствовавшемъ

среди войскъ и петербургскаго общества, вызванномъ мелочными мѣрами военнаго губернатора Петербурга Архарова. Этотъ любимецъ государя, при Екатеринѣ пользовавшійся лишь славою хорошаго сыщика, задумалъ, пользуясь слабыми сторонами характера Павла Петровича, сыграть какую-то двусмысленную роль. Всѣ распоряженія императора по полицейской части, касавшіяся будничной жизни обитателей Петербурга, проводились Архаровымъ въ исполненіе съ преувеличенною точностію, а иногда даже искажались имъ съ цѣлію возбуждать неудовольствіе, донося о которомъ подозрительному, боявшемуся заговоровъ императору, онъ имѣлъ случай свидѣтельствовать о своемъ усердіи и полезности. Всѣ жители Петербурга ненавидѣли его, а, между тѣмъ, къ пріѣзду императора Архаровъ принуждалъ всѣхъ окрасить свои дома и даже двери и окна домовъ полосами чернаго и бѣлаго цвѣтовъ, какъ уже окрашены были мосты и шлагбаумы; въ то же время Архаровъ не обращалъ никакого вниманія на усиливавшуюся въ Петербургѣ дороговизну припасовъ первой необходимости, а между тѣмъ дороговизну эту объясняли корыстной стачкой полиціи со скупщиками жизненныхъ припасовъ. Поведеніе Архарова внушало многимъ подозрѣнія; существуетъ даже извѣстіе, что, сопровождая императрицу Марію на возвратномъ пути ея изъ Москвы, онъ намекалъ ей на возможность переворота въ ея пользу. Но императрица, горячо любившая своего супруга, менѣе всего способна была къ какому-либо заговору противъ него; напротивъ того, по возвращеніи Павла въ Петербургъ, она, вмѣстѣ съ Нелидовой, сообщила ему о дѣйствіяхъ Архарова, основанныхъ, будто бы, на его словесныхъ приказаніяхъ. «Развѣ я дуракъ, чтобы отдавать подобныя приказанія?» вскричалъ Павелъ и велѣлъ Архарову немедленно выѣхать въ деревню. На его мѣсто назначенъ былъ женатый на подругѣ Нелидовой графъ Ѳ. Ѳ. Буксгевденъ, извѣстный прямотою своего характера и пользовавшійся расположеніемъ войскъ и жителей Петербурга. Тогда же, 6 іюня 1797 г., учреждена была «коммиссія о снабженіи резиденціи припасами, распорядкомъ квартиръ и прочихъ частей, до полиціи относящихся»; президентомъ этой коммиссіи назначенъ былъ великій князь Александръ Павловичъ.

Лѣто 1797 г. императоръ проводилъ въ Павловскѣ въ кругу своего семейства, такъ какъ государь не любилъ Царскаго Села, лѣтней резиденціи Екатерины. Изъ Павловска государь со всѣмъ своимъ семействомъ ѣздилъ на морскіе маневры; государь избралъ для своего пребыванія вновь выстроенный фрегатъ «Эммануилъ», т. е. «Съ нами Богъ». Предполагалась прогулка флота изъ Кронштадта въ Ревель, но противные вѣтры помѣшали эскадрѣ сняться съ якоря. Морскіе маневры, по своей кратковременности, не могли дать императору возможности проявить свою требовательность по отношенію къ флоту; тѣмъ съ большею ревностью предавался императоръ сухопутнымъ военнымъ экзерциціямъ въ Павловскѣ. Въ Павловскѣ расположена была лагеремъ почти вся гвардія, и императоръ ежедневно производилъ ей ученія и смотры; чтобы испытать бодрость и военную выправку солдатъ, онъ будилъ войска по ночамъ тревогами и выводилъ въ строй. Увлекаясь этими военными упражненіями, императоръ забывалъ свое достоинство самодержца и лично училъ войска, превращаясь въ самаго зауряднаго экзерцирмейстера. Особенно важное значеніе въ глазахъ императора имѣлъ вахтъ-парадъ, который превратился въ какой-то торжественный обрядъ и былъ настоящимъ театромъ, на которомъ русскій государь разыгрывалъ роль мелкаго и деспотическаго педанта. По разсказамъ современниковъ, при тогдашнихъ военныхъ пріемахъ, странный церемоніальный шагъ, дѣйствія флигельмановъ, выскакивавшихъ изъ рядовъ, чтобы телеграфировать ружьями самые вычурные знаки, балансированіе офицеровъ съ эспантонами,—все это казалось офицерамъ неумѣстнымъ, устарѣвшимъ и смѣшнымъ; но все это требовалось Павломъ, какъ необходимое и священное условіе военнаго ремесла. Особенное значеніе въ глазахъ его имѣло дѣйствіе эспантономъ, и важная минута была для офицеровъ та, въ которую, проходя мимо императора, они салютовали его эспантономъ, припрыгивая и покачиваясь на тихомъ шагу. Иные за ловкость тутъ же награждались или начинали блестящую карьеру; другіе своею неловкостью и упущеніемъ раздражали императора, навлекали на себя съ его стороны и грубыя слова, и самыя несоотвѣтствовавшія наказанія. Случалось, что Павелъ въ раз-

драженіи бросался на офицеровъ, вырывалъ у нихъ эспантоны, ругался, схватывалъ виновныхъ за воротникъ, за лацкана. Подобныя сцены доходили иногда до комизма: вырвавъ эспантонъ у офицера, Павелъ самъ проходилъ вмѣсто него, какъ бы испытывая хладнокровіе присутствовавшихъ, которые должны были сохранить серьезный видъ, глядя на эту небольшую фигуру, дѣйствовавшую съ какимъ-то убѣжденіемъ и со всею силою ничѣмъ не укротимой воли. Строгость и запальчивость государя по отношенію къ гвардейцамъ никогда не уменьшалась, такъ какъ, по мѣрѣ совершенствованія войскъ, вниманіе его ко всѣмъ даже мельчайшимъ упущеніямъ также увеличивалась, а въ мелкихъ отрядахъ погрѣшности становились замѣтнѣе. Въ Павловскѣ была также особая цитадель, или крѣпость Бипъ, куда офицеровъ сажали подъ арестъ. Солдаты были вообще менѣе недовольны строгостью императора, видя, что отъ нея преимущественно страдаютъ офицеры, которые, наравнѣ съ ними должны были нести всѣ тягости службы, но офицеры, самые усердные, бывали въ отчаяніи, не зная иногда, чѣмъ для нихъ окончится вахтъ-парадъ, такъ какъ Павелъ склоненъ былъ въ упущеніяхъ офицеровъ видѣть сознательное противодѣйствіе его волѣ. Изъ военныхъ приказовъ 1797 года видно, что съ 1 мая по 24 августа исключено было изъ службы за пьянство, нерадѣніе и т. д. 117 офицеровъ. Нѣкоторые изъ приказовъ были выраженіемъ горькихъ чувствъ Павла по отношенію къ прошедшему царствованію; такъ, въ приказѣ 14 августа было объявлено объ исключеніи одного офицера «за незнаніе должности, за лѣнь и нерадѣніе, къ чему онъ привыкъ въ бывшей должности его при князьяхъ Потемкинѣ и Зубовѣ, гдѣ, вмѣсто службы, обращались въ передней и пляскѣ». Нервное состояніе государя и войскъ, его окружавшихъ, выразилось въ особенности въ двухъ военныхъ тревогахъ, случайно происшедшихъ въ Павловскѣ 2 и 4 августа; тревоги эти наполнили душу императрицы Маріи опасеніемъ за безопасность государя, такъ какъ ими могли воспользоваться злоумышленники или озлобленные имъ люди. Вмѣстѣ съ Нелидовой, она употребляла всѣ усилія смягчить своего супруга, побудить его къ болѣе мягкому, осторожному образу дѣйствій. Но въ умѣ Павла прочно укрѣпилась мысль о необходимости «суровыми и сильными мѣрами» пресѣчь «распущенность въ службѣ и въ нравахъ», призракъ революціи постоянно представлялся его воображенію, и, желая избѣжать опасностей, онъ самъ создавалъ ихъ тамъ, гдѣ они прежде не существовали. Тщетно Нелидова писала государю: «Вотъ, любезный другъ, что я нахожу, открывъ книгу наудачу: это подтвержденіе нашего разговора о томъ, что государи еще болѣе всѣхъ прочихъ людей должны упражняться въ терпѣніи и умѣренности. Чѣмъ выше мы поставлены, тѣмъ болѣе мы имѣемъ необходимыхъ отношеній къ людямъ и тѣмъ чаще приходится намъ показывать терпѣніе и умѣренность, ибо всѣ люди несовершенны». Въ отвѣтъ на убѣжденія Нелидовой Павелъ Петровичъ писалъ ей: «Все это правда, но правда также и то, что съ теченіемъ времени, со дня на день, сдѣлаешься, пожалуй, слабѣе и снисходительнѣе. Вспомните Людовика XVI: онъ началъ снисходить и былъ приведенъ къ тому, что долженъ былъ уступить совершенно. Всего было слишкомъ мало и, между тѣмъ, достаточно для того, чтобы въ концѣ концовъ его повели на эшафотъ. Во всемъ этомъ нѣтъ женщины, хотя здѣсь хотятъ только женщинъ» (намекъ на предыдущее царствованіе, когда былъ возможенъ упадокъ дисциплины). Павелъ, добрый и великодушный отъ природы, не хотѣлъ показывать слабости и, какъ часто бываетъ съ слабохарактерными людьми, впадалъ въ противоположную крайность—допускалъ жестокость, которая, по своей искусственности, казалась иногда холодною и неумолимою; притомъ, пріидя въ раздраженіе, онъ уже не могъ себя сдерживать и часто былъ совершенно внѣ себя. По свидѣтельству Саблукова «императоръ вполнѣ сознавалъ это и глубоко этимъ огорчался, оплакивая собственную вспыльчивость, но не имѣлъ достаточно силы, чтобы побѣдить себя. Къ несчастію для Павла, его опасенія и недовѣрчивость были замѣтны для окружающихъ». «Дворъ и общество, которые съ самаго начала царствованія усвоили себѣ образъ мыслей, заставлявшій предугадывать о концѣ его», говоритъ, съ своей стороны графиня Головина, современникъ—очевидецъ описываемыхъ событій, «постарались по-своему объяснить себѣ военныя тревоги, происходившія въ Павловскѣ 2-го и 4-го августа. Ничто не способствуетъ такъ

измѣнѣ, какъ постоянно высказываемая боязнь ея. Павелъ I не умѣлъ скрывать, до какой степени этотъ страхъ отравлялъ его душу. Боязнь эта проявлялась во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и много допущенныхъ имъ жестокостей было слѣдствіемъ этого постояннаго чувства его души, и, раздражая умы, онѣ привели наконецъ къ тому, что дали полное основаніе къ оправданію его подозрительности».

Послѣ переѣзда двора изъ Павловска въ Гатчину, въ концѣ августа, совершилось радостное для Павла событіе. Около Гатчины происходили маневры войскъ, обученныхъ по новому уставу. Маневры эти, такъ мало, по своей грандіозности, походившіе на бывшія здѣсь же, всего годъ тому назадъ, экзерциціи гатчинскихъ потѣшныхъ войскъ,—прошли блистательно. Государь былъ доволенъ и веселъ: теперь, выражаясь словами Павла, Господь Богъ дозволилъ ему исполнить то, что предначерталъ онъ этими экзерциціями и ради чего, въ первые десять мѣсяцевъ своего царствованія, преобразовывалъ екатерининскую армію цѣною всевозможныхъ усилій и жертвъ. За послѣднимъ маневромъ и за послѣднимъ приказомъ велѣно было собраться всѣмъ генераламъ и полковымъ командирамъ. Императоръ повторилъ отданное въ приказѣ благоволеніе и удовольствіе всѣмъ войскамъ и затѣмъ сказалъ: «Я зналъ, господа, что образованіе войскъ по уставу было не совсѣмъ пріятно; ожидалъ осени, чтобы сами увидѣли, къ чему все клонилось. Вы теперь видѣли плоды общихъ трудовъ въ честь и славу оружія россійскаго». Для мирнаго, плацпараднаго употребленія войска дѣйствительно достигли замѣчательной выправки и точности въ движеніяхъ: казалось, это были не люди, а машины. Но насколько этотъ развитый механизмъ могъ содѣйствовать развитію военнаго духа въ войскахъ и отвѣчать потребностямъ военнаго времени и ходу военныхъ операцій,—объ этомъ не могъ судить ни самъ Павелъ, ни его экзерцирмейстеры, никогда не бывшіе въ огнѣ.

Но и послѣ прекрасно сошедшихъ маневровъ отношенія государя къ офицерству не измѣнились; не измѣнилась и взыскательность императора. Признаки дурнаго настроенія проявились въ особенности въ преображенскомъ полку, которымъ командовалъ самый жестокій изъ всѣхъ гатчинцевъ—Аракчеевъ; его жестокость и грубость доводили офицеровъ до отчаянія, выражавшагося въ необдуманныхъ словахъ и толкахъ, а, между тѣмъ, Аракчеевъ, для своего оправданія, доносилъ императору, что они мало занимаются службой. «Свѣдалъ я,—писалъ Павелъ Аракчееву тотчасъ послѣ маневровъ,—что офицеры ваши разглашаютъ вездѣ, что они не могутъ ни въ чемъ угодить, забывая, что если бы они дѣлали что—другихъ полковъ дѣлаютъ, то они равно бы тѣмъ угождали, то и извольте имъ сказать, что легкій способъ сіе кончить—отступиться мнѣ отъ нихъ и ихъ кинуть, предоставя имъ всегда таковыми оставаться, каковы мерзки они прежде были, что я и исполню, а буду и безъ нихъ заниматься обороною государственнною». Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало, 6 октября, увольненіе отъ службы многихъ офицеровъ преображенскаго полка и массы унтеръ-офицеровъ изъ этого полка. Легко понять, что этими мѣрами Павелъ очищалъ гвардію отъ екатерининскихъ офицеровъ: гатчинскіе экзерцирмейстеры считали ихъ неудобнымъ элементомъ во ввѣренныхъ имъ полкахъ и утверждали Павла Петровича въ подозрѣніи, что они не желаютъ подчиняться новымъ порядкамъ службы. «Такъ какъ всѣ эти гатчинцы», говоритъ Саблуковъ, самъ служившій въ это время въ гвардіи, «были всѣ лично извѣстны императору и имѣли связи съ придворнымъ штатомъ, то многіе изъ нихъ имѣли доступъ къ императору и заднее крыльцо дворца было для нихъ открыто. Это весьма вооружило насъ противъ этихъ господъ; мы вскорѣ открыли, что они доносили о малѣйшемъ случаѣ, о малѣйшемъ вырвавшемся словѣ. Не стоитъ перечислять всѣхъ этихъ именъ; объ одномъ, однако же, слѣдуетъ упомянуть, такъ какъ онъ впослѣдствіи сдѣлался важнымъ человѣкомъ: то былъ Аракчеевъ. Часто, за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ, офицеровъ, прямо съ парада, отсылали въ другіе полки на большія разстоянія, и это случалось до того часто, что, когда мы бывали на караулѣ, мы имѣли обыкновеніе класть нѣсколько сотъ рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться безъ копейки на случай внезапной ссылки. Три раза случалось мнѣ давать деньги взаймы товарищамъ, забывшимъ эту предосторожность. Такое обращеніе держало офицеровъ въ постоянномъ страхѣ и без-

покойствѣ, и многіе, вслѣдствіе сего, совсѣмъ оставляли службу и удалялись въ свои помѣстья, между тѣмъ какъ другіе, оставивъ армію, переходили въ гражданскую службу... Легко себѣ представить, что эта система держала семейства, къ которымъ принадлежали офицеры, въ состояніи постояннаго страха и тревоги, и почти можно сказать, что Петербургъ, Москва и вся Россія были погружены въ постоянное горе». Горе это, однако, было горемъ преимущественно дворянскаго служилаго класса, по объясненію Саблукова. «Люди знатные», говоритъ онъ, «конечно, тщательно скрывали свое неудовольствіе, но чувство это иногда прорывалось наружу, и во все время коронаціи въ Москвѣ императоръ не могъ этого не замѣтить. Зато низшія сословія съ такимъ восторгомъ привѣтствовали императора при всякомъ представлявшемся случаѣ, что онъ приписывалъ холодность и видимое отсутствіе привязанности къ себѣ дворянства лишь нравственной его испорченности и якобинскимъ наклонностямъ. Что касается до этой испорченности, то онъ былъ, конечно, правъ, такъ какъ нерѣдко многіе изъ самыхъ недовольныхъ, когда онъ обращался къ нимъ лично, отвѣчали ему льстивыми словами и съ улыбкою на устахъ; Павелъ же, по честности и откровенности своего нрава, никогда не подозрѣвалъ въ этомъ двоедушія, тѣмъ болѣе, что онъ часто говорилъ, что, будучи всегда готовъ и радъ доставить законное и полное оправданіе всякому, кто считалъ себя обойденнымъ или обиженнымъ, онъ не боится быть несправедливымъ». Взыскательность государя по отношенію къ офицерамъ казалась тѣмъ болѣе естественною, что онъ проявлялъ ее и по отношенію къ собственнымъ дѣтямъ. Великій князь Александръ былъ шефомъ семеновскаго, а Константинъ—измайловскаго полковъ; Александръ былъ, кромѣ того и первымъ военнымъ губернаторомъ Петербурга. Каждое утро въ семь часовъ и каждый вечеръ въ восемь подавалъ онъ императору рапортъ. «При этомъ слѣдовало ему, разсказываетъ Саблуковъ, отдавать отцу отчетъ о мельчайшихъ подробностяхъ службы и за малѣйшую ошибку получалъ строгій выговоръ. Великій князь Александръ былъ еще молодъ, и характеръ его былъ робокъ». Великій князь Константинъ, отличавшійся горячностію нрава, часто позволялъ себѣ опрометчивые и жестокіе поступки, но одно напоминаніе о военномъ судѣ, котораго, по уставамъ Павла, могъ требовать себѣ каждый корнетъ надъ своимъ полковымъ командиромъ, было, по словамъ Саблукова, «Медузиной головой, которая оцѣпеняла ужасомъ его высочество». «Оба великіе князья, замѣчаетъ онъ, смертельно боялись своего отца, и, когда онъ смотрѣлъ сколько нибудь сердито, они блѣднѣли и дрожали какъ осиновый листъ».

Увлеченіе Павла Петровича мелочами военнаго дѣла мѣшало ему вникать во всѣ подробности внутренняго управленія имперіей, и при такихъ обстоятельствахъ генералъ-прокуроръ Алексѣй Куракинъ, поддерживаемый императрицею и Нелидовой, пріобрѣлъ, въ глазахъ многихъ, значеніе какъ-бы со-регента по дѣламъ гражданскимъ. Въ дѣйствительности, внутренняя политика Павла въ концѣ 1797 и въ началѣ 1798 г. продолжала достигать прежнихъ своихъ цѣлей. Цѣлымъ рядомъ узаконеній облегчена была въ своихъ тягостяхъ масса крестьянскаго населенія уменьшеніемъ натуральныхъ повинностей, установленіемъ цѣнъ на предметы первой необходимости и введеніемъ льготной продажи соли; всѣ казенные крестьяне получили надѣлъ по 15 десятинъ на душу и особое крестьянское управленіе. Возвышеніе подушной подати на 23 коп. съ души и переоброчка казенныхъ крестьянъ, послѣ 15 лѣтняго промежутка времени, сопровождались, по указу отъ 18 декабря 1797 г., сложеніемъ недоимки по 1 января этого года по этимъ же статьямъ въ суммѣ до 7 милліоновъ рублей. Для обезпеченія судьбы выпущенныхъ въ отставку нижнихъ чиновъ изъ крестьянъ также приняты были мѣры. Духовенство, согласно межевой инструкціи, изданной еще при Екатеринѣ, обезпечено было нарѣзкой къ сельскимъ церквамъ 30 десятинъ земли, съ правомъ пользоваться входомъ въ казенные лѣса, а къ обработкѣ церковной земли въ пользу причтовъ повелѣно было привлекать сельскія общества; архіерейскіе дома, соборные и нѣкоторые другіе церкви получили штаты и особыя суммы и даже угодья на содержаніе своего духовенства. Чтобы внушить уваженіе къ бѣлому духовенству, стоявшему въ то время значительно ниже чернаго, Павелъ началъ жаловать его орденами и особо для него установленными знаками отличія: наперснымъ

крестомъ, митрою, камилавкою и скуфьею; кромѣ того, повелѣно было въ консисторіяхъ между присутствующими быть половинѣ изъ бѣлаго духовенства. Но особенно заботился Павелъ о просвѣщеніи духовенства. Указомъ отъ 18 декабря 1797 г. учреждены были въ Петербургѣ и Казани духовныя академіи, а на содержаніе духовныхъ училищъ ассигнованы особыя суммы. Замѣчательно, что, оказывая уваженіе православному духовенству, императоръ проявилъ свою вѣротерпимость по отношенію къ раскольникамъ: въ началѣ 1798 г. въ самомъ гнѣздѣ раскольниковъ, въ нижегородской губерніи, разрѣшено было старообрядцамъ имѣть свои церкви и при нихъ священнослужителей. Даже дворянство, привыкшее къ гоненіямъ, увидѣло наконецъ вниманіе государя къ своимъ матеріальнымъ нуждамъ. 18 декабря 1797 г. появился манифестъ императора Павла объ учрежденіи государственнаго вспомогательнаго банка для дворянства. «Съ крайнимъ прискорбіемъ видимъ», говорилось въ манифестѣ, «что многіе роды дворянскіе, стеная подъ бременемъ долговъ, изъ рода въ родъ съ наслѣдствомъ влекущихся или небережливостію нажитыхъ, не многіе изъ нихъ воспользовались сложеніемъ съ себя сего бремени способами, въ государственныхъ банкахъ отверзтыми, но большая часть, усугубляя свои долги, разстроила состояніе своихъ одолжителей и, отъ неминуемой крайности впадая въ руки алчныхъ корыстолюбцевъ и ростовщиковъ, умножаютъ число сихъ зловредныхъ хищниковъ, а всего ужаснѣе приготовляютъ плачевный жребій нищеты невинному своему потомству». Ссуды выдавались банкомъ на 25 лѣтъ банковыми билетами въ размѣрѣ 40—75 рублей на душу, смотря по классу губерніи; заемщикъ пользовался 5% въ годъ съ билетовъ и уплачивалъ 6% и погашеніе по разсчету, сообразно взимаемому по частямъ капиталу. За невзносъ въ срокъ платежей имѣніе бралось въ опеку. Билетамъ банка присвоенъ былъ принудительный курсъ, и они должны были приниматься и казною, и частными лицами по номинальной цѣнѣ. Чтобы предохранить дворянское сословіе, заключавшее въ себѣ «ревностныхъ исполнителей монаршей воли и храбрыхъ защитниковъ отечества», отъ проникновенія въ него недостойныхъ элементовъ, повелѣно было еще въ началѣ царствованія не возводить никого въ дворянское достоинство безъ высочайшаго разрѣшенія; теперь повелѣно было составить общій дворянскій гербовникъ для внесенія въ него уже существующихъ дворянскихъ гербовъ и сочиненія новыхъ. Но наряду съ этимъ принимались мѣры къ очищенію дворянства отъ дурныхъ его членовъ и къ сокращенію его сословныхъ привиллегій съ такою же суровостію, какъ и прежде, тѣмъ болѣе, что дворяне толпами бѣжали отъ военной службы, гдѣ имъ не сладко жилось: 15 ноября 1797 г. послѣдовалъ указъ, чтобы дворяне, выключенные изъ военной службы, не были избираемы и опредѣляемы ни на какія должности по выборамъ и чтобы отъ нихъ не принимали даже голосовъ при выборахъ, а 14 генваря 1798 г.—повелѣно было не принимать ихъ и на гражданскую службу. Въ то же время, съ цѣлію уменьшить вліяніе дворянства на дѣла областнаго управленія, императоръ усилилъ власть губернаторовъ и повелѣлъ имъ присутствовать на дворянскихъ собраніяхъ «для соблюденія добраго порядку». Понятно, что дворянство увидѣло въ этихъ мѣрахъ желаніе государя приступить къ отмѣнѣ его сословныхъ привиллегій, дарованныхъ ему жалованной грамотой, и ожидало въ будущемъ еще худшаго. Даже вспомогательный для дворянства банкъ, учрежденный Павломъ по проекту Алексѣя Куракина, возбудилъ, немедленно по своемъ возникновеніи, цѣлый рядъ справедливыхъ жалобъ: билеты этого банка, имѣя принудительный курсъ, тотчасъ по выпускѣ упали въ цѣнѣ и, увеличивъ массу бумажныхъ цѣнностей, подрывали государственный кредитъ.

Но всѣ эти дѣйствія и распоряженія государя не могутъ объяснить намъ нервнаго напряженія русскаго общества—того ежедневнаго ожиданія постоянныхъ перемѣнъ, которое, если вѣрить современникамъ, не давало никому спокойно спать въ царствованіе императора Павла. Вводя порядокъ и дисциплину въ управленіе, императоръ на каждомъ шагу подводилъ итоги прошлымъ злоупотребленіямъ, и многіе платились за старыя свои прегрѣшенія, отвѣчали иногда только за то, что въ царствованіе Екатерины считалось возможнымъ и дозволительнымъ. Преслѣдуя старые порядки, Павелъ началъ преслѣдовать лица, а кто могъ считать себя вполнѣ чистымъ и правымъ съ идеальной точки зрѣнія госу-

даря? Штрафы, конфискаціи, увольненіе отъ должностей, иногда въ самой оскорбительной формѣ, высылка изъ столицъ,—поражали сегодня—одного, завтра—другаго: Давъ волю чувствамъ, Павелъ не щадилъ никого, даже мертвыхъ; пострадалъ Зубовъ, на котораго наложено было полумилліонное взысканіе за недочеты въ казенныхъ суммахъ,—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пострадалъ и Потемкинъ, могилу котораго повелѣно было задѣлать, а наслѣдники его должны были внести крупныя суммы на покрытіе его долговъ. Справедливость, ко всѣмъ равная, «не взирая на лица»,—была господствующимъ побужденіемъ государя, но равныя для всѣхъ мѣры возмездія сами по себѣ были несправедливы и производили иногда совершенно неожиданныя по своему ужасу или комизму послѣдствія. Не легче было и новымъ исполнителямъ воли государя: желтый ящикъ былъ вѣрнымъ проводникомъ къ государю всѣхъ жалобъ на неправосудіе и на злоупотребленія, но съ ними вмѣстѣ подавались и лживые доносы, прошенія «недѣльныя», нелѣпыя, а, между тѣмъ, государь, при своей впечатлительности, полагалъ на нихъ быстрыя, часто необдуманныя резолюціи. Кромѣ того, жителей Петербурга, Москвы и даже провинціи опутывала ежедневно тысяча мелочей, касавшихся даже будничной жизни каждаго. Полицейская опека надъ частной жизнію подданныхъ доведена была Павломъ до крайнихъ предѣловъ, вытекая изъ патріахальныхъ взглядовъ его на отношенія государя къ подданнымъ какъ отца, главы семьи. Распоряженія объ образѣ жизни обывателей Петербурга, сдѣланныя по вступленіи на престолъ, оставались и затѣмъ въ полной силѣ и даже дополнялись новыми. Воспрещено было ношеніе фраковъ и разрѣшено нѣмецкое платье, съ точнымъ опредѣленіемъ цвѣта его и размѣровъ воротника; запрещены были жилеты, а вмѣсто нихъ дозволено употреблять камзолы; дозволены были башмаки съ пряжками, а не съ лентами, и запрещены короткіе сапоги съ отворотами или со шнурками; не позволялось «увертывать шею безмѣрно платками», а внушалось «повязывать ее безъ излишней толстоты» и т. д. и т. д. При этомъ «домоправителямъ, прикащикамъ и хозяевамъ строжайше подтверждалось, чтобы всѣмъ пріѣзжающимъ для жительства или на время въ домы ихъ объявляли они не только объ исполненіи сихъ предписаній, но и о всѣхъ прежде бывшихъ, и если окажется, что таковыхъ объявленій кому-либо учинено не было, то съ виновными поступлено будетъ по всей строгости законовъ». Павелъ, очевидно, не желалъ, чтобы слѣдовали французскимъ революціоннымъ модамъ; оттого подобныя же распоряженія сдѣланы были даже по отношенію къ женскимъ костюмамъ и прическѣ. Любопытно, что, по разнымъ соображеніямъ, императоръ обратилъ вниманіе даже на улучшеніе русскаго языка. Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ императоръ приказалъ, чтобы во всѣхъ казенныхъ бумагахъ «изъяснялись самымъ чистымъ и простымъ слогомъ, употребляя всю возможную точность и стараясь изъяснить лучше самое дѣло, а высокопарныхъ выраженій, смыслъ потемняющихъ, всегда избѣгать». Это разумное, хотя трудно достижимое желаніе государя было парализовано послѣдующими его распоряженіями, благодаря которымъ, при изъясненіи дѣла не только письменно, но и устно, приходилось справляться со спискомъ словъ, запрещенныхъ къ употребленію. Такъ, слово «стража» замѣнено было словомъ «караулъ», «врачъ» — «лекарь», «выполненіе» — «исполненіе», «граждане»—«жители» или «обыватели», «отечество»—«государство», «степень» — «классъ» и т. д.; слово же «общество» совсѣмъ воспрещено было къ употребленію. Разумѣется, «усердные» слуги государя и полиція усиливали значеніе распоряженій императора; оттого при дворѣ и на службѣ даже говорить приходилось съ нѣкоторой опаской, взвѣшивая выраженія. Но, съ другой стороны, самъ Павелъ Петровичъ не стѣснялся, особенно въ порывахъ гнѣва, излагать свои мысли о лицахъ и вещахъ вполнѣ «ясно и вразумительно» не только устно, но и въ своихъ приказахъ, печатавшихся во всеобщее свѣдѣніе въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Приказы эти часто представляютъ собою не тщательно редактированныя правительственныя распоряженія, а просто лишь буквально записанную устную рѣчь императора по поводу всякихъ, важныхъ и неважныхъ, случаевъ, со всѣми присущими устной рѣчи, особенно при раздраженіи, рѣзкостями и недомолвками. Нужно удивляться и тому, что многіе изъ этихъ приказовъ публиковались, и тому, что эти приказы, очевидно, никѣмъ не редактировались; въ одномъ несомнѣнно заключа-

лось ихъ достоинство, для всѣхъ ясное,— что они *говорились* вполнѣ искренно, отъ души, и прекрасно характеризовали самого государя. Вообще резолюціи и приказы Павла Петровича, въ большинствѣ случаевъ, преслѣдовали воспитательныя цѣли, а не однѣ служебныя, и это и было главною причиною ихъ опубликованія; поэтому же многіе изъ нихъ сопровождались подробной мотивировкой или объясненіями, которыя сами по себѣ вызываютъ иногда невольную улыбку. Такъ, генералу отъ инфантеріи кн. Голицыну объявленъ былъ выговоръ за то, что «рядовые его боятся дождя»; штабсъ-ротмистръ Бороздинъ посаженъ былъ въ крѣпость на 6 недѣль «за хвастовство, что онъ будетъ пожалованъ къ его величеству во флигель-адъютанты»; офицерамъ конно-гвардейскаго полка было объявлено, что «императоръ рекомендуетъ больше заниматься службой, нежели городскою жизнію»; военному с.-петербургскому губернатору сдѣлано «примѣчаніе, чтобы болѣе было учтивостей на улицахъ» и т. д. Любопытны были отношенія государя и къ частнымъ лицамъ. Мѣщанкѣ Хотунцовой, напримѣръ, просившей паспортъ, чтобы идти въ городъ Бари на поклоненіе мощамъ св. Николая Чудотворца, было отказано «по дальности и опасности пути»; отставному унтеръ-офицеру Рогожину, просившему пожаловать опустѣлое мѣсто для постройки часовни и кельи для себя лично, отказано было потому, что «существо его просьбы вздорное»; отставному корнету Кобылинскому, просившему о пожалованіи земли, было объявлено, что «ему оной дать не за что» и т. д. и т. д.

Первый годъ царствованія Павла прошелъ, при всѣхъ этихъ условіяхъ, сравнительно спокойно, несмотря на то, что преобразованія императора вызывали повсюду возбужденіе. «Порядокъ вещей», писалъ другъ великаго князя Александра Павловича, князь Адамъ Чарторижскій, «казался установленнымъ на долгое время. Причуды императора уменьшились, благодаря соединенному вліянію императрицы и ея подруги, Нелидовой. Общество мало-по малу привыкало къ странностямъ и неровностямъ поведенія Павла». Личныя свойства впечатлительнаго, перемѣнчиваго государя однако никому не внушали увѣренности за будущее. Холодная разсчетливость въ дѣлахъ внѣшнихъ, постоянная систематическая работа во внутреннемъ управленіи государствомъ, были чужды его порывистому уму. Поэтому внѣшняя политика государя сдѣлалась для него постепенно политикой сердца, а дѣла внутреннія во многомъ зависѣли отъ личности докладчиковъ, отъ ихъ искусства направлять волю Павла Петровича сообразно личнымъ своимъ соображеніямъ, не всегда безкорыстнымъ. Главными дѣятелями сдѣлались два брата, князья Куракины: Александръ, вице-канцлеръ, по дѣламъ внѣшнимъ, и Алексѣй, генералъ-прокуроръ, по дѣламъ внутреннимъ. Оба брата пользовались особымъ покровительствомъ императрицы и Нелидовой, но оба они не внушали къ себѣ ни довѣрія, ни расположенія общества: князь Александръ—былъ человѣкъ добрый, но тщеславный и ничтожный въ умственномъ отношеніи, а князь Алексѣй былъ извѣстенъ своею жадностію, корыстолюбіемъ и страстію къ проектамъ, далеко не всегда обдуманнымъ: учрежденный по проекту Куракина вспомогательный банкъ вызвалъ всеобщее неудовольствіе; проектъ его же объ измѣненіи финансовой системы, представленный имъ въ началѣ 1798 г. и поддерживаемый Вутомъ, комиссіонеромъ голландскихъ банкировъ, вызвалъ сильное сопротивленіе князя Безбородко и государственнаго казначея Васильева, видѣвшихъ въ проектѣ опасность для государства. Князь Безбородко, въ качествѣ канцлера имперіи, являлся главнымъ совѣтникомъ государя и пользовался у него сначала, благодаря своей опытности въ дѣлахъ и придворной ловкости, огромнымъ довѣріемъ, но ему невозможно было бороться съ Куракиными, такъ какъ они всегда были поддерживаемы императрицей и Нелидовой, и когда, напримѣръ, Безбородко началъ возражать противъ финансоваго проекта Куракина, то ему, старому дѣльцу Екатерины, пришлось имѣть «преніе съ г. Вутомъ предъ императоромъ и императрицей». «Ея величество», писалъ Безбородко, «недовольна, что я не понимаю пользъ, г. Вутомъ предложенныхъ. Вообще она меня хотя очень хорошо трактуетъ, но не столько имѣетъ прежней intimité».

Въ то же время императрица Марія содѣйствовала новому направленію внѣшней политики Павла Петровича, измѣнившаго своему принципу невмѣшательства въ дѣла Европы и готовившагося обнажить свой мечъ противъ «развратной» и «мятежной» Франціи. Вокругъ императрицы Маріи и Нелидовой сгруп-

пировались французскіе эмигранты; многіе изъ нихъ получили отъ Павла Петровича пенсіи и помѣстья, а другіе, какъ, напримѣръ, графъ Шуазель-Гуфье, Сенъ-При и др., дѣятельно заботились о томъ, чтобы возбудить легитимныя чувства государя и заставить его оказать помощь Бурбонамъ, скитавшимся по Европѣ. Эмигрантамъ оказывали поддержку папскій нунцій Литта и братъ его, графъ Литта, убѣдившій Павла принять подъ свое покровительство мальтійскій орденъ и тѣмъ сдѣлать первый шагъ къ поддержанію легитимнаго принципа въ Европѣ. Австрія и Англія также желали втянуть Россію въ борьбу съ Франціей. Уже 14 апрѣля 1797 г., тотчасъ послѣ коронаціи, исполняя условія союзнаго договора, заключеннаго съ Австріей еще при Екатеринѣ, императоръ Павелъ приказалъ тремъ дивизіямъ готовиться къ походу на помощь Австріи, приведенной на край гибели побѣдами Бонапарта. Но, прежде чѣмъ русскія войска тронулись въ путь, Австрія поспѣшила леобенскимъ договоромъ принять предварительныя условія мира, предложенныя ей Бонапартомъ, а затѣмъ обратилась къ императору Павлу съ просьбою, чтобы онъ принялъ на себя посредничество для окончательнаго заключенія мира съ Франціей и содѣйствовалъ прекращенію злонамѣренныхъ дѣйствій Пруссіи, желавшей воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ старинной своей соперницы для усиленія своего въ Германіи. Императоръ изъявилъ согласіе быть посредникомъ, если Франція также обратится къ нему съ этою просьбою, и обѣщалъ употребить всѣ зависѣвшіе отъ него способы «къ отдаленію пристрастія или видовъ жадности». Но завязавшіеся переговоры съ директоріей, чрезъ посредство французскаго посла въ Берлинѣ, Кальяра, не привели Россію къ желаемому съ ней соглашенію. Французы однимъ изъ условій договора поставили «дружбу» Россіи съ Франціей, а дружбы съ революціоннымъ правительствомъ императоръ не хотѣлъ; въ то же время императоръ рѣшительно отказался исполнить требованіе Франціи не допускать въ Россію эмигрантовъ, — «не желая лишить себя права давать убѣжище несчастнымъ, которые только ищутъ одной для себя безопасности». Между тѣмъ, въ переговорахъ своихъ съ Австріей и Англіей о заключеніи мира, Франція обнаруживала несговорчивость и предъявляла новыя требованія, надѣясь на тайную поддержку Пруссіи. Тогда раздраженный государь, въ собственноручномъ письмѣ своемъ къ прусскому королю, сдѣлалъ Пруссіи энергическое предостереженіе. «Обвиняютъ кабинетъ вашего величества въ пристрастіи», писалъ онъ 30 сентября 1797 г., «распуская слухъ, будто бы онъ старается скрытно разстроить примиреніе Европы; говорятъ, что ваше величество, дозволяя французамъ завоеванія, ожидаете себѣ доли отъ раздробленія имперіи германской и даже будто бы намѣрены силою оружія принудить самого императора подписать этотъ договоръ... Васъ не должно удивить, если я скажу, что не останусь равнодушнымъ свидѣтелемъ разрушенія ея, но употреблю въ дѣйствіе всю власть и всѣ силы, врученныя мнѣ Провидѣніемъ». Тогда же русскому послу въ Вѣнѣ, графу Разумовскому, повелѣно было обѣщать австрійскому правительству дѣятельное содѣйствіе Россіи въ случаѣ, если бы война возобновилась отъ неумѣренныхъ притязаній Франціи или отъ происковъ Пруссіи. Но Австрія, истощенная войною и, боясь происковъ Пруссіи, 6 октября 1797 г. уже поспѣшила заключить съ Франціею сепаратный миръ въ Кампоформіо, отказавшись отъ защиты цѣлости владѣній германской имперіи, для рѣшенія судебъ которой рѣшено было созвать конгрессъ въ Раштадтѣ. Увлекаемые своими успѣхами, французы не только домогались уступки лѣваго берега Рейна, но и стремились къ распространенію республиканскихъ идей въ сосѣднихъ странахъ: французскіе агенты волновали умы всѣми возможными средствами, вооружали одно сословіе противъ другаго, пропагандировали демократическія и антихристіанскія идеи и возбуждали народъ къ возстанію противъ правительства, употребляя для этой цѣли даже вооруженную силу. Еще до заключенія кампоформійскаго договора они учредили въ Ломбардіи республику цизальпинскую, а въ Генуѣ—лигурійскую; въ январѣ 1798 г. образована была въ Голландіи батавская республика, а 1 апрѣля 1798 г. французы заняли своими войсками Швейцарію и провозгласили тамъ республику гельветическую. Въ средней и южной Италіи французы дѣйствовали также самовластно. Воспользовавшись ничтожнымъ поводомъ для разрыва съ папой Піемъ VI, они заняли

войсками Римъ, низвергнули папское правленіе и 9 февраля 1798 г. провозгласили въ папской области римскую республику; самъ папа, глава католическаго христіанства, увезенъ былъ во Францію и посаженъ тамъ въ крѣпость. При такихъ условіяхъ установленіе республиканскаго образа правленія въ прочихъ итальянскихъ государствахъ и занятіе ихъ французскими войсками, очевидно, было только вопросомъ времени. Между тѣмъ, ходили слухи, что французы возбуждаютъ къ возстанію поляковъ, образовавшихъ уже въ республиканской арміи особые польскіе легіоны, и что цѣлью громадныхъ приготовленій къ морскому походу, производившихся тогда во Франціи, является или Англія, или русскія владѣнія на Черномъ морѣ.

Легко представить себѣ, какое дѣйствіе должно было произвести на Павла это распространеніе «революціонной заразы» по всей Европѣ. Примирительное настроеніе его политики по отношенію къ французамъ казалось ему теперь несообразнымъ. «Французы», писалъ Павелъ 21 апрѣля 1798 г., «примиряясь съ державами и областями, которыхъ вдругъ вовсе истребить или отвергнуть не были въ состояніи, разрываютъ съ ними дружбу, какъ скоро предвидятъ удобство успѣвать въ своемъ планѣ, чтобы достигать всемірнаго владычества посредствомъ заразы и утвержденія правилъ безбожныхъ и порядку гражданскому противныхъ... Оставшіяся еще внѣ заразы государства ничѣмъ толь сильно не могутъ обуздать буйство сея націи, какъ тѣсною между собою связью и готовностію одинъ другаго охранять честь, цѣлость и независимость». Императоръ однако не желалъ еще вступать въ войну съ Франціей, а предполагалъ, ограничиваясь оборонительными мѣрами, сохранить сколь возможно долѣе блага мира для своей имперіи: «употребленіе сильныхъ средствъ къ ускоренію французовъ располагаемъ мы тогда», писалъ государь, «когда буйство ихъ простерлось бы на прямыя противъ насъ дѣйствія оружіемъ или возмущеніемъ противъ насъ нашихъ подданныхъ, или на овладѣніе городами ганзеатическими и сѣверною частію Германіи, или же на новое разрушеніе мира съ императоромъ, либо съ имперіею германскою,— который уже и такъ пріобрѣтенъ слишкомъ дорогою цѣною». Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и сочувствіе императора Павла къ жертвамъ французской революціи, которыя не находили уже себѣ убѣжища нигдѣ въ Европѣ послѣ того, какъ Англія и Австрія вступили въ переговоры съ Франціей: корпусу войскъ принца Конде, составленному изъ французскихъ эмигрантовъ и бывшему на австрійской службѣ, было прямо объявлено вѣнскимъ кабинетомъ, что Австрія уже не можетъ долѣе его содержать. Для принца Конде оставалась одна надежда на императора Павла Петровича, котораго онъ нѣкогда съ такимъ радушіемъ принималъ во время его путешествія по Франціи; къ нему обратился онъ съ просьбою принять его корпусъ въ русскую службу. «По сродному намъ великодушію», писалъ Павелъ своему послу въ Вѣнѣ, графу Разумовскому, «не могли мы не внять прошенію принца о принятіи войскъ подъ командою его состоящихъ, въ нашу службу, и вслѣдствіе этого рѣшилися мы дать убѣжище симъ людямъ, жертвовавшимъ собою вѣрности къ законному государю». Въ ноябрѣ 1797 года, корпусъ эмигрантовъ, численностію до 7.000 человѣкъ, расположенъ былъ на квартирахъ въ волынской и подольской губерніяхъ и получилъ содержаніе наравнѣ съ прочими русскими войсками. Въ то же время принцъ Конде, въ сопровожденіи сына своего, герцога Бурбона, и внука, герцога Энгіенскаго, явился въ Петербургъ благодарить государя за оказанныя милости. Пріемъ, оказанный ему императоромъ, превзошелъ всѣ ожиданія принца; Павелъ тогда же ему пожаловалъ андреевскій орденъ. Вслѣдъ затѣмъ Павелъ пригласилъ прибыть въ Россію и гонимаго отовсюду Людовика XVIII, предложивъ ему для жительства Митавскій замокъ; на путевыя издержки королю назначено было 60.000 р., а на ежегодное содержаніе 200.000 р. Въ февралѣ 1798 г. Людовикъ уже поселился въ новомъ своемъ убѣжищѣ. Благодаря государя за великодушіе, Людовикъ просилъ его о новой милости. Вѣнскій дворъ насильно задерживалъ у себя изъ политическихъ разсчетовъ дочь несчастнаго казненнаго короля Людовика XVI, незадолго предъ тѣмъ освобожденную изъ рукъ революціонеровъ, и всѣ просьбы дяди ея, Людовика XVIII, о препровожденіи ея въ Митаву оставались безуспѣшны. Теперь Людовикъ просилъ императора Павла о содѣйствіи ему въ этомъ дѣлѣ. Въ отвѣтъ па эту прось-

бу онъ получилъ слѣдующее письмо отъ императора Павла: «Государь братъ мой! Королевская принцесса будетъ вамъ возвращена или я не буду Павелъ I», и графу Разумовскому повелѣно было потребовать отъ вѣнскаго двора именемъ государя освобожденія принцессы. Требованіе императора было исполнено, и принцесса, по прибытіи своемъ въ Митаву, вышла замужъ за герцога ангулемскаго, бывшаго ея женихомъ.

Для заключенія оборонительнаго союза съ Пруссіей и Австріей Павелъ Петровичъ отправилъ въ Берлинъ и Вѣну князя Репнина. Каждая изъ этихъ державъ преслѣдовала свои корыстныя цѣли къ Германіи, и потому онѣ соперничали другъ съ другомъ; мало того, Пруссія и Австрія уже доказали, что, ради соблюденія своихъ интересовъ въ Германіи, они готовы вступить въ союзъ даже съ предполагаемымъ общимъ своимъ врагомъ—Франціей. Павелъ стремился для общей цѣли сблизить своихъ союзниковъ и взялъ на себя посредничество между ними. «Мы ограничиваемъ наше желаніе», говорилъ Павелъ въ инструкціи Репнину, «тѣмъ только, чтобы между разными заинтересованными дворами скорѣе всякіе споры и недоразумѣнія миролюбное воспріяли окончаніе и черезъ то каждое благоустроенное государство нашлось въ состояніи, соединенно съ прочими, оградить себя отъ распространенія пагубныхъ замысловъ, къ разрушенію порядка и законной власти клонящихся. Оба сіи государя не могутъ не требовать себѣ нѣкотораго удовлетворенія, но надобно, чтобы они другъ къ другу относительно были справедливы и менѣе завистливы, а притомъ, чтобы въ столь непріятныхъ обстоятельствахъ, гдѣ расторженіе собственныхъ ихъ интересовъ влечетъ неминуемое предосужденіе для третьяго, желанія ихъ ограничивались крайнею умѣренностью, отвращая колико возможно большія перемѣны и потрясенія. Князю Репнину велѣно было напомнить и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, что государь «съ крайнимъ сожалѣніемъ взираетъ на то, что оба сильнѣйшія германскія государства ищутъ себѣ добычи въ ущербъ малосильнымъ и невиннымъ сочленамъ имперіи». Въ то же время Павелъ Петровичъ началъ готовиться и къ вооруженнымъ дѣйствіямъ противъ Франціи. Двѣ эскадры балтійскаго флота отправлены были въ Англію для соединенія съ англійскимъ флотомъ, а черноморскому флоту повелѣно было крейсировать въ Черномъ морѣ и быть готовымъ для содѣйствія Турціи, въ случаѣ покушенія французовъ на ея владѣнія, такъ какъ французы заняли Іоническіе острова.

Посольство Репнина въ Пруссію не имѣло успѣха. Тамъ, по кончинѣ 6 ноября 1797 г. короля Фридриха-Вильгельма II, молодой король Фридрихъ-Вильгельмъ III вполнѣ подчинился вліянію министра Гаугвица и не хотѣлъ ни связывать себя обязательствами по отношенію къ Австріи, ни вступать въ какой-либо союзъ противъ Франціи. «Не нахожу нужнымъ ходить за берлинскимъ дворомъ и вызывать его на трактатъ», отвѣчалъ Павелъ на донесеніе Репнина: «сей дворъ нашелъ бы самъ тѣснѣйшимъ сближеніемъ со мною свои выгоды и безопасность, но какъ коварный министръ короля прусскаго умѣлъ затмить своего государя, то и не остается мнѣ ничего дѣлать послѣ всего, что мною предпринято было». Зато въ Австріи спѣшили воспользоваться благопріятнымъ настроеніемъ Павла Петровича — для того, чтобы союзъ оборонительный противъ Франціи превратить въ наступательный. Цѣль эта была достигнута тѣмъ легче, что французы сами вызывали въ это время Павла Петровича на непріязненныя дѣйствія. Морскія приготовленія французовъ разрѣшились въ это время неожиданной экспедиціей генерала Бонапарта въ Египетъ. На пути туда, Бонапартъ внезапно появился передъ Мальтой, и великій магистръ ордена Гомпешъ сдалъ ему весь островъ, съ его неприступными укрѣпленіями и богатыми запасами. Французы выслали тогда русскаго посланника при мальтійскомъ орденѣ и объявили жителямъ Мальты и Іоническихъ острововъ, что всякій русскій корабль, появившійся у ихъ берега, будетъ потопленъ. Императоръ Павелъ былъ глубоко оскорбленъ этими поступками французовъ и обѣщалъ вѣнскому двору полную свою поддержку въ случаѣ разрыва съ Франціею. Черноморская эскадра адмирала Ушакова получила приказаніе двинуться къ Босфору для совмѣстнаго дѣйствія съ турецкимъ флотомъ противъ французовъ, и, наконецъ, 13 іюля 1798 г., повелѣно было 16-тысячному корпусу Розенберга собраться у Брестъ-Литовска для движенія на помощь Австріи; тогда же всѣ войска, находившіяся на западной границѣ имперіи постав-

лены были на военное положеніе, чтобы не только охранять спокойствіе въ новоприсоединенныхъ польскихъ областяхъ, но и «удерживать короля прусскаго въ нейтралитетѣ и совершенно въ пассивномъ положеніи». Вѣнскій дворъ былъ въ восторгѣ, и императоръ Францъ собственноручнымъ письмомъ выразилъ свою благодарность государю; тогда же, черезъ князя Репнина, положено было начало формальнымъ переговорамъ о бракѣ великой княжны Александры Павловны съ однимъ изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ. Большое участіе въ дальнѣйшихъ переговорахъ вѣнскаго двора съ петербургскимъ сталъ принимать съ этого времени находившійся на австрійской службѣ родной братъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, принцъ Фердинандъ виртембергскій. Въ то же время совершилось важное событіе, окончательно привязавшее императора Павла къ мальтійскому ордену: сановники и кавалеры россійскаго пріорства, собравшись въ Петербургѣ, торжественнымъ актомъ отъ 15 августа, признали Гомпеша виновнымъ въ «глупѣйшей безпечности» (de la plus stupide négligence) или соучастникомъ измѣны, объявили его низложеннымъ и просили императора Павла принять мальтійскій орденъ подъ свое державство. Императоръ Павелъ изъявилъ на это свое согласіе и манифестомъ отъ 30 августа 1798 г. далъ торжественный обѣтъ сохранить свято всѣ учрежденія ордена, ограждать его преимущества и стараться всѣми силами поставить его на ту высшую степень, на которой онъ нѣкогда находился. Наконецъ 2 ноября 1798 г. онъ возложилъ на себя званіе великаго магистра ордена и вслѣдъ затѣмъ предался его дѣламъ со всѣмъ жаромъ пылкой своей души. Казалось, онъ стремился слить званіе великаго магистра съ высокимъ саномъ русскаго императора, чтобы тѣмъ самымъ придать мальтійскому ордену, отживавшему свой вѣкъ, новое значеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усвоить русскому государю обязанность быть олицетвореніемъ средневѣковыхъ традицій ордена. Мальтійскій крестъ помѣщенъ былъ въ государственный гербъ и въ арматуру гвардейскихъ полковъ; кромѣ россійскаго католическаго пріорства учреждено было еще новое, греко-россійское, которое также состояло изъ значительнаго количества командорствъ, приносившихъ опредѣленные пожизненные доходы. Мальтійскій крестъ жалуемъ былъ за заслуги наравнѣ съ россійскими орденами. Странное зрѣлище представлялъ тогда мальтійскій орденъ, долженствовавшій служить опорой дворянства и католицизма и имѣвшій своимъ главою и покровителемъ русскаго православнаго монарха, объявившаго себя врагомъ исключительныхъ сословныхъ привиллегій и незадолго передъ тѣмъ отвѣчавшаго папѣ на его требованіе о возстановленіи нарушенныхъ правъ католическаго духовенства въ Россіи: «напрасно онъ симъ занимается»! Павла прельщалъ въ мальтійскомъ орденѣ его традиціонный рыцарскій характеръ и его мистически-религіозное направленіе, такъ отвѣчавшее его собственному религіозному міровоззрѣнію.

Въ личной жизни императора Павла происходила въ описываемый періодъ времени тяжелая драма. Павелъ Петровичъ всегда былъ ревностнымъ христіаниномъ и нѣжнымъ отцомъ и супругомъ. Вліяніе Нелидовой на его умъ и характеръ имѣло чисто нравственную основу, и это было признано самою императрицею Маріей Ѳеодоровною, сдѣлавшеюся другомъ и покровительницей фрейлины, возбуждавшей прежде ея негодованіе. И Марія Ѳеодоровна, и Нелидова, знали недостатки характера Павла и, желая ему добра, дѣйствовали совмѣстно, чтобы предохранять его отъ возможныхъ увлеченій, отъ послѣдствій его гнѣва и раздражительности. Но за два года царствованія Павла обнаружилось, что въ образѣ дѣйствій охранявшихъ его подругъ была существенная разница. Нелидова въ своихъ отношеніяхъ къ Павлу не преслѣдовала никакихъ личныхъ цѣлей, не навязывала ему никакихъ своихъ взглядовъ и симпатій, тогда какъ императрица Марія, ограничивая свою дѣятельность внѣшнимъ образомъ дѣлами благотворенія, тѣмъ не менѣе ярко выражала свою личность и въ вопросахъ, касавшихся внутренней и внѣшней политики государства. Прежде всего, императрица обнаруживала слишкомъ живое участіе къ дѣламъ многочисленной нѣмецкой своей родни, въ особенности къ судьбѣ своихъ братьевъ, не отличавшихся, въ большинствѣ случаевъ, высокими нравственными качествами; вмѣстѣ съ тѣмъ, при каждомъ представлявшемся случаѣ, она не умѣла скрыть своихъ симпатій къ Пруссіи. Приближая къ себѣ французскихъ эмигрантовъ изъ сочувствія

къ легитимному принципу, императрица Марія въ то же время покровительствовала и католическому духовенству, если интересы его связаны были съ интересами эмигрантовъ; но въ особенности любила императрица выдвигать различныхъ нѣмецкихъ выходцевъ, оцѣнивая вмѣстѣ съ ними политическое положеніе по-преимуществу съ нѣмецкой точки зрѣнія. Въ дѣлахъ политическихъ Марія Ѳеодоровна ошибочно давала также мѣсто мелочнымъ соображеніямъ семейнаго характера, не всегда имѣвшимъ связь съ общими политическими интересами Россіи. Во внутреннемъ управленіи имперіей императрица вполнѣ довѣрялась искусству братьевъ Куракиныхъ и хотя ласкала князя Безбородко и уважала его опытность, но не питала сочувствія его политическому міросозерцанію, сложившемуся въ школѣ Екатерины. Вообще въ дѣйствіяхъ императрицы, уже прославившейся своими благотвореніями, замѣтна была мелочность побужденій, стремленіе внести въ государственныя дѣла соображенія семейнаго или сентиментально-нравственнаго характера. При этомъ императрица, подобно своему супругу, усвоила себѣ ложныя понятія объ этикетѣ, возбуждая противъ себя иногда преувеличенныя обвиненія въ гордости и тщеславіи. Нелидова, будучи подругой Маріи Ѳеодоровны, дѣйствовала сообразно съ ея взглядами и своимъ вліяніемъ на Павла Петровича пользовалась иногда для достиженія ея цѣлей. Въ сущности эта невыгодная сторона вліянія обѣихъ подругъ на императора не имѣла серьезнаго значенія, сравнительно съ тѣмъ нравственнымъ равновѣсіемъ, которое, благодаря имъ, поддерживалось во впечатлительной душѣ государя, столь доступнаго постороннимъ внушеніямъ и дѣйствовавшаго часто подъ вліяніемъ первой минуты. Всегда простосердечный, искренній, государь искалъ искренности и въ другихъ, и дружба его къ Нелидовой, при его годами воспитанной подозрительности и мнительности, была для него нравственной опорой и утѣшеніемъ, такъ какъ въ ней онъ видѣлъ единственнаго человѣка, глубоко и, притомъ, совершенно безкорыстно ему преданнаго. Этимъ довѣріемъ Павла Петровича лично къ Нелидовой и объясняется относительная продолжительность вліянія на него императрицы, хотя онъ зналъ всѣ слабыя ея стороны и умѣлъ, когда считалъ это нужнымъ, противодѣйствовать ея вмѣшательству въ дѣла даже въ рѣзкой и иногда оригинальной формѣ: однажды онъ даже приказалъ арестовать императрицу, когда она, видя, что лично императоръ наказывалъ неисправнаго часоваго, бросилась къ государю, ходатайствуя о помилованіи. На постоянное заступничество Нелидовой за императрицу, ея единодушіе съ ней, подрывали довѣріе къ ней государя, и холодность его къ императрицѣ начинала постепенно отражаться на его отношеніяхъ и къ ея подругѣ. Этимъ обстоятельствомъ спѣшили воспользоваться люди, старавшіеся подчинить государя собственному своему вліянію.

Еще лѣтомъ 1797 года генералъ-адъютантъ Павла Растопчинъ слѣдующимъ образомъ отзывался объ императрицѣ и Нелидовой: «Жаль, что на императора дѣйствуютъ внушенія императрицы, которая вмѣшивается во всѣ дѣла, окружаетъ себя, нѣмцами и позволяетъ обманывать себя нищимъ (т. е. эмигрантамъ). Чтобы быть увѣреннѣе въ своемъ значеніи, она соединилась съ m-lle Нелидовой, которую она ранѣе съ полнымъ основаніемъ презирала и которая однако сдѣлалась ея постояннымъ другомъ съ 6 ноября прошлаго года. Мы, три или четыре человѣка, отверженные люди для этихъ дамъ, потому что мы служимъ одному только императору, а этого не любятъ и не хотятъ. Онѣ желали бы удалить князя Безбородко и замѣстить его княземъ Александромъ Куракинымъ, глупцомъ и пьяницей, поставить во главѣ военныхъ дѣлъ князя Репнина и управлять всѣмъ посредствомъ своихъ креатуръ. Это планъ Алексѣя Куракина, величайшаго бездѣльника, который грабитъ и запутываетъ все и безстыдно выпрашиваетъ себѣ подачки». Безбородко дѣйствительно былъ вынужденъ постоянно считаться съ Куракиными, въ особенности послѣ того, когда онъ вступилъ съ нимъ въ открытую борьбу по поводу финансовыхъ проектовъ Алексѣя Куракина. И Растопчинъ, и Безбородко, постоянные докладчики императора, умѣли указывать при удобномъ случаѣ на слабыя стороны императрицы и находили себѣ усерднаго помощника въ оберъ-гардеробмейстерѣ Кутайсовѣ, который по прежнему былъ брадобреемъ и камердинеромъ государя и въ лицѣ императрицы видѣлъ препятствіе къ дальнѣйшему своему возвышенію. Къ этимъ тремъ лицамъ, близко

стоявшимъ къ особѣ государя, примыкала масса лицъ, также враждебно настроенныхъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, противъ императрицы. Почва для интригъ была подготовлена, и уже въ концѣ 1797 года императоръ неоднократно выражалъ своей супругѣ неудовольствіе по разнымъ поводамъ на столько сильно, что Нелидовой стоило большихъ усилій смягчать его гнѣвъ. Враги императрицы стремились однако поселить совершенное отчужденіе между государемъ и его супругой.

28 января 1898 года императрица Марія разрѣшилась отъ бремени четвертымъ сыномъ, Михаиломъ. Роды были трудные, и медики государыни, а также берлинскій профессоръ—акушеръ Мекель, нарочно приглашенный для этого случая, доложили Павлу Петровичу, что императрица не въ состояніи будетъ перенести другіе; современники разсказываютъ, что врачи эти были подкуплены врагами императрицы и прямо называютъ одного изъ нихъ—Кутайсова. Государь очень безпокоился о здоровьѣ своей супруги, тѣмъ болѣе, что она вслѣдъ затѣмъ потеряла свою мать, герцогиню виртембергскую, скончавшуюся среди приготовленій къ отъѣзду своему въ Россію. Медики предписали Маріи Өеодоровнѣ тихій и спокойный образъ жизни въ любимомъ ею Павловскѣ. Между тѣмъ, Растопчинъ позволялъ себѣ громко выражать свои мнѣнія объ императрицѣ и за то 4 марта былъ уволенъ отъ службы. Но сочувствовавшая ему партія также не дремала. 5 мая Павелъ Петровичъ выѣхалъ изъ Петербурга въ сопровожденіи старшихъ сыновей своихъ для путешествія въ Москву и Казань. Встрѣча, оказанная императору въ Москвѣ, была восторженная, несравненно теплѣе, чѣмъ прежде, и государь неоднократно высказывалъ свое удовольствіе, замѣчая съ грустью, что въ Петербургѣ, какъ ему кажется, его «гораздо болѣе боятся, чѣмъ любятъ». Тогда Кутайсовъ объяснилъ государю, что его считаютъ тамъ за тирана и что лишь вліяніемъ государыни и Нелидовой объясняютъ благодѣтельныя и разумныя распоряженія. Въ Москвѣ же Павелъ Петровичъ обратилъ вниманіе на 19-лѣтнюю дочь сенатора Лопухина, Анну Петровну, личность безцвѣтную, но добрую и простосердечную. Государю представили, что Лопухина любитъ его до безумія, и Павелъ Петровичъ, только что разочаровавшійся въ давнихъ своихъ привязанностяхъ, глубоко тронутъ былъ видимою привязанностію къ себѣ молодой, неопытной дѣвушки. По приказанію Павла, семья Лопухиныхъ приглашена была переѣхать въ Петербургъ, гдѣ отецъ Лопухиной, Петръ Васильевичъ Лопухинъ, долженъ былъ получить новое назначеніе. Въ Москвѣ и Казани строгій императоръ вообще показалъ себя милостивымъ ко всѣмъ сословіямъ, а отъ крестьянъ принималъ даже прошенія съ жалобами на помѣщиковъ; войска, со страхомъ шедшіе на смотры къ взыскательному государю, также встрѣтили его одобреніе. На возвратномъ пути въ Петербургъ, въ Тихвинѣ, Павелъ Петровичъ встрѣченъ былъ 8 іюня императрицей и Нелидовой; тамъ онѣ уже «узнали свою бѣду», хотя императоръ и не далъ имъ почувствовать своего неудовольствія. Но, по возвращеніи въ Павловскъ, Павелъ Петровичъ холодно сталъ относиться и къ Куракинымъ, и къ военному петербургскому губернатору Буксгевдену, какъ къ креатурамъ императрицы. Въ особенности дурно обошелся императоръ съ Куракиными, ошибки и злоупотребленія которыхъ не разъ и прежде вызывали его неудовольствіе; современники разсказываютъ, что Алексѣя Куракина императоръ неоднократно подвергалъ взысканіямъ въ самой оскорбительной формѣ. Приписывая перемѣну въ императорѣ исключительно вліянію чувства его къ Лопухиной, Марія Өеодоровна, узнавъ о предполагаемомъ ея пріѣздѣ въ Петербургъ, написала ей письмо, въ которомъ совѣтовала ей остаться въ Москвѣ. Эта неудачная мысль императрицы ускорила развязку. Павелъ вышелъ изъ себя, безпощадно обошелся съ своей супругой и Нелидовой и затѣмъ произвелъ цѣлый рядъ перемѣнъ въ высшемъ управленіи государствомъ, замѣняя лицъ, преданныхъ императрицѣ, людьми новыми и, по его мнѣнію, болѣе способными. Вмѣсто Куракиныхъ, вице-канцлеромъ назначенъ былъ племянникъ Безбородко, Кочубей, а генералъ-прокуроромъ отецъ Лопухиной, Петръ Васильевичъ Лопухинъ, ловкій придворный, но безкорыстный и опытный дѣлецъ; вновь принятый на службу Растопчинъ переименованъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и сдѣланъ членомъ иностранной коллегіи, а Кутайсовъ пожалованъ былъ въ егермейстеры. Но важнѣе всѣхъ этихъ перемѣнъ было назначеніе

военнымъ губернаторомъ Петербурга барона Палена, вмѣсто графа Буксгевдена. Паленъ былъ одинъ изъ тѣхъ многихъ, которые пострадали въ царствованіе Павла. Тогда онъ былъ лифляндскимъ военнымъ губернаторомъ и подвергся гнѣву императора за военныя почести, оказанныя имъ князю Зубову при проѣздѣ его чрезъ Ригу. 26 февраля 1797 г. императоръ писалъ Палену: «Съ удивленіемъ освѣдомился я обо всѣхъ подлостяхъ, вами оказанныхъ въ проѣздѣ князя Зубова чрезъ Ригу; изъ чего и дѣлаю я сродное о свойствѣ вашемъ заключеніе, по коемъ и поведеніе мое противъ васъ соразмѣрно будетъ»; вслѣдъ затѣмъ Паленъ былъ уволенъ отъ службы. Но осенью 1797 г., пользуясь содѣйствіемъ подруги своей жены, графини Ливенъ, воспитательницы великихъ княженъ, Паленъ былъ вновь принятъ на службу. Императоръ, отходчивый въ своемъ гнѣвѣ, цѣнилъ исполнительность и военныя дарованія Палена и назначилъ его командиромъ конной гвардіи. Находясь въ этой должности, Паленъ успѣлъ сблизиться съ Кутайсовымъ, который постоянно началъ доводить до свѣдѣнія государя самые лестные о немъ отзывы. «Никогда я не слыхалъ», выразился однажды Павелъ, «чтобы о комъ-либо говорили такъ много хорошаго, какъ о Паленѣ. Я, значитъ, довольно ложно судилъ о немъ и долженъ эту несправедливость поправить». «Предавшись такому теченію мыслей», разсказываетъ современникъ, «государь все милостивѣе и милостивѣе сталъ обращаться съ Паленомъ, который вскорѣ такъ опуталъ его своими оригинальными и лицемѣрно-чистосердечными рѣчами, что сталъ ему казаться самымъ подходящимъ человѣкомъ для занятія должности важнѣйшей послѣ генералъ-прокурорской, требующей вѣрнаго взгляда, ретиваго усердія и безграничнаго послушанія». 25 іюля 1798 г. Паленъ назначенъ былъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ.

Императоръ былъ радъ, что сбросилъ съ себя, какъ онъ выражался, *иго* императрицы и удалилъ отъ себя людей, ей преданныхъ. Многіе, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, были высланы изъ Петербурга, въ томъ числѣ графиня Буксгевденъ, подруга Нелидовой; тогда и Нелидова сама пожелала слѣдовать за своей подругой въ ея имѣніе, въ замокъ Лоде, и просила на это разрѣшеніе государя, заклиная его въ то же время, въ своемъ письмѣ по этому поводу, не довѣряться Кутайсову. Павелъ Петровичъ былъ крайне огорченъ этимъ намѣреніемъ своего друга и пытался удержать ее въ Петербургѣ. «Я не понимаю», писалъ онъ ей между прочимъ, «причемъ тутъ Кутайсовъ или кто другой въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Онъ или кто другой, кто позволилъ бы внушать мнѣ или дѣлать что-либо, противное правиламъ моей чести и совѣсти, навлекъ бы на себя то же, что постигло теперь многихъ другихъ. Вы лучше, чѣмъ кто-либо, знаете, какъ я чувствителенъ и щекотливъ по отношенію къ нѣкоторымъ пунктамъ, злоупотребленія которыми, вы это знаете, я не въ силахъ выносить. Вспомните факты, обстоятельства. Теперь обстоятельства и я самъ — точь-въ-точь такіе же. Я очень мало подчиняюсь вліянію того или другаго человѣка, вы это знаете... Клянусь предъ Богомъ въ истинѣ всего, что я говорю вамъ, и совѣсть моя предъ нимъ чиста, какъ желалъ бы я быть чистымъ въ смертный свой часъ. Вы можете увидѣть отсюда, что я не боюсь быть недостойнымъ вашей дружбы». Считая себя правымъ по отношенію къ императрицѣ, государь не замѣчалъ крайней опасности, которой онъ могъ подвергнуться, благодаря недостаткамъ своего характера—особенно въ это время, когда своими преобразованіями онъ возбудилъ противъ себя столько враговъ и недоброжелателей. Императрица Марія, горячо любившая своего супруга, ясно сознавала, что послѣ удаленія Нелидовой возлѣ Павла Петровича не оставалось болѣе никакого сдерживающаго элемента. «Сколько бы Иванъ (т. е. Кутайсовъ) ни говорилъ императору,» писала она Нелидовой, «что, по мнѣнію общества, вы и я вмѣстѣ управляемъ имъ и его дѣйствіями, — онъ не можетъ повѣрить этому, не припомнивъ себѣ, что мы только противодѣйствовали его горячности, его гнѣвнымъ вспышкамъ, его подозрительности, заклиная его оказать какую-либо милость или пробуя воспрепятствовать какой-либо жестокости, которая могла бы уронить его въ глазахъ его подданныхъ и отвратить отъ него ихъ сердца. Преслѣдовали ли мы когда-либо другую какую-либо цѣль, кромѣ его славы и блага его особы, да и могли ли мы, великій Боже, имѣть что-либо другое въ виду, вы—какъ вполнѣ преданный, истинный его другъ, я—какъ его другъ, какъ его жена, какъ мать его дѣтей? У насъ

никогда не хватало низости одобрять императора, когда этому препятствовала наша совѣсть, но знаю, какое счастіе испытывали мы, когда имѣли возможность отдавать полную справедливость его великодушнымъ поступкамъ, его добрымъ и лойяльнымъ намѣреніямъ!» Но надеждамъ Маріи Ѳеодоровны, что Павелъ Петровичъ еще можетъ возвратить ей свою дружбу, не суждено было осуществиться. Кутайсовъ и другія лица, окружавшія государя, постоянно питали его подозрительность, намекая, что императрица преслѣдуетъ честолюбивыя цѣли и, пользуясь недовольствіемъ гвардіи и дворянства, можетъ повторить революцію 1762 г. «Если вы, сударыня», сказалъ однажды Павелъ своей супругѣ, «захотите когда-либо сыграть роль Екатерины II, то, по крайней мѣрѣ, не ожидайте встрѣтить во мнѣ Петра III». Послѣ удаленія Нелидовой въ замокъ Лоде, императоръ велѣлъ даже вскрывать переписку ея съ императрицей, чтобы судить о чувствахъ и намѣреніяхъ своей супруги. Положеніе Маріи Ѳеодоровны сдѣлалось вскорѣ невыносимымъ, такъ какъ всѣ лица, оказывавшія ей участіе, были подозрительны для государя, и она думала даже отказаться отъ управленія воспитательными и благотворительными заведеніями; въ концѣ концовъ ей пришлось обратиться къ Павлу Петровичу «съ единственной просьбой» — относиться къ ней вѣжливо при публикѣ. Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи также чувствовали недовѣріе къ себѣ со стороны отца, знавшаго о ихъ довѣріи къ матери. Дурной пріемъ встрѣтили у императора и два брата Маріи Ѳеодоровны, принцы виртембергскіе: Фердинандъ и Александръ, бывшіе на австрійской службѣ и явившіеся въ іюлѣ 1798 г. въ С.-Петербургъ просить государя оказать Австріи немедленную поддержку всѣми военными силами имперіи. Но государь ограничился только посылкою на помощь Австріи 16-тысячнаго корпуса Розенберга и, въ отвѣтъ на настоянія принцевъ, замѣтилъ имъ, что, прежде чѣмъ вмѣшиваться въ дѣла своихъ сосѣдей, онъ желаетъ упрочить счастіе своей имперіи. Къ принцу Фердинанду императоръ относился вообще холодно и однажды даже повернулся къ нему спиной въ присутствіи всего двора. Для императрицы Маріи такой образъ дѣйствій императора былъ тѣмъ прискорбнѣе, что Фердинандъ явился просить руки великой княжны Александры Павловны для эрцгерцога Іосифа, палатина венгерскаго, и она боялась, что императоръ можетъ помѣшать осуществленію этого брачнаго проекта. Когда, вслѣдъ затѣмъ, корпусъ Розенберга, по вступленіи своемъ въ предѣлы Австріи, сталъ получать отъ австрійцевъ недостаточное количсство провіанта, то императоръ приказалъ Розенбергу распустить войска и расположить ихъ по квартирамъ до тѣхъ поръ, пока австрійцы не образумятся. Вѣнскій дворъ спѣшилъ исправить свою ошибку и, по желанію императора Павла, приказалъ принцу Фердинанду, возвратившемуся изъ Петербурга, имѣть личное, ближайшее попеченіе о нуждахъ и удобствахъ русскихъ войскъ.

Политическія дѣла принимали такой оборотъ, что государь въ скоромъ времени увидѣлъ себя вынужденнымъ вступить для обузданія Франціи въ тѣснѣйшій союзъ съ Австріей и Англіей. Мало того, онъ потребовалъ отъ Пруссіи присоединенія къ коалиціи и угрожалъ ей войною, если она какимъ-либо образомъ помѣшаетъ Австріи въ ея приготовленіяхъ къ разрыву съ Франціей. Рѣшившись на войну ради желанія остановить развитіе «революціонной заразы», а не изъ жажды завоеванія. Павелъ Петровичъ ожидалъ такого же безкорыстія и со стороны своихъ союзниковъ. Розенбергу предписано было внушать повсюду, гдѣ будетъ находиться его корпусъ, что русскія войска пришли на помощь союзнику «отнюдь не въ видѣ споспѣшествовать властолюбивымъ намѣреніямъ, но для подкрѣпленія его къ обузданію народа, устремившагося на разрушеніе благоустроенныхъ державъ» и «для возстановленія престоловъ и алтарей». Уже въ октябрѣ черноморская эскадра адмирала Ушакова, соединившись съ турецкимъ флотомъ, двинулась къ Іоническимъ островамъ для изгнанія отсюда французовъ, а между тѣмъ въ Италіи французы принудили сардинскаго короля Карла-Эммануеля отказаться отъ престола, а въ декабрѣ заняли Неаполь, принудивъ неаполитанскаго короля Фердинанда IV бѣжать въ Сицилію, и провозгласили тамъ парѳенопейскую республику. Между тѣмъ вѣнскій дворъ медлилъ объявить войну Франціи, въ надеждѣ вызвать императора Павла на помощь въ бо̀льшихъ размѣрахъ. Дѣйствительно, въ январѣ 1799 года, Павелъ Петровичъ, по просьбѣ Австріи, вмѣсто одного, отправилъ ей три вспомогательныхъ кор-

пуса и, наконецъ, пожертвовавъ личными своими неудовольствіями, далъ ей, по желанію императора Франца, военачальника въ лицѣ Суворова. Маститый герой вызванъ былъ изъ села Кончанскаго, гдѣ онъ жилъ, скучая въ бездѣятельности, въ Петербургъ собственноручнымъ письмомъ императора. Еще въ началѣ 1798 г. Павелъ вызывалъ его въ Петербургъ, предлагая ему вступить въ службу, но старый фельдмаршалъ, очевидно, не хотѣлъ вступать въ ряды плацпарадныхъ генераловъ и уѣхалъ обратно въ деревню. Теперь призывъ къ боевой дѣятельности оживилъ стараго полководца, и онъ поспѣшилъ на зовъ государя. Не довѣряя «воображенію Суворова, заставляющаго его иногда забывать все на свѣтѣ», императоръ сначала думалъ дать ему дядьку въ лицѣ генерала Германа, но, увидѣвшись съ Суворовымъ и увлекшись его военнымъ геніемъ, сказалъ ему: «веди войну какъ знаешь» и предписалъ корпуснымъ командирамъ не писать императору ничего помимо фельдмаршала. Государь самъ возложилъ на Суворова орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго; разсказываютъ, что Суворовъ при этомъ упалъ на колѣни и воскликнулъ «Боже, спаси царя!»,—а государь отвѣчалъ ему: «Да спасетъ Богъ тебя для спасенія царей»! «Мы молимъ Господа Бога нашего», писалъ Павелъ Суворову предъ отъѣздомъ его въ Вѣну 1 марта, «да благословитъ ополченіе Наше, даруя побѣду на враги вѣры христіанской и власти, отъ Всевышняго постановленной, и да пребудутъ воины россійскіе словомъ, дѣломъ и помышленіемъ истинными сынами отечеству и Намъ вѣрноподданными».

Послѣднія слова Павла Петровича имѣли весьма серьезное значеніе и для войскъ, отправлявшихся въ заграничный походъ, и для объясненія многихъ распоряженій Павла по внутреннимъ дѣламъ имперіи. 4 января императоръ писалъ Розенбергу, командовавшему русскими войсками въ Австріи до прибытія Суворова: «Французскій посланникъ (въ Берлинѣ) аббатъ Сіейсъ, между прочими своими вредными затѣями, вздумалъ напечатать на русскомъ языкѣ переводъ книги подъ названіемъ: «Право человѣка», «Катехизисъ» развратный и другія мерзкія сочиненія, коихъ развращеніе умовъ есть цѣлью, въ чемъ онъ полагаетъ предуспѣть, разсѣявъ множество экземпляровъ сихъ сочиненій какъ по границѣ, такъ и въ корпусахъ, за оными находящихся. Если сіе точно правда, то вѣрно присланы будутъ многіе люди для употребленія книгъ сихъ и между войсками, подъ командою вашею находящимися, присовокупляя къ сему лесть, обѣщанія и проповѣдуя пагубную вольность. И дабы для предупрежденія сего зла, отъ намѣреній сихъ произойти могущихъ, чинить крѣпкое смотрѣніе за всѣмъ тѣмъ, что на развращеніе умовъ можетъ подать поводъ, употребляя лазутчиковъ для развѣдыванія происходящаго между офицерами, и открыть, если кто изъ нихъ дѣломъ или словомъ какимъ вознамѣрится возстать противъ власти начальства или вводить язву моральную. Если же употребленныхъ по сему дѣлу найдутся быть подданные римскаго императора, то вы отнеситесь, извѣряя мнѣніе о семъ или начальствующихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сіе случилось, или же увѣдомляйте для истребованія виновнымъ наказанія къ послу Нашему, въ Вѣнѣ пребывающему».

Это письмо Павла ясно доказываетъ, что война съ французами пріобрѣла въ его глазахъ значеніе внутренняго дѣла для Россіи. Борьба съ «модными философическими системами» и «пагубными ученіями» велась не однимъ оружіемъ, но и другими средствами власти, бывшими въ распоряженіи императора. Но «моральную язву» государь преслѣдовалъ болѣе всего мѣрами полицейскими, забывая наставленіе Екатерины, что идеи нельзя уничтожать пушками. Еще въ апрѣлѣ 1798 г. былъ запрещенъ французамъ въѣздъ въ Россію, а вслѣдъ затѣмъ и всѣхъ прочихъ иностранцевъ повелѣно впускать въ Россію не иначе, какъ съ особаго на каждый отдѣльный случай высочайшаго разрѣшенія. Одновременно съ этимъ затрудненъ былъ до послѣдней возможности и выѣздъ русскихъ подданныхъ за границу. Запрещено было даже молодымъ людямъ ѣздить въ заграничные университеты для обученія, «по причинѣ возникшихъ нынѣ въ иностранныхъ училищахъ зловредныхъ правилъ къ воспаленію незрѣлыхъ умовъ, на необузданныя и развратныя умствованія подстрекающихъ, и вмѣсто ожидаемой отъ воспитанія посылаемыхъ туда молодыхъ людей пользы, пагубу имъ навлекающихъ». Но, «дабы не ограничить тѣмъ способовъ къ образованію и просвѣщенію, въ особенности благородному юношеству лифляндскому, эстляндскому и курлянд-

скому, и тѣмъ наипаче воздѣйствовать къ общему и частному благу», разрѣшено было прибалтійскому дворянству, указомъ отъ 9 апрѣля 1798 г. основать собственный университетъ въ Дерптѣ. Все, что напоминало или могло напомнить о революціонныхъ идеяхъ вообще подвергалось строгому преслѣдованію императора даже въ мелочахъ; такъ, указомъ отъ 5 мая 1798 г., запрещено было фабрикантамъ выдѣлывать трехцвѣтныя ленты, а купцамъ торговать ими. Иногда совершенно невинныя замѣчанія или неудачныя выраженія даже приближенныхъ къ государю лицъ приводили его въ дурное настроеніе духа, если вызывали въ немъ мысль о «моральной язвѣ» революціонныхъ ученій. Во время путешествія Павла Петровича въ Казань статсъ-секретарь его, Нелединскій, сидѣвшій съ нимъ въ каретѣ, сказалъ государю, проѣзжая чрезъ какіе-то обширные лѣса: «Вотъ первые *представители* лѣсовъ, которые далеко простираются за Уралъ».—«Очень поэтически сказано», возразилъ съ гнѣвомъ императоръ, «но совершенно неумѣстно: извольте сейчасъ выйти вонъ изъ коляски». При такомъ нервномъ настроеніи государя неудивительно, что иногда самаго мельчайшаго случая было достаточно, чтобы навлечь на многихъ подозрѣніе въ «пагубномъ вольномысліи». Многіе посажены были въ крѣпость или отданы подъ надзоръ полиціи по самымъ ничтожнымъ поводамъ.

При дворѣ также не было спокойно. Государь боялся образованія партіи императрицы и удалилъ изъ Петербурга всѣхъ, кто уже извѣстенъ былъ въ качествѣ ея сторонниковъ; такой же участи подверглись, одинъ за другими, и всѣ лица, пользовавшіяся дружбою великаго князя Александра Павловича; въ томъ числѣ удаленъ былъ, по особому поводу, и князь Адамъ Чарторижскій, назначенный посланникомъ къ сардинскому королю. Даже переписка молодыхъ великихъ княгинь: Елисаветы Алексѣевны и Анны Θеодоровны подвергалась вскрытію. Новая фаворитка государя, Лопухина, не имѣла никакого вліянія на дѣла и владѣла умомъ государя въ гораздо меньшей степени, чѣмъ Нелидова. По молодости и неопытности она не видѣла опасностей, окружавшихъ ея царственнаго поклонника, но по своей добротѣ часто испрашивала прощенія лицамъ, съ которыми императоръ поступалъ слишкомъ строго. Никѣмъ не сдерживаемый, всегда волнующійся, государь мучился тысячами подозрѣній, раздуваемыхъ для своихъ личныхъ цѣлей Кутайсовымъ и его согласниками. Императрица относилась къ Лопухиной всегда очень хорошо, чтобы угодить своему супругу, и вела себя очень сдержанно и съ достоинствомъ. Но императоръ не довѣрялъ ея молчаливому терпѣнію. «Павелъ думалъ», разсказываетъ Чарторижскій «что сыновья недостаточно ему преданы, что его супруга сама хочетъ царствовать вмѣсто него. Ему успѣли внушить глубокое недовѣріе и къ ней, и къ его старымъ слугамъ. Тогда-то началось для всѣхъ тѣхъ, кто приближался ко двору, время боязни и вѣчной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Каждый рисковалъ быть высланнымъ, получить оскорбленіе въ присутствіи всего двора, благодаря какой-либо неожиданной вспышкѣ императора, который обыкновенно поручалъ эту непріятную коммисію гофмаршалу... Придворные балы и праздники были мѣстомъ, гдѣ рисковали потерять свое положеніе и свободу. Императоръ воображалъ иногда, что бываютъ не совсѣмъ почтительны къ особѣ, которую онъ уважалъ, или къ ея родственницамъ и подругамъ, и что это есть слѣдствіе злоумышленій императрицы. Этого было достаточно, чтобы императоръ приказывалъ тотчасъ удалить предполагаемаго виновнаго отъ двора. Недостаточно глубокій поклонъ, невѣжливый поворотъ спины во время контрданса, или какой-либо другой промахъ въ этомъ родѣ, были поводомъ къ тому, что балы и другія придворныя собранія по вечерамъ, подобно тому, какъ утромъ парады, сопровождались прискорбными послѣдствіями для лицъ, на которыхъ падало подозрѣніе или недовольствіе государя. Проявленія его гнѣва и его рѣшенія были внезапны и тотчасъ приводились въ исполненіе... Всѣ тѣ, кто составлялъ дворъ или появлялся передъ императоромъ, находились въ состояніи постоянной боязни; никто не былъ увѣренъ въ томъ, что останется на своемъ мѣстѣ до конца дня; ложась спать, никто не могъ поручиться за то, что ночью или рано утромъ не явится къ нему фельдъегерь и не посадитъ его въ кибитку. Это были привычные случаи, которые сдѣлались даже предметомъ постоянныхъ шутокъ. Такое положеніе вещей началось со времени немилости къ m-lle Не-

лидовой и продолжалось, все усиливаясь, въ теченіе всего царствованія Павла».

При такихъ условіяхъ законодательная дѣятельность императора Павла приняла еще болѣе рѣзкій характеръ борьбы съ установившимися при Екатеринѣ порядками. Правительственные взгляды Павла Петровича проявились уже совершенно опредѣленно и слагались въ стройную систему. Императоръ хотѣлъ говорить не съ учрежденіями, а съ лицами, бывшими непосредственными исполнителями его повелѣній, и поэтому въ его царствованіе тихо, незамѣтно, совершался переходъ отъ коллегіальнаго начала къ единоличному, министерскому—въ высшемъ управленіи, отъ сословнаго—къ бюрократическому въ низшемъ. Еще въ царствованіе Екатерины коллегіальное начало управленія стало ослабѣвать въ своемъ значеніи. Президенты иностранной, военной и адмиралтействъ-коллегій, имѣя личные доклады у государя, оказывали сильное вліяніе на ходъ дѣлъ въ коллегіяхъ; сенатъ постепенно утрачивалъ функціи «правительствующаго» и пріобрѣталъ судебный характеръ; зато генералъ-прокуроръ, по идеѣ власть наблюдающая, совмѣщалъ въ своемъ лицѣ обязанности министровъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ; остальныя вѣдомства также были на дорогѣ къ единоличному управленію. Императоръ Павелъ, со свойственною ему быстротою, придалъ этому движенію болѣе силы, стремясь, въ то же время, разграничить отдѣльныя вѣдомства и установить между ними необходимую связь. Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Екатерины, возстановлены были на прежнемъ основаніи закрытыя ею бергъ, мануфактуръ и коммерцъ-коллегіи, «по крайней неудобности въ раздробленіи важныхъ отдѣленій государственной экономіи», но надъ президентами этихъ коллегій поставлены были главные директоры, имѣвшіе право личнаго доклада у императора. Вслѣдъ затѣмъ, указомъ отъ 4 декабря 1796 г., финансовая часть отнята была у генералъ-прокурора и ввѣрена особому лицу, государственному казначею, которому подчинены были четыре экспедиціи. Генералъ-прокурору ввѣрена была зато вновь учрежденная экспедиція государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства; у него же въ вѣдѣніи находилась основанная Павломъ при сенатѣ школа для обученія юнкеровъ (молодыхъ дворянъ), географическій департаментъ и, одно время, управленіе государственныхъ лѣсовъ. По отношенію къ сенату генералъ-прокуроръ всталъ въ еще болѣе независимое положеніе, чѣмъ при Екатеринѣ. Работа по составленію новаго уложенія поручена была ему, а не сенату; на него же возложена была «повсемѣстная бдительность въ благоуспѣшномъ теченіи разнаго рода дѣлъ, въ приказахъ производимыхъ, и о точномъ сохраненіи законовъ, на всѣ части государственнаго управленія». Сенатъ почти превращенъ былъ въ судебное мѣсто, такъ какъ всѣ его департаменты заняты были рѣшеніемъ запущенныхъ старыхъ дѣлъ, которыхъ къ началу царствованія Павла оказалось 11,746; для скорѣйшаго окончанія ихъ учреждены были даже три временныхъ департамента; лишь въ 1799 году сенатъ получилъ нѣкоторое значеніе въ администраціи установленіемъ сенаторскихъ ревизій по губерніямъ. Но и видоизмѣненныя коллегіи не удовлетворяли государя: онъ желалъ видѣть предъ собою не докладчиковъ только по дѣламъ какого-либо вѣдомства, но лицъ, отвѣтственныхъ за управленіе имъ. Въ «Учрежденіи объ императорской фамиліи», создавшемъ новый, дотолѣ не существовавшій департаментъ удѣловъ, завѣдываніе департаментомъ и отвѣтственность по дѣламъ его возложено было на *министра* удѣловъ. Эту должность Павелъ пытался примѣнить впослѣдствіи и къ другимъ частямъ государственной машины, такъ какъ въ 1800 году учреждено было министерство коммерціи и тогда же предположено было къ осуществленію министерство финансовъ. Но попытки эти не могли получить надлежащаго значенія, такъ какъ при бюрократическомъ элементѣ предполагалось еще сохранить коллегіальный, придавъ послѣднему роль исполнительную.

Если, такимъ образомъ, высшее управленіе въ Россіи при Павлѣ Петровичѣ находилось въ хаотическомъ состояніи, то причина тому заключается въ происходившей смѣнѣ старыхъ отжившихъ началъ съ новыми, еще не вполнѣ опредѣлившимися. При этомъ условіи невозможно было ни единство между разными частями управленія, ни правильный контроль надъ ними. Ни изумительная по своей мелочности государственная дѣятельность императора, ни его знаменитый желтый ящикъ,

прибитый къ воротамъ Зимняго дворца для всеподданнѣйшихъ прошеній и жалобъ,—не могли, разумѣется, помочь горю. Совѣтъ при высочайшемъ дворѣ игралъ по истинѣ жалкую роль, не исполняя никакой опредѣленной законодательной или административной функціи: дѣла, подлежавшія его разсмотрѣнію носили по большей части случайный характеръ. При различіи взглядовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ рѣшать вопросы возможно было не иначе, какъ представляя ихъ на высочайшее усмотрѣніе. По вопросу, напримѣръ, о внутреннемъ судоходствѣ представлено было императору три различныхъ мнѣнія: купечества, комерцъ-коллегіи и президента адмиралтействъ-коллегіи; Павелъ, по разсѣянности, утвердилъ ихъ всѣ. Къ сожалѣнію, предпринятая императоромъ въ самомъ началѣ его царствованія сложная кодификаціонная работа, возложенная на комиссію составленія законовъ, не отвѣчала его ожиданіямъ. Не смотря на участіе въ работахъ комиссіи извѣстнаго тогда законовѣда Полѣнова, работа комиссіи, быть можетъ благодаря нетерпѣливости Павла, поставлена была на ложную дорогу: невозможно было дать государству новое законодательство безъ предварительнаго историческаго собранія законовъ. Къ концу царствованія Павла, комиссія выработала однако 17 главъ о судопроизводствѣ, 9—о дѣлахъ вотчинныхъ и 13—объ уголовныхъ законахъ.

Успѣшному ходу законодательной дѣятельности Павла Петровича препятствовало въ значительной степени отсутствіе у государя талантливыхъ трудолюбивыхъ сотрудниковъ. Притомъ частая смѣна высшихъ государственныхъ сановниковъ сама по себѣ была уже достаточной причиной для медленнаго и непослѣдовательнаго производства дѣлъ. Малѣйшее неудовольствіе государя по какому-либо ничтожному поводу влекло иногда за собою увольненіе отъ должности даже такихъ лицъ, которыя по своему положенію, казалось, были надолго застрахованы отъ немилости: никто не зналъ, что ожидаетъ его завтра, и никто, поэтому, не имѣлъ охоты и возможности приниматься за дѣла, требовавшія долгой и усидчивой работы. Князь П. В. Лопухинъ, отецъ фаворитки Павла, смѣнившій князя Алексѣя Куракина въ должности генералъ-прокурора, — не усидѣлъ на ней, по интригамъ Кутайсова, и года: уже 7 іюля 1799 г. на его мѣсто назначенъ былъ генералъ отъ инфантеріи Беклешовъ.—«Зналъ ли ты прежнихъ генералъ-прокуроровъ?» говорилъ государь только что опредѣленному Беклешову: «какой былъ генералъ-прокуроръ Куракинъ! какой Лопухинъ! Ты да я, я да ты: мы одни будемъ дѣла дѣлать»! Но Беклешовъ также не долго оставался генералъ-прокуроромъ, и уже 8 февраля 1800 г. императоръ могъ повторять назначенному на его мѣсто Обольянинову то же, что онъ говорилъ раньше Беклешову.

При хаотическомъ состояніи высшаго управленія неудивительно, что Павелъ долженъ былъ самъ входить во всѣ подробности и мѣстнаго управленія, желая все знать и всему давать направленіе. Переписка государя съ мѣстными начальниками, особенно съ командующими генералами и губернаторами, одна заняла бы цѣлые томы. Въ губернаторахъ Павелъ также желалъ видѣть отвѣтственныхъ правителей губерній, возлагая на нихъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе правъ и обязанностей. Помимо обязанностей административно - полицейскихъ, они должны были нести отвѣтственность по дѣламъ фискальнымъ и даже судебнымъ. Казенные и частные убытки, происходившіе отъ какихъ-либо упущеній мѣстной администраціи, напримѣръ отъ грабежей, губернаторы должны были возмѣщать собственнымъ имуществомъ; во многихъ уѣздныхъ городахъ роль губернатора исполняли такъ называемые городничіе. Павелъ зорко слѣдилъ за дѣйствіями мѣстной администраціи: малѣйшая ошибка или недомолвка въ донесеніяхъ, малѣйшее злоупотребленіе или упущеніе, доходившее до свѣдѣнія государя, влекли за собою тотчасъ или его выговоръ, или увольненіе и исключеніе отъ службы; такъ, напримѣръ, вятскій губернаторъ Модерахъ за ошибку получилъ выговоръ въ формѣ «дурака», костромской—Кочетовъ, послѣ разграбленія почты въ его губерніи, вынужденъ былъ покрыть убытки казны и частныхъ лицъ отъ этого грабежа изъ собственнаго имущества, симбирскій—Корминъ былъ уволенъ отъ службы за принятіе почестей, ему несвойственныхъ, городничій Пирхъ, который, «забывъ всѣ обязанности служенія, публично ходилъ въ круглой шляпѣ, во фракѣ, и сею неблагопристойною одеждою ясно изображалъ развратное свое поведеніе, употребляя также казенныхъ людей въ свои до-

машнія услуги», исключенъ былъ изъ службы и долженъ былъ просить прощенія на колѣняхъ при разводѣ у какого-то полковника Жукова и т. д. Наконецъ, для подробнаго изслѣдованія на мѣстѣ состоянія губерній и дѣйствій администраціи, Павелъ, именнымъ указомъ сенату отъ 6 октября 1799 г., возобновилъ сенаторскія ревизіи, раздѣливъ для этой цѣли, указомъ отъ 1 декабря, всѣ губерніи на 8 частей. Всѣ эти мѣры приводили къ тому, что въ губерніяхъ былъ образцовый по внѣшности порядокъ, хотя создавшаяся въ то время поговорка: «положеніе хуже губернаторскаго» свидѣтельствуетъ о всей тяжести службы правителей губерній: разбойничество, напримѣръ, столь развившееся въ царствованіе Екатерины въ приволжскихъ губерніяхъ, было совсѣмъ уничтожено. Вообще проявленіе произвола съ чьей бы то ни было стороны, хотя бы самыхъ высокопоставленныхъ лицъ, вызывало гнѣвъ императора и строгія кары; генералъ-адъютантъ князь Щербатовъ, напримѣръ, за битье почтальоновъ и взятіе 12 лошадей вмѣсто 6, отставленъ былъ отъ службы. Но, съ другой стороны, и администрація, и мѣстные жители чувствовали себя въ угнетенномъ состояніи духа. Полицейскіе органы власти боялись отвѣтственности и за бездѣятельность, и за упущенія, даже за «язву моральную», сущности которой большинство не могло себѣ постигнуть. Сообразно этому, въ Россіи павловскаго времени чрезвычайно усиленъ былъ полицейскій надзоръ—до такой степени, что, по разсказамъ современниковъ, боялись веселиться въ публичныхъ собраніяхъ и даже въ частныхъ домахъ и вести откровенные разговоры даже у себя дома. На всѣхъ театральныхъ зрѣлищахъ и публичныхъ балахъ, «для смотрѣнія», всегда долженъ былъ присутствовать частный приставъ. Даже то оружіе, которымъ Павелъ Петровичъ думалъ уничтожить всякую несправедливость въ Россіи, «открывъ всѣ пути и способы, чтобы гласъ слабаго, угнетеннаго былъ услышанъ»,—знаменитый «желтый ящикъ» у воротъ Зимняго дворца, а также жалобы и прошенія, поступавшія непосредственно на высочайшее имя чрезъ почту, приводили иногда къ печальнымъ послѣдствіямъ. Наряду съ просьбами о милостяхъ и жалобами на дѣйствительныя злоупотребленія или притѣсненія, поступала къ государю масса всякаго рода ложныхъ доносовъ, въ большинствѣ случаевъ анонимныхъ, и огромное количество ходатайствъ, ровно ни на чемъ не основанныхъ. Многія изъ этихъ «недѣльныхъ» прошеній возвращаемы были съ «наддраніемъ», и о нихъ, чтобы пристыдить просителей, въ примѣръ другимъ, публиковалось въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Но число ихъ все-таки умножалось до такой степени, что Павелъ Петровичъ вынужденъ былъ 23 мая 1799 г. особымъ указомъ объявить, «дабы недѣльными просьбами его императорскаго величества не утруждали», а затѣмъ, что «всякъ, дерзнувшій по двухкратной просьбѣ еще утруждать его императорское величество, имѣетъ быть посаженъ въ тюрьму на мѣсяцъ». Неосновательныя просьбы о милостяхъ, однако, не влекли за собою большихъ неудобствъ для государя, кромѣ отказа «съ наддраніемъ», но жалобы на неправосудіе и притѣсненія, даже основательныя сами по себѣ, возбуждали подробныя разслѣдованія, длительную переписку съ отдѣльными правительственными учрежденіями, просмотръ подлинныхъ дѣлъ самимъ государемъ и т. д. Этотъ фактическій контроль дѣйствій судебныхъ учрежденій и администраціи объяснялся отсутствіемъ высшаго правительственнаго учрежденія, обязаннаго слѣдить за точнымъ исполненіемъ законовъ, и хаотическимъ состояніемъ администраціи въ концѣ царствованія Екатерины. Тѣмъ не менѣе доносовъ одинаково боялись и честные, и дурные люди. Отъ «желтаго ящика» постарались, впрочемъ, избавиться оригинальнымъ образомъ: въ немъ государь сталъ находить эпиграммы и каррикатуры на самого себя, и тогда существованіе желтаго ящика прекратилось навсегда.

При этихъ печальныхъ условіяхъ императоръ Павелъ закрылъ для себя цензурными строгостями единственный остававшійся для него и самый могущественный способъ судить объ общественномъ настроеніи и воздѣйствовать на него—содѣйствіе литературы, тогда какъ самъ онъ постоянно подвергался общественному суду, часто ошибочному, во вредъ себѣ, но по собственной винѣ, печатая постоянно всѣ немотивированныя и дурно изложенныя резолюціи свои и приказы въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Въ Москвѣ, впрочемъ, умѣли отчасти соединять общественныя силы, но петербургская литература сдѣлалась почти оффиціальной. Между тѣмъ,

именно въ Петербургѣ въ 1798 г. произошло литературное событіе, которое могло бы заставить Павла измѣнить свои отношенія къ печати. Капнистъ написалъ въ это время комедію «Ябеда», въ которой осмѣивалъ взяточничество и неправосудіе чиновниковъ, и желалъ посвятить ее императору. «Досады, которыя мнѣ и другимъ надѣлала ябеда»,—писалъ онъ,—«были причиною, что я рѣшился осмѣять ее въ комедіи, а неусыпное стараніе правдолюбиваго монарха нашего искоренить ее въ судахъ, внушаетъ мнѣ смѣлость посвятить сочиненіе мое его императорскому величеству». Государь принялъ посвященіе, не читая пьесы, но когда она была поставлена на сцену и имѣла шумный успѣхъ, императору было доложено княземъ Лопухинымъ, генералъ-прокуроромъ, что Капнистъ далъ ужасный поводъ къ соблазну, что его наглость преувеличила дѣйствительность и что въ его пьесѣ находится явное попраніе монаршей власти въ ея ближайшихъ органахъ. Довѣрившись донесенію, императоръ, въ порывѣ гнѣва, приказалъ, какъ говорятъ, отправить автора въ Сибирь. Послѣ обѣда гнѣвъ государя, однако, остылъ, онъ усомнился въ справедливости своего приказанія и велѣлъ представить «Ябеду» въ своемъ присутствіи въ эрмитажномъ театрѣ. Зрителями пьесы былъ только онъ и великій князь Александръ Павловичъ. Послѣ перваго же акта государь, безпрестанно аплодировавшій пьесѣ, послалъ фельдъегеря за Капнистомъ, пожаловалъ ему, минуя два чина, чинъ статскаго совѣтника и щедро наградилъ его.

Особое впечатлѣніе производилъ во всей Россіи способъ, который употреблялъ императоръ Павелъ для объявленія своей воли. Фельдъегеря развозили его повелѣнія по всей имперіи, и они же, являясь неожиданно на своихъ тройкахъ или въ кибиткахъ, увозили на мѣсто назначенія, чаще всего въ Петербургъ, и тѣхъ лицъ, которыя вызвали на себя гнѣвъ государя, и тѣхъ, которыхъ, наоборотъ, государь желалъ наградить или видѣть по разнымъ причинамъ. Весьма часто случалось, что, отправляясь съ фельдъегеремъ въ Петербургъ, никто не зналъ, зачѣмъ его вызываютъ къ государю, и оттого фельдъегерская тройка, одинъ звукъ фельдъегерскаго колокольчика, внушали всѣмъ страхъ и опасенія; семейства увезенныхъ оплакивали ихъ какъ погибшихъ: всѣмъ грезилась крѣпость или Сибирь.

Естественно, что централизація власти вела къ упраздненію мѣстнаго самоуправленія, а бюрократическое начало—къ уничтоженію сословнаго, выборнаго. Дѣйствительно, императоръ Павелъ неуклонно продолжалъ выполнять свою программу по отношенію къ сословіямъ, опредѣляя имъ мѣсто въ государственной организаціи сообразно ихъ службы государству. Дворянство все болѣе стѣсняемо было въ своихъ привиллегіяхъ, низводилось къ прежнему своему назначенію — служилаго сословія, обязаннаго «защищать отечество»; соотвѣтственно этому, императоръ стремился улучшить положеніе крестьянъ, находившихся, по его мнѣнію, только въ управленіи, а не въ кабалѣ у помѣщиковъ. Въ 1799 г. уничтожены были губернскіе выборы дворянства, и должностныхъ лицъ повелѣно было избирать поуѣздно; точно также дворянская родословная книга каждой губерніи разбита была на уѣздныя книги, содержавшіяся также поуѣздно. Дворянскія опеки и сиротскіе суды, указомъ отъ 13 сентября 1798 г., подчинены были палатамъ, а члены нижнихъ земскихъ судовъ, избиравшіеся дворянствомъ замѣнены были, указомъ отъ 14 мая 1800 г., чиновниками отъ герольдіи, а губернаторамъ дозволялось только принимать просьбы на эти мѣста и отъ дворянъ, представляя ихъ сенату; значеніе этой мѣры было велико и для дворянъ—помѣщиковъ, и для крестьянъ, такъ какъ земскимъ судамъ предоставлено было полицейское управленіе въ уѣздѣ въ полномъ объемѣ. Въ военной службѣ зато даны были дворянамъ привиллегіи. Для производства въ унтеръ-офицерскій чинъ дворяне должны были служить рядовыми всего три мѣсяца, а не-дворяне—не менѣе 4-хъ лѣтъ. Въ 1798 г. было предписано, чтобы не представлять изъ не-дворянъ не только въ офицеры, но даже въ портупей-прапорщики и въ подпрапорщики, потому что «въ оныхъ званіяхъ одни дворяне должны состоять». Родовитое дворянство однако озлоблено было смысломъ этихъ повидимому льготныхъ для него распоряженій императора, видя въ нихъ уничтоженіе политическаго значенія дворян-ства. Представитель тогдашняго либерализма, гр. Строгоновъ, съ презрѣніемъ отзывался о служиломъ дворянствѣ въ царствованіе Павла. «Оно,» писалъ онъ, «состоитъ изъ множества людей, сдѣлав-

шихся дворянами только службой, которыхъ всѣ мысли направлены къ тому, чтобы не постигать ничего выше власти императора: ни право, ни законъ, ничто не можетъ породить въ нихъ идеи о самомалѣйшемъ сопротивленіи. Большая часть дворянства, состоящаго на службѣ, къ несчастію, ищетъ въ исполненіи распоряженій правительства свои личныя выгоды и очень часто служитъ плутуя, но не сопротивляясь... Всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, выполнялась съ изумительною точностію, и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выгодамъ и чести сословія». Строгости военной службы, введенныя Павломъ не представляли однако въ ней ничего привлекательнаго для дворянъ, и они толпами стали записываться въ гражданскую. Тогда императоръ началъ энергически противодѣйствовать этому теченію. 14 іюня 1799 года повелѣно было сенату оставить только 50 юнкеровъ коллегіи, находившихся при немъ, а остальныхъ отправить въ военную коллегію; 5 октября 1799 г. было опредѣлено дворянскихъ дѣтей въ гражданскую службу не записывать безъ доклада государю, и это правило затѣмъ распространено было и на дѣтей личныхъ дворянъ; наконецъ 12 апрѣля 1800 г. вышедшіе изъ военной службы въ отставку лишены были права поступать въ статскую, а указомъ отъ 1 мая того же года это право сохранено было лишь за тѣми, кто выбылъ изъ военной службы до вступленія императора Павла на престолъ. Дворянамъ, уже находившимся на военной службѣ, преграждена была возможность выйти изъ нея по своему желанію: 31 октября 1798 г. воспрещено было дворянамъ выходить въ отставку до производства въ первый офицерскій чинъ, а 6 октября 1799 г. повелѣно было не увольнять, а исключать изъ службы тѣхъ изъ нихъ, кто пожелаетъ выйти въ отставку, не выслужа года въ офицерскомъ званіи. Дворянъ, не служившихъ, но уклонившихся отъ должностей по выбору, велѣно даже было предавать суду. Легко представить себѣ недовольство дворянъ всѣми этими распоряженіями, уничтожавшими права, дарованныя имъ жалованною грамотою, отъ которой оставались одни клочки!

Тяжело было служить дворянамъ, но имъ тяжело было и жить въ деревняхъ при измѣнившихся порядкахъ. Въ особенности чувствительна была замѣна выбиравшихся дворянствомъ уѣздныхъ полицейскихъ и судебныхъ властей коронными чиновниками. «Помѣщичье село того времени», говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ, «представляется какъ бы маленькимъ государствомъ посреди большаго; нельзя не замѣтить, какихъ усилій и трудовъ стоитъ центральной государственной власти проникнуть въ это маленькое государство, утвердить тамъ свою силу, исполнить свое распоряженіе. Сплошь да рядомъ мы видимъ, что помѣщикъ въ своемъ имѣніи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ безнаказанно упорствуетъ въ неисполненіи всѣхъ требованій правительства, господствуетъ съ полнымъ произволомъ надъ своими крестьянами и даже, съ помощью этого господства, открыто возстаетъ противъ общественной власти... Сильный помѣщикъ всѣхъ посыльныхъ отъ суда встрѣчалъ такъ, какъ домохозяинъ встрѣчаетъ шайку грабителей: съ бранью и ругательствомъ, съ дубьемъ и оружьемъ, «собрався съ своими»! Своеволіе помѣщиковъ доходило до того, что, напр., незадолго до кончины Екатерины, воронежскій помѣщикъ гр. Девіеръ перестрѣлялъ изъ двухъ пушекъ весь ѣхавшій къ нему земскій судъ. Само собою разумѣется, что въ уѣздныхъ властяхъ, выбиравшихся дворянами, крѣпостные крестьяне вовсе не могли искать себѣ защиты отъ злоупотребленій помѣщичьей власти. Любопытно, что на содержаніе нижнихъ земскихъ судовъ, въ новомъ ихъ составѣ, установленъ былъ Павломъ особый сборъ только съ дворянскихъ имѣній. Далѣе, въ финансовыхъ своихъ дѣлахъ, дворянство также подвергалось стѣсненіямъ, такъ какъ Павелъ постоянно стремился къ уничтоженію роскоши и мотовства. Цѣль банкротскаго устава, изданнаго въ 1800 г., по словамъ Державина, «наиболѣе была въ томъ, чтобы воздержать дворянство отъ мотовства и дѣланія долговъ и для того довѣренность къ нимъ сжать въ тѣснѣйшіе предѣлы». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уставомъ этимъ преграждался доступъ дворянству и къ занятіямъ торговлею,—«не дворянскимъ дѣломъ», по взглядамъ того времени. Неудачные операціи вспомогательнаго банка для дворянства, учрежденнаго по проекту Куракина, побудили правительство сосредоточить дѣла по задолженности дворянскаго землевладѣнія въ сохранныхъ казнахъ воспитательныхъ домовъ, въ такъ называемыхъ опекунскихъ совѣтахъ. Такимъ образомъ задолженность дворянства была ограничена

и всецѣло находилась подъ контролемъ правительства. Одновременно съ этимъ подтвержденъ былъ сборъ казенныхъ недоимокъ со всѣхъ дворянскихъ имѣній.

Стремленія государя къ централизаціи привели его къ ограниченію сословнаго самоуправленія также въ купеческомъ и мѣщанскомъ сословіяхъ «Уставомъ о цехахъ», 12 ноября 1799 г., и учрежденіемъ, 4 сентября 1800 г., во всѣхъ губернскихъ городахъ, вмѣсто магистратовъ, ратгаузовъ.

Церковь и крестьянское сословіе продолжали пользоваться заботами государя. Его глубокая религіозность, мистически настроенный умъ, восприняли особый оттѣнокъ со времени возложенія имъ на себя званія великаго магистра мальтійскаго ордена. 19 ноября 1799 г. въ Гатчинѣ, во время литургіи, которую совершалъ Амвросій, архіепископъ с.-петербургскій, «его императорское величество пріобщился Св. Таинъ внутри св. алтаря со святаго престола», о чемъ оберъ-прокуроръ синода, Хвостовъ, предложилъ синоду записать въ журналъ. Но преданность Павла къ православію не мѣшала его вѣротерпимости по отношеніи къ раскольникамъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ ихъ сектъ, которыя отвергали свѣтскую власть или отличались изувѣрствомъ: духоборцы подвергались преслѣдованію, а глава скопцовъ, Кондратій Селивановъ, признанъ былъ сумасшедшимъ и посаженъ въ сумасшедшій домъ. Снисходительное отношеніе государя къ раскольникамъ вызвало движеніе среди нихъ къ возсоединенію съ православною церковью. Въ 1800 году митрополитъ Платонъ составилъ правила единовѣрія, утвержденныя Св. Синодомъ, а вслѣдъ затѣмъ, указомъ отъ 27 октября 1800 г., старообрядцамъ разрѣшено было строить церкви.

Изъ мѣръ, принятыхъ императоромъ въ 1798—1800 гг. для улучшенія положенія крестьянъ, въ особенности помѣщичьихъ, замѣчателенъ указъ отъ 16 октября 1798 г. о непродажѣ малороссійскихъ крестьянъ безъ земли. Любопытно, что это повелѣніе государя послѣдовало вопреки мнѣнію сената, который полагалъ «позволить малороссійскимъ помѣщикамъ продавать крестьянъ своихъ безъ земли». Казенные крестьяне получили право пользоваться въ нѣкоторыхъ случаяхъ казенными лѣсами, со всѣхъ крестьянъ сложены были недоимки по поземельнымъ сборамъ за 15 лѣтъ; крестьяне, приписанные къ горнымъ заводамъ, въ большинствѣ освобождены были отъ заводскихъ работъ и поступили въ число государственныхъ. Въ сферѣ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ государь оставался неизмѣнно благожелательнымъ къ послѣднимъ. На ряду съ общими мелочными распоряженіями о томъ, чтобы помѣщики не создавали для себя изъ крѣпостныхъ такъ называемыхъ «казаковъ и гусаръ», Павелъ Петровичъ въ частныхъ случаяхъ смягчалъ суровыя требованія закона по отношенію къ крестьянамъ и одобрялъ дѣйствія въ этомъ смыслѣ мѣстной администраціи. Въ Великороссіи, напримѣръ, дѣйствовалъ еще законъ о продажѣ крестьянъ безъ земли. Когда въ 1799 году тамбовскій помѣщикъ, полковникъ Давыдовъ, продалъ своихъ крестьянъ на вывозъ и они должны были переселиться на новыя мѣста, оставивъ свое имущество, которое поступало въ пользу прежняго ихъ владѣльца, то крестьяне отказались уйти изъ своего села и стояли на своемъ рѣшеніи, не смотря на убѣжденія губернатора Литвинова. Губернаторъ немедленно донесъ объ этомъ происшествіи государю. Императоръ Павелъ отвѣчалъ ему слѣдующимъ рескриптомъ: «Получа рапортъ вашъ сего мѣсяца сентября 5 числа касательно крестьянъ, полковникомъ Давыдовымъ проданныхъ на вывозъ помѣщикамъ Хвощинскому и Мартынову, повелѣваю вамъ, оставя крестьянъ сихъ на прежнемъ ихъ мѣстѣ, сдѣлать отъ лица моего онымъ помѣщикамъ наистрожайшій выговоръ за учиненныя ими крестьянамъ чрезъ сіе намѣреніе разстройку и угнетеніе; вамъ же изъявляю мое благоволеніе за донесеніе ваше, сопряженное съ человѣколюбіемъ и добрымъ порядкомъ, всегда сходственнымъ съ волею моею». Но въ это же время Павелъ Петровичъ дозволилъ помѣщикамъ, въ интересахъ заселенія Забайкалья, ссылать туда своихъ крестьянъ на поселеніе съ зачетомъ ихъ въ рекруты, хотя въ царствованіе Павла былъ всего одинъ только рекрутскій наборъ въ 1798 г. по два съ тысячи душъ, вызванный началомъ войны съ Франціей. Нельзя не упомянуть объ одномъ человѣколюбивомъ распоряженіи императора Павла, относившемся по своему существу преимущественно къ крестьянскому сословію: указомъ отъ 19 ноября 1798 г. избавлены были отъ тѣлеснаго наказанія всѣ лица, имѣвшія болѣе 70 лѣтъ отъ роду.

Павелъ Петровичъ любилъ смотрѣть на

Россію какъ на свое хозяйство и, какъ прежде, бывало, въ Гатчинѣ, заботился о насущныхъ нуждахъ населенія, о развитіи торговли и промышленности. Рядомъ указовъ подтверждены были старыя правила и установлены новыя о заведеніи во всѣхъ селеніяхъ, казенныхъ и помѣщичьихъ, запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ съ годовою пропорціею хлѣба, а также сдѣланы распоряженія о дешевой продажѣ соли во всѣхъ губерніяхъ. Всѣ современники единогласно свидѣтельствуютъ, что мѣры эти достигли своей цѣли. «За пересудами и за различною тогдашнею, отчасти до сей поры памятною, былью въ кругахъ службы», говоритъ, напримѣръ, Лубяновскій, «не безъ удовольствія вспоминаешь, что, не взирая на то, народъ бодрый, хотя также отъ страха какъ бы въ сторонѣ, благоденствовалъ, если на землѣ и то уже благоденствіе, когда дешевы хлѣбъ, соль да вино, да на плечахъ зипунъ и тулупъ, а на ногахъ лапти, не тяжелые къ тому рекрутскіе наборы и подати умѣренныя. Такой еще тогда вѣкъ былъ, что и отсутствіе первыхъ матеріальныхъ потребностей жизни въ народѣ не низко цѣнилось». Особенное вниманіе обратилъ Павелъ на сбереженіе лѣсовъ, поручивъ это дѣло лѣсному департаменту при адмиралтействъ-коллегіи, и на предохраненіе построекъ отъ пожаровъ: для этой цѣли, назначая суровыя взысканія за самовольныя порубки и хищенія въ казенныхъ лѣсахъ, императоръ поощрялъ наградами разработку торфа и каменнаго угля и содѣйствовалъ распространенію въ селахъ землебитныхъ строеній; для охраны городовъ отъ большихъ пожаровъ, вслѣдствіе скученности деревянныхъ построекъ, выработаны были новые для нихъ планы. Конскіе казенные заводы подчинены были особому управленію—экспедиціи, во главѣ которой сталъ Кутайсовъ; на обязанности этой экспедиціи лежало заботиться объ улучшеніи качества лошадей для надобностей ремонта и земледѣлія. Заботы о здоровьѣ населенія и войскъ выразились въ концѣ 1798 года учрежденіемъ высшаго медицинскаго училища, преобразованнаго потомъ въ военно-медицинскую академію. Промышленность и торговля были оживлены возстановленіемъ мануфактуръ коллегіи, устройствомъ Маріинской системы, связывавшей Волгу съ Балтійскимъ моремъ, улучшеніемъ монетной системы и уничтоженіемъ разбойничества на Волгѣ. Изданъ былъ банкротскій уставъ, пересмотрѣны, хотя не вполнѣ удачно, тарифы и торговые договоры, особенно съ Англіей, закупавшей у насъ сырье и захватившей въ свои руки почти всю нашу отпускную торговлю. Съ цѣлію поощренія отечественной промышленности запрещенъ былъ ввозъ предметовъ роскоши, сукна, стали, стекла, даны были льготы фабрикантамъ, и поощрялось развитіе шелководства и разведенію полезныхъ растеній. При Павлѣ начались также торговыя сношенія съ Америкой: 3 августа 1798 г. утвержденъ былъ актъ россійско-американской компаніи, а 9 іюня 1798 г. она принята была подъ особое покровительство императора, который тогда же даровалъ ей привиллегію на 20 лѣтъ.

Не забудемъ, что эта кипучая дѣятельность императора по внутреннему управленію государствомъ проявилась именно въ то время, когда русскія войска, подъ предводительствомъ Суворова, на поляхъ Италіи и въ горахъ Швейцаріи покрывали себя славою въ битвахъ съ французами. Въ четыре лѣтніе мѣсяца 1799 г. Италія была очищена отъ французскихъ войскъ, не смотря на всѣ препятствія, которыя ставилъ геніальному полководцу вѣнскій гофкригсратъ; но когда вслѣдъ затѣмъ Суворовъ думалъ идти къ Генуѣ, чтобы, взявъ ее, вторгнуться въ предѣлы Франціи, австрійскій дворъ предложилъ новый планъ войны, требуя, чтобы французы предварительно изгнаны были изъ Швейцаріи. Но, прежде чѣмъ Суворовъ могъ войти въ ея предѣлы, австрійскія войска вышли изъ нея, оставивъ находившійся тамъ русскій корпусъ генерала Римскаго-Корсакова въ виду превосходныхъ силъ непріятеля, и Корсаковъ, разбитый Массеной при Цюрихѣ, долженъ былъ отступить. Суворовъ, не имѣя при себѣ ни артиллеріи, ни продовольствія и проводниковъ, обѣщанныхъ ему австрійцами, долженъ былъ, войдя въ Швейцарію, принять на себя всю массу непріятельскихъ силъ, воодушевленныхъ побѣдами. Мужество русскихъ войскъ, геній ихъ престарѣлаго вождя, преодолѣли однако всѣ препятствія: непроходимыя горы были пройдены, превосходныя въ силахъ войска французовъ опрокинуты, и Суворовъ, расположившись осенью 1799 г. на зимнихъ квартирахъ въ Баваріи, ждалъ лишь дальнѣйшихъ повелѣній государя, чтобы предпринять новый походъ въ сердце Франціи.

Но мечта Павла Петровича быть «возстановителемъ потрясенныхъ троновъ и оскверненныхъ алтарей» уже охладѣла, а терпѣніе его истощилось: государь понялъ, что онъ былъ только орудіемъ въ рукахъ своихъ союзниковъ: Австріи и Англіи, дѣлавшихъ только видъ, что сочувствуютъ рыцарскимъ, возвышеннымъ его намѣреніямъ, а на самомъ дѣлѣ думавшихъ только о своихъ собственныхъ интересахъ. Во всѣхъ столкновеніяхъ Суворова съ вѣнскимъ гофкригсратомъ императоръ держалъ сторону своего полководца, требовалъ отъ вѣнскаго двора объясненій, даже грозилъ ему,—но конечная цѣль похода еще представлялась ему тогда достижимой. Но послѣдующія событія ясно доказали ему коварство австрійской политики: освобожденная отъ французовъ Италія была порабощена Австріей, которая отказывалась, подъ разными предлогами, возстановить сардинскаго короля въ его владѣніяхъ и подавляла малѣйшее стремленіе итальянскихъ народовъ къ независимости; мало того, считая для себя помощь русскихъ войскъ уже излишнею, австрійскія власти не оказывали имъ должнаго содѣйствія, даже вредили имъ, и наконецъ, при взятіи Анконы, нанесли оскорбленіе русскому знамени. Уже 14 октября 1799 г. Павелъ Петровичъ писалъ Суворову: «Желаю знать васъ соединенныхъ (съ Корсаковымъ) и отдаленныхъ отъ весьма ненадежныхъ прежнихъ нашихъ союзниковъ, коихъ я оставилъ и предалъ ихъ собственному жребію, во-первыхъ — не хотя возстановить въ Европѣ другую Францію (т. е. Австрію), не искореня первой, а во-вторыхъ—не намѣренъ былъ жертвовать моими войсками для корыстолюбивыхъ и безстыдныхъ видовъ двора вѣнскаго. Теперь чрезъ Англію стараться буду сблизиться съ королемъ прусскимъ и положить совокупно препоны видамъ дома австрійскаго. Экспедиція въ Голландіи пойдетъ своимъ чередомъ и дѣла тамъ въ хорошемъ положеніи. Прощайте».

Когда государь писалъ эти строки, онъ не зналъ еще, что Англія поступитъ съ нимъ такъ же, если не хуже, какъ и Австрія. Русскій корпусъ Германа, назначенный содѣйствовать англичанамъ при высадкѣ ихъ въ Голландію, потерпѣлъ вмѣстѣ съ ними пораженіе отъ французовъ при Бергенѣ, столько же по винѣ англійскаго главнокомандующаго, герцога Іоркскаго, сколько по оплошности самого Германа; затѣмъ остатки русскаго корпуса отвезены были англичанами на зимовку на островъ Джерсей, и тамъ они терпѣли нужду. Но всего болѣе поразилъ государя неожиданный отказъ Англіи въ возвращеніи ему, какъ великому магистру мальтійскаго ордена, острова Мальты. Негодованію Павла Петровича не было предѣловъ: графъ Воронцовъ, русскій посолъ въ Лондонѣ, былъ отозванъ, а англійскому послу въ Петербургѣ, лорду Витворту, было предложено въ маѣ 1800 г. оставить Россію.

Вѣнскій кабинетъ, руководимый Тугутомъ, главнымъ виновникомъ всѣхъ враждебныхъ дѣйствій Австріи противъ Россіи,—пробовалъ сначала смягчить неудовольствіе государя, опасаясь союза его съ Пруссіей. Графу Кобенцелю, австрійскому послу въ Петербургѣ, даны были въ этомъ смыслѣ успокоительныя инструкціи, а въ началѣ октября 1799 г. прибылъ въ Петербургъ, для бракосочетанія съ великой княжной Александрой Павловной, эрцгерцогъ Іосифъ, въ сопровожденіи брата императрицы Маріи Ѳеодоровны, принца Фердинанда Виртембергскаго, и креатуры Тугута, графа Дидрихштейна, женатаго на графинѣ Шуваловой. «Мой дворецъ будетъ теперь зараженъ политикой!» воскликнулъ императоръ, когда узналъ, кто ѣдетъ съ эрцгерцогомъ. Дѣйствительно, императрица Марія, опираясь на французскихъ эмигрантовъ и всѣхъ сторонниковъ, всячески содѣйствовала брату, принцу Фердинанду, и эрцгерцогу Іосифу въ ихъ примирительной миссіи, тѣмъ болѣе, что возникло опасеніе, что второе сватовство великой княжны можетъ, въ виду дурныхъ отношеній императора къ Австріи, оказаться столь же неудачнымъ, какъ и первое. Павелъ Петровичъ не пожелалъ видѣть Дидрихштейна: его остановили у шлагбаума въ Гатчинѣ и сообщили ему приказъ государя въ восемь дней оставить Россію, хотя жена его имѣла порученіе сопровождать будущую эрцгерцогиню. Опасенія Маріи Ѳеодоровны, оплакивавшей судьбу дочери, не сбылись: бракосочетаніе Александры Павловны съ эрцгерцогомъ Іосифомъ совершилось 19 октября 1799 г., недѣлей позже бракосочетанія ея сестры великой княжны Елены Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ. Но ни просьбы Маріи Ѳеодоровны, ни убѣжденія эрцгерцога Іосифа и принца Фердинанда

не могли поколебать императора: разъ обманутый, онъ требовалъ теперь удаленія Тугута, честнаго и искренняго объявленія вѣнскаго кабинета о его цѣляхъ и возвращенія королю сардинскому его владѣній. Съ этимъ отвѣтомъ эрцгерцогъ и уѣхалъ изъ Россіи въ сопровожденіи молодой своей супруги, несчастной жертвы политическихъ разсчетовъ; но, съ его отъѣздомъ, попытки повліять на рѣшеніе императора въ благопріятномъ для Австріи смыслѣ не прекратились. Лордъ Витвортъ, представитель второй нашей союзницы — Англіи, еще показывавшей Россіи въ то время наружные знаки дружества, дѣлалъ представленія императору, входилъ въ сношенія въ домѣ своей пріятельницы О. А. Жеребцовой, сестры опальныхъ Зубовыхъ, со всѣми приверженцами коалиціи и, подъ рукой, велъ переговоры съ Кобенцелемъ о болѣе тѣсной связи Австріи съ Англіей. Сильную поддержку Витвортъ нашелъ въ вице-канцлерѣ, графѣ Никитѣ Панинѣ, сочувствовавшемъ коалиціи, тогда какъ соперникъ Панина, графъ Растопчинъ, докладчикъ государя по иностраннымъ дѣламъ, былъ врагомъ его. Интрига опутывала государя со всѣхъ сторонъ. Императоръ былъ въ раздраженіи: онъ зналъ уже, что два посла его: Разумовскій—въ Вѣнѣ и Воронцовъ—въ Англіи, оба вполнѣ натурализовавшіеся въ странахъ, гдѣ они были аккредитованы, — писали ему свои донесенія въ духѣ, завѣдомо сочувственномъ коалиціи, и скрывали отъ него истинное положеніе дѣлъ. Боясь интригъ, императоръ приказалъ не принимать Кобенцеля при дворѣ, а всему дипломатическому корпусу—прекратить съ нимъ всякія отношенія,—фактъ, неслыханный дотолѣ въ международныхъ отношеніяхъ; Суворовъ получилъ затѣмъ повелѣніе возвратиться съ арміей въ Россію. Между тѣмъ во Франціи совершился переворотъ 18 брюмера: генералъ Бонапартъ сдѣлался первымъ консуломъ и весною 1800 г. нанесъ австрійцамъ пораженіе при Маренго, послѣ котораго они вновь потеряли всю Италію. Вскорѣ Кобенцель и Витвортъ должны были выѣхать изъ Россіи. Сѣмена посѣянной ими интриги однако остались въ Петербургѣ и принесли свои плоды; остались также О. А. Жеребцова, графъ Панинъ и только что уволенный за хищеніе въ лѣсномъ департаментѣ, неаполитанецъ по происхожденію, адмиралъ О. М. Рибасъ, другъ удаленнаго изъ Россіи сторонника коалиціи, неаполитанскаго посла, маркиза Санъ-Галло.

Перемѣну своей политики Павелъ Петровичъ такъ объяснялъ датскому посланнику Розенкранцу въ сентябрѣ 1800 г.: «Государь сказалъ», доносилъ Розенкранцъ, «что политика его вотъ уже три года остается неизмѣнною и связана съ справедливостію, тамъ, гдѣ его величество полагаетъ ее найти; долгое время онъ былъ того мнѣнія, что справедливость находится на сторонѣ противниковъ Франціи, правительство которой угрожало всѣмъ державамъ; теперь же въ этой странѣ въ скоромъ времени водворится король, если не по имени, то, по крайней мѣрѣ по существу, что измѣняетъ положеніе дѣла; онъ бросилъ сторонниковъ этой партіи, которая и есть австрійская, когда обнаружилось, что справедливость не на ея сторонѣ; то же самое онъ испыталъ относительно англичанъ. Онъ склоняется единственно въ сторону справедливости, а не къ тому или другому правительству, къ той или другой націи, и тѣ, которые иначе судятъ о его политикѣ, положительно ошибаются».

Эти слова Павла Петровича сказаны были уже въ то время, когда отчужденіе отъ старыхъ союзниковъ влекло за собою сближеніе Россіи съ Франціей, уже не «мятежной» и «развратной», а умиренной твердой рукой перваго консула. Бонапартъ постигъ рыцарскій характеръ Павла и спѣшилъ заручиться его расположеніемъ, въ увѣренности, что въ союзѣ съ Россіей Франція преодолѣетъ всѣ внѣшнія затрудненія. Узнавъ, что Австрія отказала императору въ просьбѣ освободить часть французскихъ плѣнныхъ, доставшихся ей благодаря побѣдамъ Суворова, въ обмѣнъ на русскихъ плѣнныхъ, находившихся во Франціи въ количествѣ 5,000 человѣкъ, первый консулъ приказалъ обмундировать ихъ и отпустить въ Россію, съ оружіемъ и знаменами, безъ всякаго обмѣна; въ письмѣ по этому поводу первый консулъ сообщалъ императору, что онъ дѣлаетъ это «единственно изъ уваженія къ доблести русской арміи, которую французы умѣли оцѣнить по достоинству на полѣ битвы»; въ томъ же письмѣ первый консулъ заранѣе соглашался на возвращеніе острова Мальты великому магистру мальтійскаго ордена. Павелъ Петровичъ принялъ это предложеніе съ радостію и отправилъ въ Парижъ для пріема и препровожденія русскихъ плѣн-

ныхъ генерала Спренгпортена. Затѣмъ императоръ отправилъ 18 декабря первому консулу письмо, въ которомъ, извѣщая его объ отправленіи въ Парижъ своего уполномоченнаго, Колычева, писалъ: «Я не говорю и не хочу спорить ни о правахъ человѣка, ни объ основныхъ началахъ, установленныхъ въ каждой странѣ. Постараемся возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которыхъ онъ такъ нуждается»; упомянувъ затѣмъ объ Англіи, которая попирала права народовъ и руководилась только собственнымъ эгоизмомъ, государь приглашалъ перваго консула соединиться съ нимъ для обузданія этой державы. Съ своей стороны, первый консулъ, принимая 10 декабря Спренгпортена, объявилъ ему о желаніи Франціи заключить миръ съ Россіей, такъ какъ, по его мнѣнію, оба государства уже по одному географическому своему положенію созданы для того, чтобы жить между собою въ тѣсной связи; при этомъ онъ выразилъ свое «особое уваженіе и почтеніе къ священной особѣ монарха и къ его возвышенному и справедливому характеру»; чтобы удовлетворить государя, не желавшаго бросать на произволъ судьбы всѣми оставленныхъ королей неаполитанскаго и сардинскаго, первый консулъ предложилъ возвратить имъ при заключеніи мира ихъ владѣнія, а также назначить приличныя границы свѣтской власти папы, въ судьбѣ котораго императоръ Павелъ принималъ особое участіе. Прямымъ послѣдствіемъ этого сближенія Россіи съ Франціей было изгнаніе изъ Россіи Людовика XVIII съ сопровождавшими его эмигрантами: «сумасшедшія французскія головы» уже давно надоѣли государю, и въ началѣ января 1801 г. курляндскій губернаторъ получилъ отъ графа Палена письмо, въ которомъ было сказано: «сообщите Людовику XVIII, что государь совѣтуетъ ему выѣхать изъ Россіи». 22 января Людовикъ уже выѣхалъ изъ Митавы въ Пруссію. Корпусъ принца Конде остался за границей и послѣ окончанія войны Россіи съ Франціей поступилъ на жалованье Англіи.

Новое направленіе русской политики и ея цѣли выражены были въ запискѣ гр. Растопчина, написанной имъ по приказанію государя, вслѣдствіе бывшаго по этому предмету разговора между ними, и представленной государю 30 сентября 1800 г. Въ отмѣткахъ, сдѣланныхъ на этой запискѣ императоромъ, видно, какъ глубоко потрясенъ онъ былъ измѣной своихъ союзниковъ. Къ словамъ Растопчина, что «Англія вооружила попеременно угрозами, хитростію и деньгами всѣ державы противъ Франціи», Павелъ Петровичъ прибавилъ: «и насъ грѣшныхъ»; противъ словъ, что Англія «своей завистью, пронырствомъ и богатствомъ была, есть и пребудетъ не соперница, но злодѣй Франціи» — императоръ замѣтилъ: «мастерски писано!» Замѣчаніе Растопчина, что Австрія «подала столь справедливыя причины къ негодованію государя» и «потеряла изъ виду новѣйшую цѣль своей политики» сопровождалось восклицаніемъ Павла: «Чего захотѣлъ отъ слѣпой курицы!» Планъ Растопчина въ основаніе политики Россіи полагалъ тѣсный союзъ съ Франціей, а цѣлью его раздѣлъ Турціи при участіи Австріи и Пруссіи. Одобривъ записку Растопчина, Павелъ Петровичъ на заключительной ея части, гдѣ говорилось, что «Россія и XIX вѣкъ достойно возгордятся царствованіемъ вашего императорскаго величества, соединившаго воедино престолы Петра и Константина», съ грустью написалъ: «А меня все-таки бранить станутъ!»...

Личное настроеніе государя, выразившееся въ этомъ замѣчаніи, вполнѣ отвѣчало истинному положенію дѣлъ. Три года дѣятельности неустанной и разносторонней, основанной на искреннемъ желаніи добра и правды,—не принесли Павлу счастья, не привлекли къ нему сердецъ его подданныхъ. Напротивъ, онъ зналъ, что имя его внушаетъ страхъ и недовольство и предвидѣлъ необходимость новой борьбы при дальнѣйшемъ ходѣ преобразованій. Семейныя отношенія императора, въ особенности благодаря фаворитизму Лопухиной, вышедшей замужъ за князя Гагарина, также не могли дѣйствовать на него успокоительно. Еще въ ноябрѣ 1798 г. Растопчинъ писалъ Воронцову: «Я могу только негодовать, видя, что государь, расточившій вокругъ себя милліоны благодѣяній, не имѣетъ у себя вѣрныхъ слугъ. Его не любятъ даже собственныя его дѣти. Великій князь Александръ презираетъ своего отца; великій князь Константинъ боится его. Дочери, руководимыя, какъ и всѣ прочіе, матерью, смотрятъ на отца съ отвращеніемъ. Между тѣмъ, всѣ ему улыбаются»... Эти строки заклятаго врага императрицы Маріи ри-

суютъ, разумѣется, не чувства ея къ супругу, а общую картину отношеній, которыя установились постепенно и бросались въ глаза постороннему наблюдателю. Растопчинъ сообщалъ тогда же, что великій князь Александръ во многомъ виноватъ предъ своимъ отцомъ, а впослѣдствіи разсказывалъ, что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи бумаги Александра, которыя могли бы погубить наслѣдника, если бы онѣ сдѣлались извѣстны его отцу. Это свидѣтельство человѣка, близкаго къ государю за послѣдніе два года его царствованія, показываетъ, какъ легко было окружающимъ возбудить подозрительность государя противъ старшаго его сына и объясняетъ разсказъ о томъ, что Павелъ Петровичъ призвалъ однажды къ себѣ великаго князя Александра и, показывая на указъ Петра Великаго о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, спросилъ его, знаетъ ли онъ исторію этого царевича. Старшая и любимая дочь государя, великая княгиня Александра Павловна, уѣхала въ Австрію, вмѣстѣ съ супругомъ своимъ, эрцгерцогомъ Іосифомъ, еще въ ноябрѣ 1799 г. По словамъ графини Головиной, императоръ разстался съ нею съ чрезвычайнымъ волненіемъ. Прощаніе было очень трогательно: онъ безпрестанно повторялъ, что ее приносятъ въ жертву.

Окружавшіе императора люди были почти тѣ же, которые находились возлѣ него въ Гатчинѣ въ 1793 году и изъ которыхъ самый честный, по выраженію Растопчина, заслуживалъ быть колесованнымъ безъ суда. Но на этотъ разъ возлѣ Павла не было уже Нелидовой, умѣвшей сдерживать порывы его раздражительности, вносить успокоеніе въ его душу, и, потерявъ равновѣсіе, Павелъ Петровичъ не терпѣлъ противорѣчія, руководился не столько обдуманными мыслями, сколько мимолетными чувствами и впечатлѣніями, предаваясь крайностямъ и въ гнѣвѣ, и въ милости. Безбородко умеръ еще въ апрѣлѣ 1799 г. Поэтому, въ концѣ концовъ, возлѣ государя остались въ фаворѣ только тѣ люди, которые, въ личныхъ своихъ интересахъ, могли и хотѣли только примѣняться къ слабостямъ государя, имѣя цѣлью лишь пользоваться его милостями, а не заботиться о благѣ государя и имперіи. Главнымъ довѣреннымъ лицомъ сдѣлался Кутайсовъ, возведенный въ графское достоинство и пожалованный оберъ-шталмейстеромъ и александровскимъ кавалеромъ. По чувствамъ и привычкѣ онъ дѣйствительно былъ преданъ государю, но весь мелкій его умъ изощрялся въ придворныхъ интригахъ и направленъ былъ къ своекорыстнымъ цѣлямъ. Исполняя въ теченіе всей своей жизни должность императорскаго брадобрея, онъ не вмѣшивался и, по своему развитію, не могъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла, но, зная, какъ никто, характеръ государя, косвенно имѣлъ на нихъ громадное вліяніе, умѣя внушать ему извѣстное настроеніе и опредѣлять его отношенія къ людямъ, не стѣсняясь даже клеветою. Когда обнаруживалась невинность оклеветаннаго, Павелъ собственноручно наказывалъ иногда Кутайсова палкою, грозилъ прогнать его, но, цѣня его преданность, въ концѣ концовъ оставлялъ при себѣ. Благодаря поддержкѣ Кутайсова, пользовались довѣріемъ Павла графъ Растопчинъ и графъ Паленъ,—оба ближайшіе сотрудники императора. Растопчинъ, сдѣлавшись графомъ и первымъ членомъ иностранной коллегіи, и въ новомъ своемъ значеніи остался «сумасшедшимъ Ѳедькой». Несомнѣнно, что онъ тоже преданъ былъ своему «благодѣтелю», любилъ свое отечество, отличался развитымъ образованнымъ умомъ, но эти его достоинства соединялись съ пронырливостью, самохвальствомъ и наглостью; бросалась въ глаза надменность его къ низшимъ, даже къ иностраннымъ посламъ, которыхъ онъ не допускалъ къ себѣ для личныхъ объясненій по дѣламъ службы, предоставивъ это вице-канцлеру, графу Панину; но въ то же время онъ ухаживалъ за Кутайсовымъ. «Въ теченіе 2-хъ лѣтъ», писалъ впослѣдствіи Растопчинъ, «я почиталъ Кутайсова человѣкомъ честнымъ и привязаннымъ къ государю, какъ и я, чувствомъ благодарности. Съ нимъ мнѣ можно было говорить о его неровностяхъ, перемѣнчивости, причудахъ, изобличавшихъ въ немъ иногда умоизступленіе, иногда бѣшенство. Мы оба искренно любили государя: я—по чувству чести, онъ же—постоянно оставаясь слугою. Замѣтивъ, что Кутайсовъ сдѣлался слишкомъ развязенъ и неразборчивъ, убѣдившись, что у него нѣтъ другихъ побужденій, кромѣ соблюденія во всемъ личной выгоды, я не только разошелся съ нимъ, но перестаалъ посѣщать его и подходить къ нему. И я одинъ такъ дѣлалъ».

Нельзя допустить, чтобы Растопчинъ не зналъ раньше, что за человѣкъ былъ Кутайсовъ, но, очевидно, онъ совершенно не

догадывался сначала, что ссора его съ Кутайсовымъ была подготовлена искусною рукою третьяго Императорскаго любимца, петербургскаго военнаго губернатора, барона Палена, пожалованнаго Павломъ въ графы и Андреевскіе кавалеры. Это былъ честолюбивый, энергическій и даровитый генералъ, умѣвшій пріобрѣсти довѣріе государя необычайною исполнительностію и усердіемъ къ службѣ. Его открытое, добродушное лицо невольно располагало къ нему каждаго; на самомъ же дѣлѣ, никто не превосходилъ его въ хладнокровіи, въ умѣньи скрывать свои истинныя чувства и мысли и въ разсчитанной жестокости. Изъ всѣхъ ближайшихъ къ государю лицъ онъ одинъ имѣлъ ясныя, опредѣленныя цѣли, и лишь онъ одинъ способенъ былъ идти къ нимъ медленно, осторожно, но съ неуклонною твердостію и послѣдовательностію. Обвороживъ государя своею кажущеюся преданностію его особѣ и усердіемъ къ службѣ, осыпанный его милостями, Паленъ никогда не забывалъ упрека въ «подлости», который сдѣланъ былъ ему Павломъ въ началѣ его царствованія и съ умысломъ, систематически, приводилъ въ исполненіе всѣ жестокія и необдуманныя распоряженія императора, даже преувеличивая ихъ значеніе. Паленъ зналъ, по какому скользкому пути идетъ онъ, при мнительности и подозрительности государя, но у него не было враговъ; напротивъ всѣ, даже императрица Марія, предубѣжденная противъ всѣхъ новыхъ фаворитовъ своего супруга, считали Палена образцомъ рыцарства и прямодушія. Графиня Ливенъ, воспитательница великихъ княженъ и подруга жены Палена, еще болѣе утверждала её въ этомъ мнѣніи. Отъ возможныхъ случайностей Палена спасала дружба съ Кутайсовымъ, а чтобы упрочить за собою будущее, онъ вступилъ въ тѣсную связь съ дворомъ великаго князя Александра Павловича. Желая имѣть всегда точныя и вѣрныя свѣдѣнія о жизни наслѣдника и его супруги, Павелъ Петровичъ назначилъ въ 1799 г. графиню Паленъ гофмейстериной двора великой княгини Елизаветы Алексѣевны. Въ первое время Елизавета Алексѣевна чуждалась графини Паленъ, чопорной и скучной нѣмки, не безъ основанія видя въ ней приставницу, но постепенно графиня сумѣла побѣдить это предубѣжденіе. Впрочемъ, отношенія императора къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, испортившіяся въ 1799 году, измѣнились къ лучшему, когда умерла у нея дочь, великая княжна Марія Александровна. Императоръ повидимому былъ очень огорченъ этой смертью и испуганъ впечатлѣніемъ, которое она произвела на Елизавету Алексѣевну: она почти не плакала, что очень обезпокоило Павла Петровича.

Кутайсовъ, Растопчинъ и Паленъ были тремя лицами, пользовавшимися дѣйствительнымъ значеніемъ при государѣ. Всѣ прочіе или не пользовались его довѣріемъ, какъ, напримѣръ, вице-канцлеръ графъ Никита Панинъ, или, какъ генералъ-прокуроръ Обольяниновъ, принадлежали къ типу гатчинцевъ, т. е., исполняя съ усердіемъ и точностію волю государя, они не отличались ни умомъ, ни образованіемъ, и не въ состояніи были возвыситься до болѣе широкаго пониманія государственныхъ дѣлъ, слѣдуя всегда буквѣ повелѣній императора, а не духу ихъ. Самый усердный и сравнительно болѣе развитый въ умственномъ отношеніи гатчинецъ, Аракчеевъ, былъ уволенъ Павломъ въ концѣ 1799 г. за ложное донесеніе. Быть можетъ, самъ Кутайсовъ обязанъ былъ своимъ долгимъ, непрерывнымъ фаворомъ именно тому обстоятельству, что обязанности его ограничивались только личными услугами государю, а не касались служебныхъ дѣлъ, гдѣ Павелъ не прощалъ недобросовѣстности.

Тяготясь своимъ все увеличивающимся нравственнымъ одиночествомъ, императоръ высказалъ въ началѣ 1800 г. расположеніе примириться съ Нелидовой, которая возвратилась тогда, съ его разрѣшенія, въ Петербургъ и поселилась въ Смольномъ: его прогулки уже направлялись въ ту сторону, и онъ наконецъ выразилъ желаніе увидѣть стараго своего друга. Но императрица Марія своимъ стремленіемъ къ эффектамъ испортила дѣло: она пожелала придать этому примиренію торжественный оттѣнокъ, назначила у себя вечернее собраніе и пригласила къ себѣ императора и Нелидову. Тогда Кутайсовъ и княгиня Гагарина подѣйствовали на самолюбіе Павла Петровича, и онъ прислалъ въ назначенный вечеръ сказать императрицѣ, что не можетъ быть у ея. Съ этого времени Нелидовой пришлось окончательно запереться у себя, въ Смольномъ. Взамѣнъ того на государя начали оказывать вліяніе іезуиты, главой которыхъ въ Россіи явился энергическій и ловкій патеръ Груберъ.

Всѣ эти обстоятельства могутъ уяснить тотъ фактъ, что въ 1800 г. личность и управленіе Павла носили на себѣ въ высшей степени перемѣнчивый характеръ, и тогда, въ полномъ смыслѣ слова, наступило для современниковъ «царство страха». Особенно бросалась въ глаза каждому несоразмѣрность наградъ и наказаній. При малѣйшемъ упущеніи не спасали виновнаго никакія заслуги: желаніе быть справедливымъ, «не взирая на лица», увлекало Павла Петровича въ противоположную крайность, и онъ совершалъ величайшія несправедливости, чтобы не сказать болѣе. Не было человѣка, котораго заслуги были бы признаны Павломъ въ такой степени, какъ заслуги Суворова; не было отличія, какого бы онъ не далъ ему, какъ писалъ онъ въ рескриптѣ, «за великія дѣла вѣрноподданнаго, которымъ прославляется царствованіе наше»: титулъ князя Италійскаго, санъ генералиссимуса, приказъ объ отдаваніи ему воинскихъ почестей, присвоенныхъ лишь императору, памятникъ, воздвигнутый при жизни,—все это служило мѣриломъ признательности государя къ увѣнчанному славой полководцу. Призывая Суворова въ Петербургъ, Павелъ предполагалъ отвести ему покои въ Зимнемъ дворцѣ и устроить тріумфальную встрѣчу. На самомъ же дѣлѣ Суворовъ, больной физически и подавленный нравственно, пріѣхалъ въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1800 г. какъ бы тайкомъ, ночью, остановился у своего племянника, графа Хвостова, и, умирая подъ гнетомъ немилости къ нему государя, не былъ удостоенъ его посѣщеніемъ. Мало того, государь не проводилъ тѣла своего полководца до послѣдняго его жилища: онъ лишь выѣхалъ на путь, по которому шла печальная процессія и поклонился гробу, уронивъ нѣсколько сердечныхъ слезъ; цѣлый день онъ былъ невеселъ и ночью плохо спалъ, часто повторяя: «жаль». Оффиціальнымъ поводомъ къ негодованію Павла на Суворова было то, что Суворовъ, вопреки военному уставу Павла, имѣлъ при себѣ во все время похода дежурнаго генерала, а негласною причиною немилости можно предполагать возбужденное недоброжелателями Суворова самолюбіе Павла, оскорбленнаго признаніемъ Суворова, что артиллерійская, квартирмейстерская и провіантская части находилась въ австрійской арміи въ лучшемъ состояніи, чѣмъ въ русской: въ Суворовѣ онъ опять увидѣлъ екатерининскаго генерала, противника его преобразованій, а между тѣмъ недоброжелатели Суворова при дворѣ во-время напомнили государю, что онъ былъ въ родствѣ съ Зубовыми, находившимися въ опалѣ... Таково же было отношеніе Павла и къ войскамъ, возвратившимся изъ похода, гдѣ они покрыли себя славою и гдѣ ихъ мужество удивляло даже враговъ. Забыты были ихъ подвиги, и въ цѣломъ рядѣ приказовъ сдѣланы были выговоры за то, что «инспекторы и шефы полковъ мало прилагали стараній къ сохраненію службы въ такомъ порядкѣ, какъ было императорскому величеству угодно, и слѣдственно... сколь мало они усердствовали въ исполненіи его воли и службы», или «за то, что во всѣхъ частяхъ, составляющихъ службу, сдѣлано упущеніе; даже и обыкновенный шагъ ни мало не сходенъ съ предписаннымъ уставомъ» и т. п. Словомъ, государь былъ недоволенъ, что многіе изъ введенныхъ имъ плацпарадныхъ экзерцицій оказывались непригодны на поляхъ военныхъ дѣйствій. Когда великій князь Константинъ Павловичъ, возвратившись изъ швейцарскаго похода, доложилъ государю о неудобствахъ обмундированія арміи, оказавшихся въ походѣ, и представилъ образецъ пригоднаго солдатскаго обмундированія, государь былъ крайне недоволенъ, найдя, что образецъ этотъ напоминаетъ «потемкинскую» форму. Неудачи въ Швейцаріи и Голландіи, гдѣ командовали войсками плацпарадные генералы: Корсаковъ и Германъ, государь старался объяснить именно отступленіями отъ изданнаго имъ устава. 10 августа 1800 года объявленъ былъ приказъ: «его императорское величество даетъ на замѣчаніе генераламъ инспекціи финляндской, что они видятъ сами, сколь далеки они даже отъ того, чтобы быть генералами даже посредственными, и что пока они будутъ таковы — вездѣ, конечно, и всѣми будутъ биты».

Полицейская опека надъ частною жизнію подданныхъ, боязнь «моральной язвы», также не ослабѣвали, а вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно находилъ себѣ пищу никогда не умиравшій въ душѣ Павла Петровича страхъ заговоровъ и какого-либо переворота. Паленъ, пользуясь поддержкою Кутайсова, умѣлъ однако направлять подозрѣнія императора и гнѣвъ его сообразно своимъ цѣлямъ. 18 апрѣля 1800 г. послѣдо-

валъ указъ сенату: «Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку». Даже академіи наукъ воспрещено было выписывать книги изъ-за границы. Въ самомъ Петербургѣ, подъ вліяніемъ разныхъ неосновательныхъ доносовъ, начались полицейскія строгости. «Негодяи», говоритъ Коцебу, «злоупотребляя довѣріемъ монарха, сердце котораго было склонно къ кротости и добротѣ, всюду показывали ему призраки, вовсе не существовавшіе и даже такіе, въ которые они сами не вѣрили, и ввели начало владычества ужаса». Преданный государю Коцебу самъ засыпалъ всегда со страшными предчувствіями и вскакивалъ ночью при каждомъ шумѣ. На его примѣрѣ легко видѣть, въ какомъ состояніи духа находился каждый житель Петербурга въ то время. Проѣзжая по улицѣ, онъ смотрѣлъ во всѣ стороны, стараясь угадать, не ѣдетъ ли императоръ, чтобы своевременно отдать ему честь; онъ осматривалъ цвѣтъ и покрой одежды—нѣтъ ли чего въ нихъ противнаго указу; въ театрѣ, мѣстѣ его службы, онъ долженъ былъ угождать посредственностямъ, покровительствуемымъ Кутайсовымъ, и его фавориткѣ, г-жѣ Шевалье, а во время спектаклей трепеталъ при мысли, что недремавшая (только для вздорныхъ доносовъ) полиція или ея тайные агенты найдутъ двусмысленныя или колкія выраженія въ разрѣшенныхъ имъ для игры пьесахъ. Всякій разъ, когда его жена и дѣти запаздывали на прогулкахъ, онъ боялся, что ихъ арестовали за неотданіе чести и посадили въ тюрьму. Разговоровъ съ кѣмъ-нибудь онъ чуждался, опасаясь доносовъ; писать онъ не могъ, потому что рукописи могли быть захвачены и превратно истолкованы, читать — также, такъ какъ всѣ иностранныя книги были запрещены. Въ довершеніе всего, осенью, зимою и весною, когда, по дѣламъ, ему приходилось идти около дворца, онъ бѣжалъ, чтобы не получить простуды, потому что, во всякое время года и при самой ужасной погодѣ, нужно было слѣдовать мимо дворца съ непокрытой головой, встрѣчая, почти на каждомъ шагу, кибитки съ ссыльными или людей, ведомыхъ подъ конвоемъ для наказанія». «Я сошлюсь», прибавляетъ Коцебу, «на всѣхъ жителей Петербурга, когда бы кто рѣшился упрекнуть меня въ преувеличеніи... О, если бы государь зналъ это! Онъ, который сердечно желалъ счастія своимъ подданнымъ!» Между тѣмъ, на Дону казненъ былъ, вопреки приказанію императора, преданный ему полковникъ Грузиновъ, котораго Паленъ и его сообщники не желали допустить въ Петербургъ, а въ самомъ Петербургѣ лейтенантъ Акимовъ, за эпиграмму на построеніе Исаакіевскаго собора, сосланъ былъ въ Сибирь съ урѣзаніемъ языка; пасторъ Зейдеръ, обвиненный въ томъ, что имѣлъ запрещенныя книги въ своей библіотекѣ,—былъ наказанъ кнутомъ; генералъ-лейтенантъ князь Сибирскій, по неосновательному доносу, закованъ былъ въ кандалы и также сосланъ. Военные вообще чаще подвергались всякаго рода взысканіямъ. Конногвардейскій полкъ въ началѣ 1800 г. переведенъ былъ въ Царское Село и отданъ для обученія великому князю Константину Павловичу; говорили, что, въ припадкѣ гнѣва на оплошность офицеровъ этого полка, у императора вырвалось даже слово: «въ Сибирь!» Штабсъ-капитанъ Кирпичниковъ въ маѣ 1800 г., по приговору военнаго суда, утвержденному императоромъ, прогнанъ былъ чрезъ строй и получилъ 1000 ударовъ шпицрутеномъ. Рѣдкій вахтъ-парадъ обходился безъ наказаній. Изъ ряда многихъ странныхъ распоряженій Павла за это время нельзя пройти молчаніемъ того, что въ ноябрѣ запрещенъ былъ пріѣздъ ко двору почти всѣмъ лицамъ, имѣвшимъ на это право за исключеніемъ лицъ, ближайшихъ къ императору, такъ какъ они оказались «невѣжами», апплодируя на придворномъ спектаклѣ, а въ январѣ 1801 г. прусскій купецъ Ширмеръ, ходатайствовавшій о дозволеніи учредить общество, «въ коемъ гражданскіе чиновники, купцы и художники могли бы найти препровожденіе времени по вечерамъ»,—посаженъ былъ на мѣсяцъ на хлѣбъ и воду, а затѣмъ высланъ за границу; еще ранѣе запрещено было офицерамъ посѣщать общественныя собранія. Разборомъ всѣхъ доносовъ и усерднымъ не по разуму исполнителемъ рѣшеній императора былъ, кромѣ Палена, «гатчинецъ», генералъ-прокуроръ Обольяниновъ, не вѣдавшій, что творилъ. «Время это было самое ужасное», раз-

сказываетъ одинъ изъ его подчиненныхъ, Мертваго: «государь былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной; знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревни. Государь занялся дѣлами церковными, преслѣдовалъ раскольниковъ (духоборцевъ), разбиралъ основаніе ихъ секты; многихъ брали въ тайную канцелярію, брили имъ бороды, били и отправляли въ поселеніе. Словомъ, ежедневный ужасъ. Начальникъ мой сталъ инквизиторомъ, все шло чрезъ него. Сердце болѣло, слушая шепоты, и радъ бы не знать того, что разсказываютъ». Замѣчательно, что именно въ это время, въ апрѣлѣ 1800 г., Павелъ говорилъ шведскому послу Стединку: «Меня выставляютъ за ужаснаго невыносимаго человѣка, а я не хочу никому внушать страха». Еще замѣчательнѣе, что самое спокойное время въ 1800 г. въ Петербургѣ было въ сентябрѣ и октябрѣ, когда графъ Паленъ былъ назначенъ командовать арміей на прусской границѣ, а должность петербургскаго военнаго губернатора съ 14 августа исполнялъ генералъ отъ инфантеріи Свѣчинъ.

Тревожное состояніе умовъ въ Петербургѣ вполнѣ совпадало съ планами лицъ, стремившихся къ устраненію Павла отъ престола и къ установленію регенства въ Россіи, такъ какъ казалось, что государь страдаетъ психическимъ разстройствомъ. Мысль о возможности установленія регентства укрѣплялась подобными примѣрами, бывшими незадолго до этого времени въ Англіи и Даніи. Начало свое мысль эта получила въ бесѣдахъ честолюбиваго вице-канцлера графа Панина съ англійскимъ посломъ Витвортомъ, который въ маѣ 1800 г. долженъ былъ оставить Россію. Другъ Витворта, Ольга Александровна Жеребцова, сестра опальныхъ Зубовыхъ, и графъ Панинъ привлекли затѣмъ къ участію въ заговорѣ вице-адмирала Рибаса, хитраго и продажнаго, но ловкаго и способнаго человѣка, только что уволеннаго Павломъ отъ завѣдыванія лѣснымъ департаментомъ за обнаруженныя хищенія: неаполитанецъ по происхожденію, онъ пріѣхалъ въ Россію вмѣстѣ съ Алексѣемъ Орловымъ, принявъ участіе въ похищеніи извѣстной княжны Таракановой, и упрочилъ свою карьеру женитьбой на побочной дочери Бецкаго. Прослѣдить за первоначальными дѣйствіями этихъ друзей весьма трудно, но извѣстно, что въ сентябрѣ графъ Панинъ напрасно пытался подать государю записку о необходимости сближенія съ Англіей и Пруссіей, а въ то же время въ морскомъ вѣдомствѣ, гдѣ Рибасъ игралъ важную роль, не смотря на то, что ожидали войны съ Англіею, высочайшіе приказы за сентябрь и октябрь наполнены были болѣе, чѣмъ когда-либо, увольненіями отъ службы и въ отпускъ офицеровъ балтійскаго флота, который для войны съ Англіей необходимъ былъ въ полномъ своемъ составѣ. Вслѣдъ затѣмъ, въ октябрѣ, графъ Панинъ явился къ петербургскому военному губернатору Свѣчину и объявилъ ему, что онъ стоитъ во главѣ заговора противъ императора, что предположено заставить императора отказаться отъ престола и возвести на него великаго князя Александра. Панинъ спрашивалъ затѣмъ, какое рѣшеніе думаетъ въ виду этого принять самъ Свѣчинъ, какъ командующій войсками въ Петербургѣ. Генералъ съ негодованіемъ отвергъ предложеніе Панина принять участіе въ заговорѣ, но объявилъ, что не измѣнитъ его довѣрію, чтобы доносомъ пріобрѣсти милость государя: «законъ», прибавилъ онъ, «даетъ мнѣ право и всѣ средства исполнить мою обязанность». Спустя нѣсколько дней къ Свѣчину явился Рибасъ съ тѣмъ же вопросомъ и получилъ тотъ же отвѣтъ. «Спустя два дня», пишетъ Свѣчинъ въ своихъ запискахъ, «я утромъ былъ уволенъ отъ должности генералъ-губернатора и назначенъ сенаторомъ, а вечеромъ того дня—отставленъ отъ службы». На его мѣсто 27 октября снова назначенъ былъ Паленъ, вошедшій уже въ тѣсную связь съ заговорщиками. Увольненіе Свѣчина современники объясняли интригой Кутайсова: на одной дочери Лопухина, сестрѣ фаворитки, женатъ былъ старшій сынъ его, Павелъ, а на другой — сынъ Жеребцовой, Александръ. Въ то же время Жеребцова польстила Кутайсову, сообщивъ ему, что, будто бы, братъ ея, князь Платонъ Зубовъ, желаетъ жениться на его дочери. Восхищенный Кутайсовъ, съ своей стороны, убѣдилъ государя простить братьевъ Зубовыхъ и вызвать ихъ въ Петербургъ. Зубовы пріѣхали въ Петербургъ въ ноябрѣ и осыпаны были милостями императора: имъ возвращены были ихъ имѣнія, и оба они были назначены шефами кадетскихъ корпусовъ. Тогда же, 1 ноября, графъ Паленъ исходатайство-

валъ у императора неслыханную дотолѣ милость: высочайшимъ указомъ сенату дозволено было всѣмъ выбывшимъ или исключеннымъ изъ службы военной или гражданской вновь вступить на службу; но при этомъ сдѣлана была странная оговорка, чтобы всѣ таковые явились въ Петербургъ для личнаго представленія государю. Такимъ образомъ, въ скоромъ времени собралось въ столицѣ около 2000 человѣкъ, хотя и прощенныхъ, но дважды озлобленныхъ противъ императора, такъ какъ многіе изъ нихъ, уже впавъ въ нужду, должны были теперь совершить путь въ три или четыре тысячи верстъ до Петербурга, чтобы потомъ пройти, быть можетъ, столько же до назначенныхъ имъ полковъ...

Въ это время уже начались непріязненныя дѣйствія Россіи противъ Англіи: 23 октября графъ Растопчинъ, по повелѣнію императора, объявилъ о наложеніи амбарго на англійскія суда, находившіяся въ русскихъ портахъ, въ отплату англичанамъ за захватъ Мальты, и начались дѣятельныя приготовленія Россіи къ войнѣ съ Англіей. Случайно заболѣлъ въ это время президентъ адмиралтействъ-коллегіи графъ Кушелевъ, и Рибасъ долженъ былъ, вмѣсто него, докладывать дѣла императору. Ловкость докладчика, его увѣренность въ счастливомъ исходѣ войны и сдѣланныя имъ предположенія объ оборонѣ Кронштадта очень понравились Павлу, и онъ тотчасъ же началъ оказывать ему благоволеніе; говорили, что Рибасъ, польщенный этимъ, думалъ открыть императору планы заговорщиковъ. Случилось, однако, что Рибасъ внезапно заболѣлъ и скоро умеръ... Панинъ уже лишился тогда вицеканцлерскаго мѣста и былъ назначенъ въ сенаторы, но около 20 декабря вызвалъ на себя по ничтожному поводу неудовольствіе государя и былъ высланъ въ подмосковную деревню. Незадолго до своей опалы онъ нѣсколько разъ видѣлся съ великимъ княземъ Александромъ и убѣждалъ его принять на себя бремя правленія, но великій князь отвергъ это предложеніе. Послѣ удаленія Панина главой заговора сдѣлался графъ Паленъ.

4 декабря между Россіею и Швеціею заключенъ былъ союзъ противъ Англіи, которымъ ограждалась свобода морской торговли, а затѣмъ къ этому союзу приступили Пруссія и Данія. Союзъ Россіи съ Франціей былъ также обезпеченъ, такъ что противъ Англіи составилась грозная, еще невиданная коалиція морскихъ державъ. Король шведскій прибылъ въ Петербургъ, чтобы личнымъ свиданіемъ съ государемъ изгладить старыя недоразумѣнія,—но тщеславный и упорный нравъ его привелъ къ новому охлажденію къ нему Павла. Императоръ встрѣтилъ короля съ большимъ почетомъ и съ выраженіями полной дружбы, но король поступалъ такъ неосторожно, что Павелъ часто чувствовалъ себя оскорбленнымъ и сталъ питать отвращеніе къ своему гостю. Однажды, увидѣвъ въ балетѣ красныя шапочки на танцовщицахъ, онъ сказалъ, что эти шапки якобинцевъ.—«Можетъ быть», сказалъ сухо императоръ, «но у меня ихъ нѣтъ». Въ другой разъ Густавъ-Адольфъ пригласилъ Павла пріѣхать въ Швецію, обѣщая ему показать свою гвардію и выражая этимъ сомнѣніе на счетъ великаго совершенства русскихъ гвардейцевъ. «Слова эти», говоритъ современникъ, «тѣмъ болѣе возмутили Павла, что король, въ глазахъ императора, былъ ничтожный королекъ, а этимъ предложеніемъ онъ ставилъ себя наравнѣ съ нимъ, всемогущимъ самодержцемъ всея Россіи». Когда во время церемоніальнаго марша императоръ, во главѣ войскъ, лично отдалъ честь высокому гостю, гость этотъ отвѣтилъ только легкимъ наклоненіемъ головы. Король, наконецъ, не принялъ оффиціальнаго письма императора, потому что въ титулѣ былъ пропущенъ титулъ его «норвежскаго наслѣдника». Тѣмъ не менѣе Павелъ Петровичъ дружелюбно разстался съ королемъ и на другой день предъ самымъ его отъѣздомъ, послалъ къ нему графа Растопчина просить орденъ Серафимовъ для своего оберъ-шталмейстера, графа Кутайсова. Король отказалъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Кутайсовъ еще не имѣетъ ордена св. Андрея. Тогда императоръ, въ высшей степени разгнѣванный этимъ отказомъ, въ ту же минуту велѣлъ возвратиться придворной кухнѣ и свитѣ, назначенной провожать короля до границы, такъ что безъ помощи одного финскаго священника король и его дворъ не имѣли бы пропитанія; вмѣстѣ съ тѣмъ, Павелъ, чтобы загладить обиду, которую осмѣлились нанести его любимцу, поспѣшилъ тотчасъ наградить его орденомъ св. Андрея. Союзъ со Швеціей тѣмъ не менѣе остался въ силѣ. Кронштадтъ приготовлялся къ оборонѣ, поспѣшно собирались отпускные офицеры балтійскаго флота, для

защиты береговъ собрана была армія; приняты были мѣры даже для обороны Соловковъ. Желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, «атаковать англичанъ тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе и гдѣ меньше ожидаютъ», императоръ, съ одной стороны, просилъ перваго консула сдѣлать диверсію нападеніемъ на берега Англіи, а съ другой—12 января 1800 г. далъ приказаніе атаману войска донского Орлову двинуться съ донскими полками въ походъ на Индію. Казаки, исполняя приказъ государя, 27 февраля тронулись въ путь, но 18 марта успѣли только переправиться чрезъ Волгу, и вслѣдъ за тѣмъ получили извѣстіе о кончинѣ императора. Нѣтъ сомнѣнія, что походъ этотъ, мало обдуманный и вовсе неподготовленный, не привелъ бы къ желаемой цѣли, такъ какъ неизвѣстна была даже дорога въ Индію, но та же неизвѣстность царила и въ Англіи относительно возможности этой экспедиціи, тѣмъ болѣе, что одновременно съ вѣстію о ней тамъ узнали о расширеніи предѣловъ Россіи за Кавказомъ: 18 января 1801 г., по завѣщанію послѣдняго грузинскаго царя Георгія, совершилось добровольное присоединеніе къ Россіи Грузіи. Все это произвело въ Англіи сильное впечатлѣніе, особенно въ торговыхъ сферахъ. Лондонскій кабинетъ, ко всеобщему удивленію, одинъ сохранялъ видимое спокойствіе и лишь въ концѣ февраля 1801 г. отправилъ въ Балтійское море эскадру, подъ начальствомъ Нельсона.

Разрывъ съ Англіей какъ нельзя болѣе согласовался съ планами заговорщиковъ. Отпускная торговля наша цѣликомъ была въ рукахъ англичанъ, вывозившихъ русское сырье: хлѣбъ, кожу, лѣсъ и т. д. Прекращеніе этой торговли совпало со временемъ осеннихъ закродажъ, и появившіяся низкія цѣны на сырье ложились тяжелымъ бременемъ на дворянство и купечество. Осуждали политику государя, увѣряли, что Кронштадтъ не выдержитъ бомбардированія англійскаго флота, и предрекали Петербургу неминуемую гибель. Этими слухами и внушеніями думали, говоритъ де-Сангленъ, приготовить публику, и безъ того недовольную...

Графъ Паленъ, послѣ удаленія Панина давшій заговору другое направленіе, не терялъ времени. Не питая довѣрія къ характеру Платона Зубова, котораго считалъ онъ человѣкомъ ничтожнымъ и пустымъ, Паленъ избралъ правою рукою своею генерала Беннигсена, находившагося на русской службѣ, но бывшаго подданнымъ англійскаго короля по ганноверскому своему происхожденію. Беннигсенъ, подобно многимъ другимъ, былъ сначала уволенъ изъ службы, но, вслѣдствіе запрещенія государя, не могъ выѣхать за границу и затѣмъ получилъ назначеніе служить на кавказской линіи. Паленъ вызвалъ его въ Петербургъ и заранѣе ввелъ его во всѣ подробности заговора, предназначая ему роль руководителя. Государь только что переѣхалъ, 1 февраля 1801 г., въ новый дворецъ свой, Михайловскій замокъ, построенный на мѣстѣ разобраннаго Лѣтняго дворца, въ которомъ государь родился. «На томъ мѣстѣ, гдѣ родился, хочу и умереть», говорилъ императоръ. Разсказывали, что построеніе этого замка связано было съ мистическими воззрѣніями Павла и видѣніемъ часовому, при восшествіи Павла на престолъ, св. Архангела Михаила, въ честь котораго освящена была церковь замка и нареченъ младшій сынъ императора. Дворецъ былъ заложенъ 26 февраля 1797 года и строился 4 года. 8 ноября 1800 г., въ день Архангела Михаила, происходило освященіе замка, а 1-го февраля 1801 г. императоръ поспѣшилъ поселиться въ новомъ, великолѣпномъ, но еще сыромъ и не вполнѣ отдѣланномъ своемъ жилищѣ, чтобы успѣть пожить въ немъ до отправленія своего въ Москву, гдѣ онъ предполагалъ весною произвести смотръ войскамъ московской инспекціи. Михайловскій замокъ, по наружному виду, представлялъ рыцарскую крѣпость, окруженную рвами и гранитными брустверами, на которыхъ стояли орудія; сообщеніе производилось по подъемнымъ мостамъ, у которыхъ стояли караулы, но никакихъ подземныхъ ходовъ, о которыхъ ходила молва, въ замкѣ не было.

Для завершенія коварныхъ дѣйствій графа Палена и его сообщниковъ нужно было убѣдить великаго князя Александра въ истинѣ распущенныхъ по городу слуховъ, что Павелъ Петровичъ собирается заключить супругу свою въ монастырь, а старшихъ сыновей своихъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Слухи эти ничѣмъ, однако, не подтверждались, хотя подозрительность императора часто обращалась на старшаго его сына. Извѣстно только, что государь однажды, когда великій князь ходатайствовалъ предъ нимъ за нѣкоторыхъ

провинившихся офицеровъ, увидѣлъ въ этомъ ходатайствѣ стремленіе сына къ популярности, въ ущербъ себѣ, и, поднявъ свою палку, съ гнѣвомъ закричалъ на него: «я знаю, что ты злоумышляешь противъ меня!» Великая княгиня Елисавета бросилась между отцомъ и сыномъ, и Павелъ ушелъ, пыхтя отъ гнѣва. Этимъ предубѣжденіемъ государя и воспользовался Паленъ для достиженія своихъ цѣлей: онъ старался вооружить отца противъ сыновей, а великихъ князей увѣрялъ, что заботится объ оправданіи ихъ поступковъ предъ ихъ родителемъ. Въ то же время Паленъ удалилъ, съ помощью Кутайсова, послѣдняго человѣка, который могъ стать ему поперекъ дороги. Растопчинъ, какъ директоръ почтъ, перехватилъ письмо, гдѣ шла рѣчь будто-бы о Цинцинаттѣ—Репнинѣ, впавшемъ въ немилость Павла, и, донеся о немъ императору, приписалъ его Панину, давнему своему сопернику. Ошибка или злоумышленіе Растопчина вскорѣ обнаружилось: авторомъ оказалось другое лицо; но Кутайсовъ воспользовался случаемъ, чтобы погубить стараго своего пріятеля. Объяснили дѣйствіе Растопчина въ самомъ черномъ видѣ, хотя почеркъ Панина былъ извѣстенъ самому государю. «Это чудовище!» воскликнулъ Павелъ: «онъ хотѣлъ сдѣлать меня орудіемъ частной мести!» 20 февраля Растопчинъ былъ уже уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ и уѣхалъ въ подмосковную свою деревню: его не допустили даже проститься съ государемъ. Его должности: перваго члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ и директора почтъ—переданы были Палену.

Но уже 9 марта случилось нѣчто неожиданное. Павелъ, кажется, былъ кѣмъ-то предувѣдомленъ или началъ бояться Палена, давши ему въ руки такую всеобъемлющую власть. Поэтому, не говоря ему ни слова, онъ послалъ за Аракчеевымъ, жившемъ около Новгорода, причемъ самъ подписалъ подорожную. Но Паленъ перехватилъ фельдъегеря и представилъ государю пакетъ и подорожную, какъ подложные. Государь приказалъ ему отправить ихъ немедленно по назначенію и при этомъ невзначай спросилъ его, возможно ли теперь повтореніе событій 1762 г. Паленъ хладнокровно отвѣтилъ на это, что нѣкоторые и теперь задумываютъ подобное покушеніе, но исполнить его не такъ легко, какъ прежде: войско тогда не было еще въ рукахъ государя, и полиція не такъ дѣйствовала, какъ теперь. Предположивъ затѣмъ изъ дальнѣйшихъ словъ государя, что онъ, быть можетъ, хорошо освѣдомленъ о заговорѣ, широко распространявшемся среди офицеровъ гвардіи, Паленъ съ твердостью объяснилъ ему, что онъ самъ стоитъ во главѣ одного заговора для того, чтобы наблюдать за дѣйствіями заговорщиковъ, потому что не имѣетъ силы помѣшать имъ теперь же; вслѣдъ затѣмъ онъ добавилъ, что не можетъ отвѣчать за безопасность государя, пока не будетъ имѣть въ рукахъ письменнаго повелѣнія, арестовать, въ случаѣ надобности, великаго князя Александра Павловича. Получивъ такимъ способомъ отъ государя это повелѣніе, распространенное на всѣхъ членовъ императорской фамиліи, Паленъ немедленно показалъ его великому князю Александру...

Павелъ Петровичъ, однако, не вполнѣ довѣрялъ Палену: онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ Аракчеева и скрывалъ свои мысли даже отъ Кутайсова, сказавъ ему только: «черезъ пять дней ты увидишь великія дѣла!» Но точныхъ свѣдѣній о заговорѣ государь не могъ имѣть: даже тѣ, кто желалъ бы предупредить его, боялись, что Павелъ Петровичъ не дастъ себѣ труда вникнуть въ дѣло и, довѣряя Кутайсову, выдастъ ихъ головою тому же Палену.

Наконецъ вечеромъ 11 марта прибылъ къ петербургской заставѣ давно ожидаемый Аракчеевъ, но здѣсь, по приказанію Палена, ему было объявлено, что его не могутъ пропустить безъ особаго повелѣнія государя. Въ этотъ день великихъ князей: Александра Павловича и Константина Павловича генералъ-прокуроръ Обольяниновъ приводилъ къ присягѣ на вѣрность императору-отцу, и оба они находились у себя въ комнатахъ подъ арестомъ. Въ тотъ же вечеръ Павелъ Петровичъ удалилъ отъ себя вѣрный караулъ отъ конной гвардіи, которую Паленъ представилъ ему какъ зараженную якобинствомъ, а, взамѣнъ его, поставилъ у дверей своей спальни двухъ унтеръ-лакеевъ...

Въ ночь съ 11 на 12 марта императора Павла Петровича не стало... «Судьбамъ Вышняго», возвѣщалъ манифестъ новаго императора, Александра Павловича, «угодно было прекратить жизнь любезнаго родителя нашего, государя императора Павла Петровича, скончавшагося скоропостижно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11-го

на 12-е число сего мѣсяца. Мы, воспріемля наслѣдственно императорскій всероссійскій престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Бозѣ почивающей августѣйшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великія, коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да, по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ вознести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ, которыхъ чрезъ сіе призываемъ запечатлѣть вѣрность ихъ къ намъ присягою предъ лицемъ всевидящаго Бога, прося Его, да подастъ намъ силы къ снесенію бремени, нынѣ на насъ лежащаго».

Манифестъ этотъ произвелъ, по словамъ современниковъ, всеобщій восторгъ въ обществѣ, особенно въ средѣ дворянства: «всѣ умы и сердца успокоились». «Сынъ Екатерины (такъ объяснялъ это «успокоеніе» въ обществѣ представитель его, Карамзинъ), могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества. Къ неизъяснимому изумленію россіянъ, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ; отнялъ стыдъ у казни, у награды — прелесть; унизилъ чины и ленты расточительностію въ оныхъ; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ въ полкахъ нашихъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериной, и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать; отвратилъ дворянство отъ воинской службы; презиралъ душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчью зла; ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ болѣе всѣхъ страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ — соорудилъ гробницу!...

17-го марта, въ 7 час. въ вечера, тѣло почившаго императора, пріуготовленное на кровати въ коронѣ и порфирѣ, въ присутствіи ихъ величествъ и ихъ высочествъ было перенесено генералъ-и флигель-адъютантами изъ почивальной въ тронную залу Михайловскаго замка и выставлено на паратбетѣ; затѣмъ, 22-го марта, тѣло было перенесено изъ тронной на катафалкъ, устроенный въ военномъ залѣ. 23-го марта, въ Страстную субботу, останки почившаго государя перевезены были въ Петропавловскій соборъ. За гробомъ слѣдовалъ императоръ Александръ, имѣя на себѣ черную мантію и распущенную на головѣ шляпу съ флеромъ, за нимъ слѣдовалъ великій князь Константинъ Павловичъ съ супругой, великой княгиней Анной Ѳеодоровной; императрица Марія Ѳеодоровна, обезсилѣвшая отъ горя и слезъ, оставалась во время печальной церемоніи въ Михайловскомъ замкѣ, утѣшаемая заботами и попеченіями новой императрицы, Елизаветы Алексѣевны. Въ тотъ же день, 23-го марта, послѣдовало отпѣваніе и погребеніе тѣла императора Павла Петровича въ Петропавловскомъ соборѣ.

Рукописные матеріалы для исторіи императора Павла находятся во многихъ правительственныхъ архивахъ, въ особенности въ Государственномъ архивѣ, въ архивахъ министерства Императорскаго двора и министерства иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, въ архивахъ центральныхъ учрежденій военнаго министерства, въ Сенатскомъ архивѣ, въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи и др. Важны также частныя собранія рукописей; таковы, напр., рукописи изъ собранія покойнаго князя Алексѣя Борисовича Лобанова-Ростовскаго, пожалованныя Государемъ Императоромъ Императорскому Русскому Историческому Обществу. Изъ отдѣльныхъ изданій актовъ царствованія императора Павла выдѣляются по своему значенію: «Полное Собраніе Законовъ», тт. XXIV, XXV и XXVI, «Архивъ Государственнаго Совѣта», т. II, «Сенатскій Архивъ», т. I. «Собраніе трактатовъ и конвенцій», Мартенса. Масса правительственныхъ актовъ, писемъ и записокъ императора Павла и его современниковъ, вмѣстѣ съ другими разнообразными матеріалами, напечатана въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», въ «Архивѣ кн. Воронцова», въ «Архивѣ кн. Куракина», въ «Осьмнадцатомъ Вѣкѣ» и въ журналахъ: «Библіографическія Записки», «Чтенія въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», «Русскій Архивъ», «Русская Старина», «Древняя и Новая Россія», «Историческій Вѣстникъ»; см. также изданія Брикнера: «Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина», Choumigorsky: «Lettres de S. M. l'Impératrice Marie Feodorovna à m-lle Nélidow», Lise Troubetzkoy: «Correspondance de S. M. l'Impératrice Marie Féodorovna avec m-lle de Nélidow». Paris, 1896. Изъ записокъ современниковъ объ императорѣ Павлѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: D'Allonville: «Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat». «Article ecrit par quelqu' un qui a beaucoup connu la princesse Anne Gagarine («Le Temps» du 3-e Février 1833). Ассебургъ (Asseburg: «Denkwürdigkeiten». Berlin, 1842. Бахметевъ, А. Н.: «Souvenirs».

(ркп.). Башиловъ: «Записки о временахъ Екатерины II и Павла I». («Заря», 1871, 12). Башомонъ: «Записки» («Р. Стар.» 1882). Болотовъ: «Памятникъ протекшихъ временъ». М. 1875 и «Записки», XXXV, въ «Р. Стар.» 1889 г. Брей (Bray), кавалеръ: «Mémoire sur la Russie» (ркп.). Вигель: «Записки». М. 1864—1866, а также въ «Р. Арх.» 1894 г. Виже-Лебренъ (Vigée le Brun): «Souvenirs». Paris, 1869; перев. въ «Др. и Нов. Россіи.», 1876, 10 — 12. Волконскій, кн. П. М.: «Разсказы» («Р. Стар.», 1876, 5). Вяземскій, кн., П. А.: «Старая записная книжка» въ «Полномъ собраніи сочиненій», СПб., 1878—1887. Гарновскій: «Записки» (Р. Стар. 1876, 1—7), Гейкингъ: «Aus den Tagen Kaiser Pauls» von Bienemann. Leipzig, 1886 (Р. Стар.», 1887). Гельбигъ: «Russische Günstlinge». Tübingen. 1809 (Переводъ въ «Р. Стар.» 1886, 1887). Глинка, С. Н.: «Записки». СПб., 1895. Голицынъ, А. Н. кн.: «Разсказы» («Р. Арх.», 1886). Голицынъ, С. М., кн.: «Разсказы» («Р. Арх.», 1869). Голицынъ, Ѳ. Н., кн.: «Записки» (Р. Арх.», 1884, 1). Головина, графиня: «Записки». СПб. 1899, Греппи (Greppi): «Révelations diplomatiques sur les relations de la Sardaigne avec l'Autriche et la Russie pendant la premiere et la dernière coalition». Paris, 1859. Грембло (Grimblot): «La cour de Russie il y a cent ans». Berlin, 1890. Гречъ, Н. И.: «Записки о моей жизни». СПб. 1886. Грязевъ: «Записки» (ркп.). Даль, В. И.: «Разсказы о временахъ Павла I» («Р. Стар.» 1870, 9). Дашкова, кн.: «Mémoires» («Арх. кн. Воронцова», XXI). Денисовъ, А. К.: «Записки» («Р. Стар.», 1874 — 1875). Державинъ: «Записки» (Сочиненія Державина, изд. Грота, т. VI). Дмитріевъ, И. И.: «Взглядъ на мою жизнь», М. 1866 г. Дмитріевъ М. А.: «Мелочи изъ запаса моей памяти». М. 1869. Долгорукій, кн., И. М.: «Капище моего сердца». М. 1874 и въ «Р. Арх.», 1893. «Europäische Annalen»—vom Jahre 1807. Екатерина II: «Mémoires», London 1859. «Ermordung des Kaisers Paul I» (Sybel: «Historische Zeitschrift, 1860, 3»). Ермоловъ, А. П.: «Разсказы» («Чтенія Московскаго Общества» и проч., 1863, 4). Евгеній Виртембергскій, принцъ; «Memoiren» Frankfurt am O. 1862. — Helldorf: «Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Würtemberg». Berlin, 1861. Жоржель: «Записки» (Georgel); «Mémoires pour servir à l'histoire des évenements de la fin du XVIII siècle, t. VI, Paris, 1820. Переводъ въ «Др. и Нов. Россіи», 1878, 6—12). Зейдеръ: «Der Todeskampf am Hochgericht». Hildesheim und Leipzig, 1803, а также въ «Р. Стар.» 1878, XXI и XXII. Зейме (Seume): Briefe uber dieneuesten Veränderungen in Russland. Leipzig 1797. Ильинскій «Записки» («Р. «Арх.». 1869). «Историческій Сборникъ». Лондонъ, 1859. Кн. 1 и 2. Карабановъ: «Историческіе разсказы и анекдоты» («Р. Стар.», 1871, 1872). Karl Friedrich von Baden: «Politische Correspondenz» (1783 — 1806). Heidelberg, Ковалевскій, Е. П. «Послѣ смерти Павла I» (ркп.). Комаровскій, гр.: «Записки» («Р. Арх.», 1867, а также «Истор. Вѣстн.», 1898). Коцебу (Kotzebue: Das merkwürdigste Jahr meines Lebens. Berlin, 1801); его же: «Записка о кончинѣ императора Павла» (ркп.). Кутлубицкій: «Разсказы» («Р. Арх», 1868). Ланжеронъ, гр.: «Записки» (ркп., отрывки въ «Revue Britannique», 1895, и въ «Р. Ст.» 1895 г.). Ливенъ, кн. Д. Х.: «L'Empereur Paul» (ркп.) Лопухинъ, И. В.: «Записки» («Р. Арх.»., 1884. 1). Лопухинъ кн. П. П.: «Разсказы» (ркп). Лубяновскій: «Воспоминанія» («Р. Арх.», 1872) Мальмсбюри, лордъ «Diaries aux correspondance». London, 1845. Массонъ (Masson): Mémoires secrets sur la Russie. Paris, 1802. Местръ, Жозефъ (Maistre): «Mémoires et correspondance». Мертваго: «Записки». М. 1877 или въ «Р. Арх». 1867 г. Paris, 1869. Муханова, М. С.: «Изъ записокъ» (въ неполномъ видѣ) («Р. Арх.», 1878, 1). Нессельроде, графъ К. В.: «Записки» («Р. Вѣстн»., 1865, 10). Оберкирхъ (Oberkirch): «Mémoires». Paris, 1853. Paul I. Von einem unbefangenen Beobachter. Leipzig, 1800. Пишчевичъ: «Жизнь А. С. Пишчевича, имъ самимъ описанная». М., 1885. Полетика, П. И.: «Записки» («Р. Арх.», 1885). Понятовскій, Станиславъ, кн.: «Souvenirs». Paris, 1895. Порошинъ: «Записки» (приложеніе къ «Р. Стар.», 1881). Спб. 1881. Растопчинъ, гр.: Ѳ. В. «Картина Европы въ началѣ XIX ст. и отношеніе къ ней Россіи» («Памятники новой русской исторіи», Кашпирева, Спб. 1871); его же «1812 годъ» («Р. Стар.», 1896, 1). Растопчинъ, гр. А. Ѳ.: «Matériaux inédits pour la biographie future du comte Rastoptchine». Bruxelles, 1864. Ржевская (Алымова): «Записки» («Р. Арх.», 1871, 1). Реймерсъ: «Петербургъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ» («Р. Стар.», 1883). Переводъ съ изданія: «St. Petersburg am Ende seines ersten Jahrhun-derts». St. Petersburg, 1805. Рибопьеръ, гр.: «Записки» («Р. Арх.», 1877, 1). Руничъ, Д. П.: «Изъ записокъ» («Р. Стар.», 1896) и (ркп.) Саблуковъ: «Записки» («Fraser's Magazine», 1865, «La mort de Paul I» — «Revue moderne 1865 et 1866», перев. въ «Р. Арх.», 1869, II), Сангленъ: «Записки» («Р. Стар.», 1882 и 1883). Сегюръ (Ségur) гр.: «Mémoires». Paris, 1827. Серра-Капріола: «Донесенія» (ркп.). Станиславъ Августъ: «Mémoires». Leipzig, 1862. Стедингкъ (Stedingk): «Mémoires posthumes», Paris, 1844. Thugut: «Verträuliche Briefe», Wien, 1872. Тургеневъ, А. М.: «Записки» («Р. Стар.», 1885, 1886, 1887, 1889, 1895). Тыртовъ: «Анекдоты объ императорѣ Павлѣ I», М. 1807. «Философъ горы Алаунской», М. 1801. Фонвизинъ, М. А.: «Записки», Лейпцигъ, 1861, а также въ «Р. Стар.», 1884). Хвостовъ: «Записки» («Р. Арх.», 1870, 3). Храповицкій: «Дневникъ». Спб., 1874. Циммерманъ: «Записки» (ркп.). Чарторижскій (Czartorisky), кн. Адамъ: «Mémoires», Paris, 1887. Чичаговъ: «Записки» («Mémoires de l'amiral Tchitschagoff», Leipzig, 1862 и «Архивъ адмирала Н. В. Чичагова», выпускъ I, Спб., 1885, а также «Р. Стар.», 1883, 1886, 1887, 1888). Шишковъ: «Записки». Берлинъ, 1870. Шуазель-Гуфье (Choiseul-Gouffier): «Mémoires historiques». Paris, 1829. Энгельгардтъ: «Записки». М. 1867. Изъ немногочисленной литературы объ императорѣ Павлѣ и его времени болѣе извѣстны и важны слѣдующія сочиненія: Кобеко: «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», Спб., 1887. Шумигорскій: «Императрица Марія Ѳеодоровна», т. I, Спб., 1892. Шильдеръ: «Императоръ Александръ Первый», т. I, Спб., 1897. «Leben Pauls I», Frankf. am M., 1804. (Переводъ Кряжова: «Жизнь Павла I», М. 1805). Schnitzler: «Kaiser Paul I vor und nach seiner Thronbesteigung» (Raumer: «Histor. Taschenbuch», 4-te Folge, 8-er Jahrgang». Leipzig, 1867). «Kaiser Pauls Ende» von R. R., Stuttgart, 1897. Шумигорскій: «Екатерина Ивановна Нелидова», Спб., 1897. Васильчиковъ: «Се-

мейство Разумовскихъ», Спб., 1880. Бильбасовъ: «Исторія Екатерины Второй», т. 1 и 2, Спб., 1890—1891, т. XII, Берлинъ, 1896. Милютинъ: «Исторія войны 1799 года», Спб., 1852. Панчулидзевъ: «Исторія кавалергардскаго Ея Величества полка», Спб., 1899. Tatistcheff: «Paul I et Bonaparte» («Nouvelle Revue», 1887). Paris, 1887. Лебедевъ: «Преобразованіе русской арміи въ царствованіе императора Павла Петровича» («Р. Ст.», 1877, т. XVIII). «Графы Панины», Спб., 1863, его же. Корсаковъ: «Воцареніе императора Павла» («Ист. В.», 1896). Григоровичъ: «Канцлеръ кн. Александръ Андреевичъ Безбородко» (Сб. И. Р. И. О., т. XXVI и XXIX). «Хроника недавней старины», (изъ архива кн. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго), Спб. 1876. Thiers: «Histoire du consulat et de l'Empire» (3-e vol.). Rabbé: «Histoire d'Alexandre I», Paris, 1826. Chateaugiron: «Notice sur la mort de Paul I». Paris, 1820. Bernhardi: «Geschichte Russlands», Leipzig, 1875. Lloyd: «Alexander I» (aus dem Englischen), Stuttgardt, 1826. Bülau: «Personnages énigmatiques» (Traduit de l'allemand). Winterfeld: «Geschichte des Ordens sancti Iohannis», 1859. Андреевъ: «Представители власти въ Россіи», Спб., 1871. Морошкинъ: «Іезуиты въ Россіи», Спб., 1870. Blum: «Ein russischer Staatsmann» Leipzig, 1857. Пыпинъ: «Общественное движеніе при Александрѣ I», Спб., 1883. Градовскій: «Высшая администрація въ Россіи и генералъ-прокуроры», Спб., 1866. Романовичъ-Славатинскій: «Дворянство въ Россіи», Спб., 1870. Семевскій: «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.», Спб., 1888. Корфъ: «Жизнь гр. Сперанскаго», Спб., 1861. Щегловъ: «Государственный Совѣтъ въ царствованіе императора Александра I», Ярославль, 1895. «Павловскъ» (очеркъ исторіи и описаніе), Спб., 1877. Ровинскій: «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», Спб., 1886—1889 и др.

Евгеній Шумигорскій.

